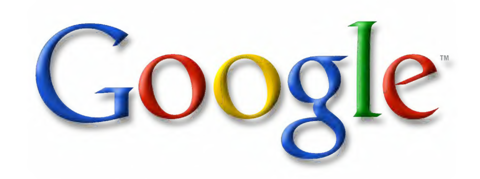

ЖИВАЯ СТАРИНА

ПЕРІОДИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ

ОТДѢЛЕНІЯ ЭТНОГРАФІИ

ИМПЕРАТОРСКАГО РУССКАГО ГЕОГРАФИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА

подъ редакціею Предсѣдательствующаго въ Отдѣленіи Этнографіи

В. И. Ламанскаго.

Выпускъ I

ГОДЪ ПЯТЫЙ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія С. Н. Худекова. Владимірскій пр., № 12.
1895.

Печатано по распоряженію Императорскаго Русскаго Географическаго Общества.

ОТДѢЛЪ I.

Отчетъ о поѣздкѣ въ Чудской край (Олонецкой губ., Лодейнопольскаго уѣзда) въ 1894 г.

Въ нынѣшнемъ 1894 году мѣстомъ для этнографическихъ наблюденій я избралъ Чудской край Лодейнопольскаго уѣзда, Олонецкой губерніи. Мой путь въ намѣченный край лежалъ чрезъ Лодейное-Поле, городъ когда-то извѣстный, служившій мѣстомъ выполненія нѣкоторыхъ геніальныхъ замысловъ Петра. Во время извѣстнаго своего путешествія изъ Архангельска до устья Свири Петръ восхитился изобиліемъ и ростомъ первобытныхъ лѣсовъ, растущихъ въ этихъ мѣстахъ; и близь деревни Мокршивицы, гдѣ теперь стоитъ городъ Лодейное-Поле, въ 1702 году заложилъ корабельную верфь, назначивъ начальникомъ ея поручика Меньшикова. Здѣсь выстроены были—походный храмъ и дворецъ на время пребыванія Петра на верфи, а въ 1703 г. строились уже корабли. Петръ понималъ всю важность быстроты работы, часто понукалъ въ письмахъ своихъ Меньшикова; натура его не выносила откладыванія дѣла въ долгій ящикъ; онъ самъ первый показывалъ примѣры энергіи и трудолюбія; огромныя деревья были свезены на сосѣднее поле, засѣянное рожью; изъ Олонца, Каргополя, Бѣлозерска и Пошехонья явились рабочіе; Петръ самъ пріѣхалъ въ Лодейное поле, заложилъ собственноручно 6 фрегатовъ и 9 шнявъ и въ сентябрѣ 1703 г. возвратился въ Петербургъ на первомъ построенномъ на Лодейнопольской верфи фрегатѣ «Штандартъ», который и былъ первымъ русскимъ кораблемъ, вышедшимъ подъ императорскимъ флагомъ черезъ Ладогу и Неву въ Балтійское море (Майковъ. Обонежье и Корела). Безъ сомнѣнія, въ тѣ далекія времена г. Лодейное-поле былъ болѣе дѣятеленъ, болѣе оживленъ, чѣмъ теперь представляется всякому новопріѣзжему. Въ настоящее время онъ состоитъ изъ какой-нибудь сотни маленькихъ деревянныхъ домишекъ, и вся былая жизнь его перешла въ конечные пункты Свири—Вознесенье и Сермаксу. Лодейное-поле теперь ни болѣе ни менѣе, какъ промежуточная станція для судовъ и пароходовъ, направляющихся въ Петербургъ. Отъ прежнихъ историческихъ воспоминаній не осталось

почти ничего, за исключеніемъ только нѣсколькихъ деревянныхъ тумбъ, окрашенныхъ зеленой краской, съ прибитыми къ нимъ безграмотными надписями: на сихъ мѣстахъ была церковь Петра... или — на сихъ мѣстахъ жилъ Петръ... Да еще сохраняется неуклюжій обелискъ, сооруженный частнымъ лицомъ, которое отдало этимъ дань удивленія предъ энергическою дѣятельностью Петра; на обелискѣ съ боку вставленъ медальонъ съ барельефнымъ изображеніе императора; на верху придѣланъ двуглавый орелъ, а внизу витіеватая надпись: «Да знаменуетъ слѣды Великаго сей скромный простымъ усердіемъ воздвигаемый памятникъ»...

Городъ мертвъ, молчаливъ, скученъ и бѣденъ такъ, какъ могутъ быть бѣдны только уѣздные города убогой Олоніи. Здѣсь рѣшительно нѣтъ никакихъ заработковъ, никакихъ промысловъ, полное отсутствіе всякой заводской и фабричной дѣятельности. И городскіе жители — мѣщане, кой-какъ перебиваясь на какихъ-то аферахъ, чистыхъ пустякахъ, съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе бѣднѣютъ и накапливаютъ въ своей груди желчи и недовольства противъ своего роднаго городка, и отводятъ сердце въ бесѣдѣ съ случайнымъ проѣзжимъ, не стѣсняясь при этомъ въ выразительныхъ фразахъ и сильныхъ выраженіяхъ.

«Будь онъ—анафема, трижды проклятъ, безпутный нашъ городишка», ругался въ моемъ присутствіи Лодейнопольскій мѣщанинъ,—«да и народъ-то нашъ какой-то безмозгатой... Вотъ Олончане (жители г. Олонца и его окрестностей), однимъ словомъ — кореляки; а поди-ка... телѣгу ли сдѣлать, санки ли смастерить, шляпу ли изъ соломы сплести... да лучше его нѣту: сейчасъ все пойметъ и перейметъ. А у насъ—хоть бы что, ничего не родится... Придется, кажется, ничего не подѣлаешь, въ деревню ѣхать да въ крестьяне записываться».

И дѣйствительно, своими глазами видѣлъ нѣсколько домишекъ на окраинѣ города, наглухо забитыхъ досками, жители которыхъ, вѣроятно, куда-то выселились на новыя мѣста, ища себѣ болѣе счастливой жизни.

Развитіе города,—если только оно еще есть,—идетъ такимъ медленнымъ куринымъ шагомъ, что въ полустолѣтній періодъ времени не замѣтишь въ его жизни никакихъ измѣненій. Жизнь здѣсь идетъ постоянно неизмѣннымъ порядкомъ, по разъ намѣченной колеѣ, и никакихъ улучшеній, никакихъ усовершенствованій не наглядѣлъ бы здѣсь самый зоркій, пристальный взглядъ.

Единственный, буквально единственный фонарь, прибитый къ воротамъ полицейскаго управленія, скупо освѣщаетъ фасадъ угрюмаго зданія; остальнымъ же улицамъ предоставленно тонуть въ безпросвѣтной темнотѣ, особенно въ осеннія ночи; и потому, разсказывали мнѣ, мѣстные религіозные старики

и старушки ходятъ ко всенощнымъ и утренямъ съ фонарями въ рукахъ. 2—3 лавченки, торгующія мукой, лукомъ, чеснокомъ, столярнымъ клеемъ и постнымъ масломъ,—вполнѣ удовлетворяютъ неприхотливымъ вкусамъ обитателей. Нѣтъ ни извощиковъ, ни гостинницъ для пріѣзжихъ, ни уличной мостовой, не говоря уже о другихъ изобрѣтеніяхъ и усовершенствованіяхъ въ родѣ телефона и электричества, которыя, кстати сказать, уже годъ-другой какъ сдѣлались достояніемъ такихъ маленькихъ финскихъ городовъ, какъ Кексгольмъ и Сердоболь.

А что въ Лодейномъ-полѣ поражаетъ каждаго новопріѣзжаго, такъ это обиліе всевозможныхъ присутственныхъ мѣстъ и обиліе чиновниковъ. На каждомъ болѣе или менѣе порядочномъ домѣ, который еще отъ ветхости не согнулся, какъ старушка, и въ которомъ цѣлы еще всѣ оконныя стекла,—непремѣнно вы увидите вывѣску. Тамъ—уѣздное присутствіе по крестьянскимъ дѣламъ, тамъ—уѣздная управа, тамъ—полицейское управленіе, воинское присутствіе, почтовая контора, тамъ еще и еще вывѣска и, наконецъ, какой-то «сиротскій судъ», занимающій длинное неуклюжее зданіе, не обшитое тесомъ. Такое обиліе всевозможныхъ Госуд. учрежденій естественно породило и многочисленный контингентъ служащихъ—чиновниковъ. Ихъ вы замѣтите въ любое время дня входящими и выходящими шумной толпой изъ своихъ присутствій, съ взбитыми на затылокъ форменными фуражками, съ прицѣпленными къ нимъ на лету кокардами. «Господи, да какъ ихъ много», невольно скажетъ всякій пріѣзжій, пораженный такою ихъ многочисленностью,—«да тутъ служащихъ должно быть гораздо больше, чѣмъ остальныхъ жителей, не занимающихъ никакой государственной должности».

Изъ Лодейнаго-поля я поѣхалъ далѣе въ Чудской край, по направленію къ рѣкѣ Ояти, гдѣ жила и живетъ понынѣ «бѣлоглазая Чудь».

«Вамъ на Русконицы (одинъ изъ ближайшихъ приходовъ къ Лодейному полю, въ 35 верстахъ отъ города) значитъ надоть ѣхать?» — говорилъ лодейнопольскій мѣщанинъ, котораго я нанималъ въ извощики до ближайшей станціи.

«Вамъ, значитъ, на «смычкахъ» гдѣ-быть способнѣй будетъ; дорога теперь больно ужь плоха, и на телѣгѣ пожалуй не проѣхать будетъ. Такъ, я вамъ «смычки» припрягу»...

Смычки... я почему-то увѣренъ, мм. гг., что нѣкоторымъ изъ слушателей не только не приходилось ѣздить, но даже и слыхать о такого рода экипажѣ, который между тѣмъ широко распространенъ въ Лодейнопольскомъ уѣздѣ и является здѣсь почти незамѣнимымъ. Представьте себѣ двѣ длинныхъ оглобли, припряженныхъ одними концами къ лошади, какъ припряга-

ютъ обычно оглобли дровней или какого-нибудь другаго экипажа. Задніе концы ихъ тащатся по землѣ, опираясь въ нее; къ этимъ оглоблямъ прикрѣпляются гибкими ивовыми прутьями или просто верёвками—перекладины; на нихъ кладутъ багажъ путешественника, и садится самъ путешественникъ, если онъ не мастеръ или почему либо не смѣетъ взобраться на спину тощей кляченки. Вотъ и все незамысловатое устройство «смычковъ». Экипажъ, какъ видите, самый первобытный, примитивный, употреблявшійся, вѣроятно, когда-нибудь еще въ доисторическія времена, а между тѣмъ въ Лодейнопольскомъ уѣздѣ—это почти единственный, болѣе всего распространенный и самый удобный по здѣшнимъ дорогамъ экипажъ. Такой же точно экипажъ предложили мнѣ, и я, кой-какъ примостившись на немъ со своимъ чемоданомъ, потарахтѣлъ въ Чудской край, знакомиться съ его жителями.

Лодейнопольская Чудь, какъ я уже сказалъ, живетъ по теченію рѣки Ояти, пріютившись между высокими горными хребтами, тянущимися вдоль этой мелководной, порожистой рѣченки. (Оять—отъ Чудскаго или Корельскаго слова «oja»—ручеекъ, канава). «Въѣдешь на Оять, такъ и свѣту болѣ не видать»—говоритъ мѣстная пословица, какъ нельзя лучше опредѣляющая характеръ и условія этого края. И дѣйствительно, едва-ли скоро сыщется гдѣ въ другомъ мѣстѣ болѣе глухой медвѣжій уголокъ, чѣмъ Чудской край на Ояти. Здѣсь нѣтъ ни проѣзжихъ дорогъ, ни верстовыхъ столбовъ, «ни проѣзду, ни клюжаго переходу»,— пробирайся какъ знаешь и какъ умѣешь. Высокія горы плотно обступили рѣченку и надежно защитили ея жителей отъ вліянія остальнаго міра. Здѣсь на большое чудо встрѣтите вы печатное слово, найдете какую-нибудь книжку или услышите интересную новость, волнующую всякаго человѣка, живущаго въ обществѣ и чувствующаго съ нимъ свою органическую связь. Вѣсти приходятъ сюда самыя запоздалыя и при томъ съ такимъ трудомъ, какъ бы онѣ вышли съ того свѣту. Такъ, извѣстія о коронаціи или смерти Государя доходятъ сюда не раньше, какъ мѣсяцъ или полтора спустя, и при томъ чрезъ столько устъ и въ такомъ извращенномъ видѣ, что, наконецъ, перестаешь даже вѣрить переданному слуху и терпѣливо ждешь того счастливаго случая, когда будешь имѣть возможность прочитать газету и провѣрить слухъ печатнымъ словомъ. И причиной этого не дальность разстоянія, а отсутствіе всякихъ проѣзжихъ дорогъ, а отсюда естественно и отсутствіе почти всякихъ проѣзжихъ. И живутъ люди въ такихъ уголкахъ, живутъ иногда всю жизнь до самой смерти, ни разу почти не перебравшись чрезъ свои горы, не интересуясь ничѣмъ, что не имѣетъ самаго ближайшаго отношенія къ ихъ хозяйству. Жизнь чудянъ или «чухарей, кайвановъ», какъ называютъ ихъ здѣсь русскіе, мало чѣмъ отличается отъ жизни корелъ. Обряды и обычаи

въ большинствѣ случаевъ здѣсь тѣ же самые, что у корелъ Олонецкаго и Петрозаводскаго уѣздовъ, за небольшими только разностями, не имѣющими, правда, существеннаго значенія. Языкъ «чухарей» также мало отличается отъ корельскаго: себя они называютъ ljuvdiköt, а языкъ свой ljuvdikön keli,—такъ же точно, какъ называютъ себя корелы. Чухари живутъ бѣдно, въ маленькихъ избенкахъ, крытыхъ соломой; невѣжественны и въ нравственномъ отношеніи стоятъ гораздо ниже корелъ; всѣ они любятъ пить водку и держатся не особенно высокихъ понятій о цѣломудренности и супружеской вѣрности. Дѣвушка 15—16 лѣтъ непремѣнно заводитъ для себя «бесѣдника», съ которымъ въ большинствѣ случаевъ состоитъ въ интимной связи; замужнія женщины также свободно измѣняютъ своимъ мужьямъ, и такое поведеніе вслѣдствіе своей обычности, заурядности не обращаетъ на себя особеннаго вниманія и не разстраиваетъ семейнаго міра: «Ka hjanel on oma duscha»—Да у него, т. е. у мужа есть своя душа—любовница. И такой порядокъ вещей, мнѣ кажется, можетъ быть объясненъ, если не вполнѣ, то по крайней мѣрѣ—отчасти, вліяніемъ здѣсь помѣщичьей жизни... Оятскіе помѣщики, если и не принесли другой какой пользы мѣстному крестьянству, за то порядочно таки развратили его...

Я прожилъ въ Чудскомъ краѣ почти все лѣто, съ іюля мѣсяца и до половины августа, и за это время успѣлъ посѣтить много деревень, расположившихся въ большинствѣ случаевъ по теченію рѣки Ояти или не далеко въ сторонѣ отъ нея—въ уѣздѣ Лодейнопольскомъ и отчасти Тихвинскомъ Новогородской губ. (Люговичи, Сюрьга, Чука, Мальгиничи, Шутиницы, Быкова гора, Русконицы, Шапша, Агашова, Койжема, Юбеничи, Кукасъ, Рати-гора, Мустъ-оя, Погья, Верхнее Тойвино, Нижнее Тойвино, Мириничи, Мустиничи. Подборье верхнее и нижнее, Надпорожье, Боръ, Ямка, Семова гора, Власковы, Нижне-Конная и Верхне-Конная, Кривошейная, Войновщина, Никифоровщина, Лутохино, Корнышевъ Ручей, Панчукова, Берегъ, Ярославичи, Норьино, Ниргиничи, Киницы, Каргиничи, Печеницы, Семкина гора, Кекозеро, Ладвозеро, Мягозеро, Мутнозеро...); во время этихъ странствованій я успѣлъ записать: 1) сто слишкомъ загадокъ, 2) причитанья свадебныя и похоронныя, 3) нѣсколько пѣсенъ, правда, не представляющихъ особаго интереса по своему содержанію, 4) нѣсколько заговоровъ, 5) сдѣлалъ описаніе нѣкоторыхъ мѣстныхъ обычаевъ и 6) записалъ, насколько позволило время и мое умѣнье, грамматическія особенности чудскаго языка.

А теперь, кстати, я желалъ бы познакомить почтенное собраніе съ однимъ любопытнымъ явленіемъ, которое пришлось мнѣ наблюдать въ описываемомъ краѣ, — познакомить съ здѣшнимъ дворянствомъ — помѣщиками,

когда-то державшими въ своихъ рукахъ мѣстное населеніе. Въ Лодейнопольскомъ уѣздѣ живетъ нѣсколько дворянскихъ родовъ, уцѣлѣвшихъ послѣ 19 февраля и раскиданныхъ теперь по здѣшнимъ селамъ и деревнямъ, и составляющихъ иногда цѣлые поселки (напр., Лугохино Ярославскаго пог.; оно состоитъ исключительно изъ жителей—бывшихъ помѣщиковъ). Предки этихъ помѣщиковъ, вѣроятно, были служилые люди, получившіе когда-то въ давно минувшее время за свои услуги—жалованную грамоту, нѣсколько крѣпостныхъ душъ крестьянъ и добрый участокъ земли. Мѣста на Оятн были захолустныя (они и теперь не лучше), и въ количествѣ подарка въ тѣ времена не стѣснялись: нарѣзывали вдоволь и пахатной и сѣнокосной земли, отмежевывали лѣса и кстати прихватывали озеро или часть рѣки для рыбной ловли. Бѣлоглазые чудяне исправно работали своимъ «боярамъ», аккуратно платили оброки, ходили на барщину, и помѣщикамъ жилось хорошо. Они, по разсказамъ старожиловъ, устраивали званые обѣды съ музыкой и танцами, охотились съ многочисленной сворой собакъ и доѣзжачихъ, и вообще веселились, какъ только могли и умѣли, хотя и приходилось въ силу обстоятельствъ жить въ такомъ дикомъ, захолустномъ краѣ. Барскія постройки отличались красотой и вычурностью и занимали самыя живописныя, самыя красивѣйшія мѣстности, тѣмъ болѣе, что въ такихъ мѣстахъ на Ояти недостатка нѣтъ. Но насталъ конецъ такому безпечальному житью. 19 февраля рѣзко, какъ-то однимъ взмахомъ, покончило съ прежними порядками, и дворяне остались на своихъ земляхъ безъ рабочихъ рукъ, неспособные къ работѣ, не умѣющіе толкомъ взяться за трудъ. Что было дѣлать помѣщикамъ?.. Понемногу пошли въ продажу за безцѣнокъ лѣса, рощи, чуть ли даже и не самые сады. Стали продавать на сломъ лишнія пристройки, вычурныя бесѣдки, пустыя конюшни и псарни, когда въ нихъ не стало ни лошадей, ни собакъ. И такимъ образомъ мало по малу, годъ за годомъ, барство опускалось, бѣднѣло и постепенно приближалось къ состоянію прежнихъ своихъ холоповъ—крестьянъ. А наряду съ бѣдностью постепенно понижался и ихъ умственный и нравственный уровень: дѣтей нужно было учить, но отправить ихъ въ городъ въ школу—не хватало средствъ, а тѣмъ болѣе—нанять учителей-гувернеровъ на домъ. Дѣти бѣгали по улицамъ, проводили время своего возраста весело, но за то оставались круглыми невѣждами, въ рѣдкихъ только случаяхъ умѣющими читать и писать.

И такимъ образомъ, мало по малу, отъ крестьянъ оятскіе дворяне стали отличаться только запонкою на рубашкѣ да названіемъ «бояръ», которое продолжало еще кружить имъ головы. Я вкратцѣ попытаюсь познакомить почтенное собраніе съ теперешнею жизнью этихъ дворянъ, насколько я успѣлъ

самъ узнать ее, живя нѣсколько времени среди нихъ, въ одномъ изъ дворянскихъ селеній. Деревня эта—Мутнозеро, въ верстахъ 35 отъ села (Ярославичи) и болѣе чѣмъ за 100 верстъ отъ уѣзднаго города (Лодейное Поле),— деревонька глухая, дикая, почему-то расположенная на окраинѣ большаго, всегда сырого болота... Какъ будто лучшаго мѣста не могли сыскать...

Деревня была пуста, когда я въѣхалъ въ нее; и я съ большимъ трудомъ могъ отыскать домъ того самаго помѣщика, у котораго мнѣ порекомендовали остановиться. Домъ помѣщика, гдѣ я остановился, былъ также бѣденъ и грязенъ, какъ и остальныя дворянскія избы. Въ нее вела лѣстница, состоявшая изъ нѣсколькихъ досокъ, съ набитыми поперекъ ихъ планками. Чрезъ сѣни, въ которыхъ, по мѣстному обычаю края, было очень много иконъ, я вошелъ въ избу. Меня встрѣтило нѣсколько дѣтей, которыя, при видѣ незнакомаго имъ человѣка, начали прятаться за свою старую няньку— «пѣстунью». Внутренность комнаты была самая обычная, какъ и во всѣхъ крестьянскихъ избахъ; вдоль стѣнъ стояли лавки; у средины одной изъ нихъ, приставленной къ лицевымъ окнамъ, стоялъ столъ. Почти треть избы занимала печка. Надъ нею былъ дымоволокъ. Потолокъ черный, закоптѣлый отъ дыму. Къ печкѣ примыкали полати, и отъ нихъ вокругъ стѣнъ шли воронцы. Въ углу, противъ печки, который называется «бабьимъ», по лавкамъ было разбросано нѣсколько вещей изъ крестьянскаго гардероба: валялась синяя бабья юбка, лапти и сѣрый понитокъ. Въ углу, на особой подставкѣ, была прикрѣплена бутылка, повернутая горлышкомъ внизъ и заткнутая деревяннымъ гвоздемъ—пробкой; она должна была замѣнять рукомойникъ. Пахло печенымъ хлѣбомъ и специфическимъ запахомъ дѣтей. Вотъ и все убранство избы... День былъ ясный, солнечный, и дворяне - хозяева были на работѣ. Я прошелся было по деревнѣ, но ничего, сравнительно съ крестьянскимъ житьемъ, не замѣтилъ. Здѣсь тѣ же маленькія избенки, съ подслѣповатыми окнами, крыши, крытыя соломой; у каждой избы небольшой огородъ, гдѣ ростетъ рѣдька, брюква, капуста и лукъ; на изгороди развѣшено для просушки нижнее бѣлье изъ грубаго холста — точива, вынесены на солнцепекъ постели, набитыя соломой. Въ деревнѣ было пусто, тихо и только кой-гдѣ попадались мальчишки, копавшіеся вмѣстѣ съ курицами въ теплой пыли. Но вотъ, наконецъ, жаръ свалилъ; время стало подвигаться къ вечеру, и на улицахъ стали показываться поселяне: кто шелъ съ граблями, кто шелъ съ косой... Деревня постепенно стала оживляться. Мальчишки съ крикомъ бѣжали на встрѣчу матерямъ, шедшимъ съ поля или изъ лѣсу и тормошили ихъ, прося ягодъ: «мамка, а мамка, несешь ли ягодъ?.. мамой, дайка мика ягодокъ»... Дворянки ничѣмъ не отличались отъ крестьянокъ здѣшняго края.

Онѣ были одѣты въ синіе крашенинные сарафаны или платья изъ дешеваго цвѣтнаго ситцу. Высокія, костистыя, неряшливо одѣтыя, съ грубыми манерами и грубою, бранчивою рѣчью — онѣ производили весьма непріятное, тяжелое впечатлѣніе. «Ой ты, окоянной, фефёла ты, шкура барабанная, стерва, шлюха мокрохвостая» — слышалось повсюду, по всѣмъ закоулкамъ изъ устъ чѣмъ-то раздраженныхъ дворянокъ - боярынь. Возвратился, наконецъ, съ работы и мой хозяинъ, одинъ изъ мѣстныхъ помѣщиковъ. На немъ былъ бѣлый понитокъ, лапти, овчинная шапка, коса за плечами и топоръ за поясомъ. «Дунька», слышно было, какъ говорилъ онъ въ сѣняхъ своей дочери,— поди-ка-снеси на огороду лапти да онучи, пусть немного присохнутъ къ завтрію». Въ избу вошелъ онъ босикомъ, какъ-то шлёпая сырыми ногами по полу, въ однихъ портахъ, бѣлой холщевой рубахѣ, — и, увѣренъ, что никому ни за что не пришло бы и въ голову, что это передъ вами—дворянинъ, потомокъ здѣшнихъ помѣщиковъ. Ужинъ дворянина былъ скуденъ и состоялъ изъ одного картофеля съ солью. Наголодавшіеся за цѣлый день ребята и взрослые ѣли съ аппетитомъ и не находили нужнымъ даже очищать эти пищевые корни отъ верхнихъ покрововъ. Мы разговорились съ хозяиномъ, и изъ бесѣды съ нимъ я узналъ, что онъ человѣкъ совсѣмъ неграмотный и за бѣдностью и «недостатками» не могъ дать даже начальнаго образованія своимъ дѣтямъ. У него молъ одна лошадь, да и та съ изъяномъ: немного прихрамываетъ; одна коровенка съ нетелкой, нѣсколько штукъ овецъ,—вотъ и все хозяйство помѣщика, владѣющаго между тѣмъ довольно большимъ участкомъ земли.

«Да вѣдь у васъ же земля есть, и земля, кажется, по здѣшнимъ мѣстамъ не самая что ни на есть плохая»...

— Это правда, земли вдоволь, даже лишку есть, десятинъ 200—250 на мою долю приходится; да что толку въ землѣ пустой, безъ средствъ когда за нее взяться не съ чѣмъ... Чтобы держать землю да съ пользой,— нуженъ капиталъ, а у меня, слава тѣ, Господи,—нѣтъ иногда за душой гроша мѣднаго. Съ землей нужно перво-наперво имѣть скотину, работниковъ, сѣмена, а у меня нѣтъ ни того, ни другаго... Наша земля любитъ удобреніе, любитъ, чтобы возжались около нея, старались, а такъ, братъ, безъ этого—ничего-о-шеньки отъ нея не получишь...

«А въ аренду если сдать её»... пытался я поддерживать разговоръ на эту тему.

— Въ аренду?.. это хорошо говорить только... а попробуйте-ка сдать её; да во первыхъ никого не сыщите, кто бы взялъ её... Ну, предложите любому въ нашемъ околодкѣ мужику — взять дворянскую землю въ аренду, да если найдется кто, такъ не будь я... Никто не возьметъ, увѣряю васъ,

земли запущенныя... въ пустошахъ давно; обросли лѣсомъ; съ ними возни-то вѣдь,—не приведи, Господи... Да потомъ,—къ чему нашему мужику земля?.. ему врядъ только со своей справиться; народъ-то тоже — не чище нашего брата,—голь перекатная; ему, значитъ, и не рука землю брать. Да потомъ... Мужикъ ищетъ землю поближе къ себѣ, чтобы, значитъ, подъ бокомъ земля была, а тутъ изволь-ка шагать верстъ за 8—10, такъ какъ ни дешева земля будь, невольно откажешься отъ ней...

«Такъ, значитъ, земля ваша и пустуетъ?»...

— Да, что же подѣлаешь?.. пустуетъ... Самому не справиться. Сдаемъ немного, правда, Лодейнопольскому мѣщанину, такъ, немного—десятинъ 30—40, пожалуй, будетъ, и получаемъ за это сущіе пустяки...

«Сколько же такъ приблизительно?»...

— Да на горячее семьѣ не хватаетъ. Такъ вотъ тутъ и сдавай въ аренду.

«Сколько же это точнѣе, въ рубляхъ»?..

— Пустяки... стыдно сказать...

И какъ я ни упрашивалъ, дворянинъ почему-то, заупрямясь, не захотѣлъ сказать цѣну получаемой имъ арендной платы... Только, кажется, какъ узналъ я потомъ на сторонѣ, эта плата непревышала перваго же десятка.

«А отъ продажи лѣса—приблизительно такъ—сколько выручаете»?..

— Лѣсъ,—дворянинъ какъ-то горько хихикнулъ,—да про лѣсъ кто у насъ вспомнитъ, такъ обычно говорятъ: лони баба п......, да нонѣ вспомнила... Лѣсу-то у насъ и въ слыхахъ нѣту... весь ужъ продали. Остался самый что ни на есть негодященскій—менда [1])... Не берутъ, а то и тотъ продали бы... Да вотъ — пока лѣсу-то хватало, до тѣхъ поръ и жили хорошо... себя не стѣсняли... Да видишь, не надолго его хватило, продали весь безъ остатку. Теперь и горюй. Теперь дрова-то и для себя, такъ съ пойскомъ... Ѣздишь, ѣздишь въ зимній-то день, да едва-едва насобираешь возикъ тонкаго березняку... Гдѣ ужъ тутъ продать?.. Конечно, есть и такіе между нами дворяне,—вотъ хоть бы Юрьевъ-Шевюсъ (фамилія одного изъ дворянъ Ярославскаго погоста), лѣсу у нихъ и по сейчасъ есть; а поди продавать, такъ не больно наши лѣсопромышленники расщедрятся.. Потому—видятъ, что человѣкъ не съ богачества, а съ нужды продаетъ, ему деньги нужны... Ну вотъ, сколько назначатъ, то и ладно... Назначатъ, примѣрно, за рощу 100—200 рублей, и бери да поблагодари еще его, а дровъ между про-

[1]) Мелкій лѣсъ, ростущій въ большинствѣ случаевъ на сырыхъ мѣстахъ.

чимъ — въ этой самой рощѣ рублей на 1000 будетъ. А скажешь лѣсопромышленнику: мало... такъ у него одинъ отвѣтъ: ищи больше; я твоего лѣсу, говоритъ, насильно не беру; поди, поди, братецъ-дворянчикъ, ищи больше... Да радъ будешь, что хоть бы то далъ... Лѣсной торговлей у насъ занимаются немногіе, одинъ, два — вотъ и все... Ну, и дѣйствуютъ сообща. Назначатъ чтò,— и крышка... Отдавай, значитъ, за тое...

— «Ну, а скажите, какъ, по какимъ цѣнамъ землю вы продаете?»...

— Землю продаемъ?.. да, по всякимъ цѣнамъ. Земля землѣ тоже рознь... Есть у меня тутъ участочекъ и недалечко совсѣмъ,—десятинъ 10—15 будетъ, такъ я вамъ уступилъ бы, пожалуй, рублей за 10; только составить купчую вы ужъ возьмете на себя—и всѣ тамъ расходы, предвидѣнные и непредвидѣнные... Право слово,—рублей за 10 уступилъ бы; потому участокъ этотъ — болотина; мнѣ онъ совсѣмъ не нуженъ; тамъ только мохъ одинъ да морошка растетъ, а лѣсу-то и саженъ десяти не соберешь, — и лѣсъ-то все «менда», паршивый, никуда не годященскій. А такъ, посредственная земля ходитъ отъ 3 и до 5 рублей за десятину. За 5 рублей можно достать очень хорошей по здѣшнимъ мѣстамъ земли. Тутъ вамъ, если захотите, и покосовъ нарѣжутъ; покосы у насъ, признаться, хорошіе. Сѣна все больше растутъ «землянныя»; не осока тамъ какая-нибудь, а все больше цвѣточки; за то какъ выкосить да высушить его хорошенько, такъ, — скажу вамъ, — духъ отъ него, что отъ чаю; лучше малины пахнетъ... Такъ вотъ опять наше горе — дѣвать-то этихъ сѣновъ некуда... Хоть и покосилъ бы иногда что тамъ полишнее, тамъ обороту-то никакого съ нимъ не сдѣлаешь... Продать его некому. До города везти далеко; да попробуйте-ка пялить въ наши горы возъ, хоть пудовъ 20—25?.. Такъ это сѣно станетъ въ копѣечку... Вѣдь лошаденку-то, чай, всю въ лоскъ измучите. Видѣли вы сами дорогу, разсказывать нечего; а горы-то и зимой вѣдь не сравняются. Однимъ словомъ, бѣда въ нашемъ мѣстѣ и съ землей,—заключилъ дворянинъ,—и съ землей живучи̂ пропадешь ни за что. Пить, ѣсть тоже нужно, обутка-одёжа—таковаже; а вѣдь ни откуда ничего не приходитъ. Все отъ той же земли смотришь; а она, кормилица, даетъ-даетъ, да иногда бываетъ, что и заупрямится. Вотъ прошедшіе-то годы, — и у насъ вѣдь былъ тоже голодъ. Изъ другихъ голодныхъ мѣстъ такъ хоть по крайней мѣрѣ въ газетахъ пропечатали, обратили вниманіе добрыхъ людей, а у насъ кому писать?.. Такъ вотъ хоть ложись и умирай... Помощи ждать не отъ кого... Ну и натерпѣлись же мы тогда... хоть въ работники идти, такъ семью нельзя никакъ оставить безъ себя .. Ну, помилуй Богъ еще мѣстнаго батюшку; онъ тогда взялъ на прокормъ ребятишекъ и цѣлую зиму кормилъ даромъ — по

прежней нашей дружбѣ: съ дѣдомъ моимъ да еще и съ отцомъ, пока мы въ силѣ были, хлѣбъ-соль водилъ; ну, а теперь...—и дворянинъ какъ-то безнадежно махнулъ рукой.

Не лучше и не богаче моего хозяина живутъ и другіе оятскіе дворяне. У нихъ точно такая же бѣдность, нужда и постоянные недохватки. Всѣ они почти такіе же крестьяне-мужики, неграмотные, невѣжественные и даже не сознающіе потребности выйти изъ такого положенія. Встрѣчаются, правда, между ними и такія еще семьи, въ которыхъ, не знаю ужъ почему, въ силу какихъ такихъ причинъ, сохранились еще кой-какіе признаки, «остатки прежняго величія». И такія семьи, на мой взглядъ, еще болѣе заключаютъ въ себѣ трагическаго, еще болѣе внушаютъ къ себѣ чувство сожалѣнія, и способны, кажется, тронуть сердце самаго безпристрастнаго наблюдателя. Съ такой семьей я познакомился въ Ярославскомъ погостѣ, отстоящемъ отъ Лодейнаго поля въ 70 верстахъ. Здѣсь мнѣ пришлось увидѣть ту же почти бѣдность, то же почти нищенство, но не лишенное нѣкоторыхъ замашекъ барства, прикрашенное кой-какими чертами, уцѣлѣвшими отъ прежняго широкаго житья. Въ домѣ у этихъ помѣщиковъ выглядитъ все чище и лучше; на столахъ «филейныя» салфетки; два-три мягкихъ стула изъ краснаго дерева, съ рѣзными вычурными спинками, облупившимися отъ времени, и расклеившимися ногами; въ углу икона художественнаго итальянскаго письма съ латинскою надписью, въ родѣ: Gloria in excelsis Deo... Уцѣлѣлъ также сундукъ съ книгами, чтеніемъ которыхъ въ лучшую пору своего существованія занимали себя помѣщики и помѣщицы, но которыми теперь не интересуются, или вѣрнѣе, которыхъ не умѣетъ читать молодое поколѣніе. Я полюбопытствовалъ, что это за книги,—и нашелъ, что это были — нѣсколько разрозненныхъ томовъ исторіи Карамзина, проповѣди Массильона и нѣсколько книжекъ Библіотеки для чтенія. Эти дворяне любятъ пить кофе и въ день ухитряются напиться его нѣсколько разъ. Кофеемъ ихъ снабжаетъ мѣстный лавочникъ - кабатчикъ, который иногда, за неимѣніемъ денегъ, не брезгуетъ брать и вещами, въ родѣ лисьяго мѣху отъ стараго салопа или старой бабушкиной шали... Дѣвицы-боярышни, еле грамотныя, очень любятъ наряжаться и одѣваются въ платья со всевозможными біечками, фестончиками и оборочками, подражая въ этомъ случаѣ мѣстнымъ поповнамъ—здѣшнимъ законодательницамъ модъ. А молодые дворяне носятъ непремѣнно брюки поверхъ сапоговъ, «на выпускъ», и рубаху, заправленную въ штаны. Но что трагичнѣе всего въ этой семьѣ, такъ это старушка-бабушка, 80 лѣтъ, говорящая по французски, образованная и въ тоже время какъ бы не сознающая

дѣйствительнаго положенія вещей, совершенно не замѣчающая ни бѣдности, ни невѣжества своихъ семейныхъ.

— Мари, Мари,—обратилась она къ одной изъ своихъ внучекъ, молоденькой дѣвочкѣ, которая стѣснялась и не хотѣла подойти ко мнѣ поздороваться,—Мари, фуй, какъ это тебѣ не стыдно... сдѣлай реверансъ...

Дѣвочка упрямо опустила голову и застѣнчиво закрылась рукавомъ холщевой рубашенки:

— Я тебѣ говорю—сдѣлай реверансъ...

Дѣвочка не понимала бабушки, а бабушкѣ въ свою очередь казался непростительно невѣжественнымъ поступокъ внучки.

Такая старушка показалась мнѣ — по истинѣ заблудившейся, заблудившейся случайно среди этихъ малограмотныхъ, невѣжественныхъ внучатъ, и сознаюсь, она-то и произвела на меня самое сильное, самое горькое впечатлѣніе.

Вообще — бѣдно живутъ оятскіе дворяне, такъ бѣдно, что нужда заставляетъ ихъ иногда идти въ работники къ своему же бывшему мужику или заниматься извозомъ, ѣздить на козлахъ въ качествѣ ямщика. И сколько бываетъ въ такой его жизни сценъ, полныхъ самаго горькаго комизма! Мнѣ разсказывали, что случалось иногда, что проѣзжій, когда онъ торопилъ ямщика — ѣхать поскорѣй, получалъ отъ послѣдняго такой гордый отвѣтъ: «не бранись, баринъ, я такой-же дворянинъ, какъ и ты, если только еще не лучше». И въ удостовѣреніе своего званія представляется иногда и грамота, которую родовитый ямщикъ возитъ на всякій случай съ собой, за пазухою. Крестьяне не уважаютъ этихъ бояръ и смѣются надъ ними, вышучивая ихъ въ своихъ пѣсняхъ и пословицахъ: «семь дворянокъ верхомъ на одной кобылѣ ѣздятъ», «бара — по грошу пара». О воспитаніи дѣтей дворяне очень мало заботятся. Съ ребенкомъ, какъ и у крестьянъ, до 7—8 лѣтняго возраста водится «пѣстунья»—нянька, такая же суевѣрная и невѣжественная старуха, какія бываютъ въ крестьянскихъ семьяхъ. Потомъ, въ лучшемъ случаѣ, выучатъ ребенка читать и писать, а то иногда и такъ обойдется, совсѣмъ безъ «учобы», въ особенности если школа окажется далеко, въ другой деревнѣ, или почему-либо сами родители не захотятъ учить, руководясь, вѣроятно, тѣмъ, что грамота все равно «ни къ чему»...

— «Куда нашимъ робятамъ учоба?.. не сенаторами же имъ быть»?..

Подобный отвѣтъ пришлось слышать и мнѣ лично изъ устъ дворянина. И когда я сталъ возражать ему, доказывая всю неосновательность такого страннаго мотива, и сослался при этомъ на примѣръ одного изъ ихъ родственниковъ, который еще въ недавнее время занималъ видный административный постъ...

— «Ну, полно, брать,—перебилъ дворянинъ,—Алексѣю (имя упомянутаго родственника) такая линія вышла; онъ и губернаторомъ былъ; а мнѣ да моимъ дѣтямъ не тянуться за нимъ...»

И вотъ, эта-то апатія, эта полная примиренность съ тѣмъ, что существуетъ въ наличности, — и есть, кажется, самое горькое, самое тяжелое во всѣхъ рѣчахъ и жизни бывшаго помѣщика. Иной на его мѣстѣ, если бы не могъ сдѣлать ничего лучшаго, такъ, по крайней мѣрѣ, ругался бы, злился бы и тѣмъ выражалъ бы скрытую въ немъ энергію, желаніе сравнительно лучшей жизни, стремленіе перемѣнить и улучшить свою участь. Но нѣтъ, у оятскаго дворянина даже и этого не замѣтно. Онъ какъ-то свыкся, махнулъ на все рукой, примирился со всѣмъ, и это настроеніе вполнѣ выражаетъ въ своемъ тупомъ взглядѣ, въ своихъ ограниченныхъ запросахъ и въ самомъ покрякиваніи, которое у него выходитъ до крайности благодушнымъ: «охохо.. далъ бы Господь хлѣба, а на другое все—чихать»...

Двадцатилѣтняго боярина обыкновенно женятъ и выбираютъ ему въ жены боярышню сильную, работящую, выносливую, которая могла-бы быть хорошей работницей въ полѣ и дома. Бояринъ совершенно бываетъ доволенъ, когда одѣнетъ въ праздничный день казинетовый «пинжакъ», изъ «чортовой кожи штаны», черные, съ сборчатыми голенищами сапоги, красный платочекъ съ желтенькими цвѣточками на шею да выбрѣетъ еще бороду, и ему куда-какъ весело. Онъ гордо расхаживаетъ по деревнѣ и не преминетъ выпить лишній стаканчикъ водки, до которой, слѣдуетъ сознаться, оятскіе дворяне большіе охотники. Бритая борода отличаетъ дворянина отъ крестьянъ. Но какъ за работами иногда и не до бритья, то не мудрено встрѣтить дворянина и съ бородой. Орудіемъ для бритья служитъ часто обломокъ косы, а мыломъ—парная баенка, гдѣ «бородка отъ жару сдѣлается мякенькой».

И живетъ такой помѣщикъ на свѣтѣ «ни шатко, ни валко», живетъ да кормитъ себя. И протечетъ его жизнь, и умретъ онъ, и, пожалуй, новое поколѣніе смѣнитъ его, и оно также останется въ томъ же состояніи, при тѣхъ же самыхъ мысляхъ, съ какими прожили его отцы и дѣды.

Съ странными и смутными впечатлѣніями я покинулъ дворянское селеніе. На берегу Свири, въ особенности на Вознесенской пристани (при истокѣ Свири), я наблюдалъ кипучую дѣятельность мѣстныхъ крестьянъ, нагружавшихъ и выгружавшихъ товарныя суда и барки, и по какому-то неотвязчиво-назойливому закону контраста я снова вспомнилъ дикую захолустную мѣстность Ояти съ ея захудалыми обитателями—боярами и искренно отъ сердца пожалѣлъ ихъ.

Н. Лѣсковъ.

Кайваны или чухари [1].

Какъ ни страннымъ кажется, а у насъ почти въ срединѣ Россіи, вблизи столичныхъ городовъ, живутъ какіе-то особенные люди, инородцы, которыхъ мѣстные знатоки, какъ говоритъ одинъ корреспондентъ края, считаютъ за остатки чуди «бѣлоглазой», когда-то занимавшей обширныя пространства на восточно-европейской низменности. А между тѣмъ мы о нихъ ничего не знаемъ да, повидимому, нѣтъ признаковъ къ изслѣдованію этой народности. Дѣлая настоящее свое краткое сообщеніе объ этихъ инородцахъ, называемыхъ «кайванами», а русскіе называютъ ихъ «чухарями», мы обращаемъ вниманіе г.г. членовъ Географическаго общества на это, и желательно было бы собрать о нихъ болѣе подробныя свѣдѣнія. Кайваны обитаютъ на сѣверной и восточной окраинахъ Тихвинскаго уѣзда, Новгородской губерніи [2]). Народъ этотъ говоритъ на особомъ нарѣчіи, не имѣющемъ вовсе письменности. Хотя и были попытки создать чухарскую азбуку, но безуспѣшно. По словамъ неизвѣстнаго автора («Русская жизнь» 1894 г. № 347), особенность чухарской грамматики та, что мѣстоименіе «она» относятъ къ мужскому полу, а «онъ» къ женскому: о мужчинѣ говорятъ: «она идетъ, она пьетъ», а о женщинѣ: «онъ идетъ, онъ пьетъ».

Въ глухихъ кайванскихъ деревняхъ женщины и дѣти вовсе не знаютъ русскаго языка. Въ такихъ деревняхъ заговорить по русски съ крестьянками или ребятишками безполезно — отвѣта не получить. Отъ недостатка своей письменности чухари теряютъ много въ развитіи какъ нравственномъ, такъ и умственномъ. Въ школахъ иныхъ селеній, гдѣ учитель знаетъ и русское и чухарское нарѣчія, обученіе дѣтей въ первый годъ ихъ поступленія ведется изустно по чухарски и уже со втораго года обученіе ведется по русски.

Въ чухарскомъ быту можно и теперь еще найти слѣды патріархальной древности и простоту нравовъ. Въ иныхъ селеніяхъ всѣ уходятъ въ поле, не запирая избы на замокъ, зная, что никто не обокрадетъ. Въ баняхъ чу-

---

[1]) Сообщено 28 апр. въ засѣд. Этнограф. Отд. Императ. Рус. Геогр. Общ.

[2]) «Чухари», «кайваны» живутъ и въ Лодейнопольскомъ уѣздѣ Олонецк. губ. См. о нихъ предыд. статью Н. Θ. Лѣскова. Языкъ ихъ финскій, нарѣчія очень близкаго къ корельскому. *Ред.*

хари моются всѣ вмѣстѣ, безъ различія пола и возраста, свои и чужіе. Домохозяинъ, истопившій баню, идетъ по деревнѣ съ громкимъ призывомъ: «въ баню, въ баню», въ которую и устремляются всѣ. Въ чухаріи до настоящаго времени можно встрѣтить курныя избы, въ которыхъ семья проводитъ зиму вмѣстѣ съ мелкимъ скотомъ. Печь занимаетъ больше четверти избы и кончается скатомъ. Противъ чела въ потолкѣ продѣлано отверстіе. При топкѣ дымъ наполняетъ избу; единственная дверь открывается. Ночью, въ зимнее время, курная печь служитъ спальней. Хозяинъ съ хозяйкой забираются спать внутрь печи ногами къ челу, а дѣти размѣщаются на шесткѣ, чтобы ноги пришлись къ ногамъ старшихъ, а головами врозь.

Относительно внѣшности чухарей, ихъ нравственныхъ качествъ и т. п. свѣдѣній почти нѣтъ. Извѣстно только, что пьянствуютъ кайване только по большимъ праздникамъ, и вообще пьяницъ между ними не замѣчается. Одѣваются просто. Мужчины ходятъ въ бѣлыхъ балахонахъ, а лѣтомъ въ одномъ бѣльѣ изъ домашняго грубаго холста; женщины предпочитаютъ сарафаны изъ «пестрядины» мѣстнаго издѣлія,

Чухарь живетъ бѣднѣе своего сосѣда русскаго крестьянина. Бѣдность его происходитъ не отъ лѣни, а отъ природы, которая очень плоха и является для нихъ хуже мачехи. Мѣста, занятыя этой народностью, плохи: почва—глина или песокъ или камень. Удобренія для почвы взять негдѣ, такъ какъ болѣе половины его растрачивается непроизводительно въ зимнюю пору. Зимою все рабочее населеніе со всѣми наличными лошадьми живетъ въ лѣсу на лѣсномъ промыслѣ, и конскій навозъ безполезно пропадаетъ въ лѣсахъ, а прочаго скота крупнаго и мелкаго держатъ мало, по недостатку выгоновъ для пастьбы лѣтомъ и луговъ для заготовки сѣна на зиму. Суровый климатъ дозволяетъ чухарямъ сѣять рожь и овесъ на поляхъ, картофель да капусту на огородахъ. Хищные звѣри же мало наносятъ вреда ничтожному чухарскому скотоводству.

Кромѣ лѣсовъ, чухарская сторона изобилуетъ еще множествомъ озеръ, хотя и небогатыхъ рыбою, но изобилующихъ дичью. Край этотъ удаленъ отъ городовъ; сообщеніе между селами и деревнями часто поддерживается только по тропамъ. Въ иныхъ чухарскихъ деревняхъ на все селеніе существуетъ одна телѣга, да и то первобытнаго устройства. Есть деревни, изъ которыхъ лѣтомъ нельзя выѣхать даже и на телѣгѣ, тогда приходится ѣхать на такъ называемыхъ «смычкахъ» (особаго рода экипажъ). «Смычки» это двѣ длинныя жерди, которыя припрягаютъ къ лошади, какъ оглобли экипажа; по срединѣ длины этихъ жердей укрѣпляютъ дощечки, и на нихъ кладутъ багажъ, путникъ-же долженъ идти или ѣхать верхомъ. Есть чухарскія селенія,

изъ которыхъ нѣтъ выхода даже и на «смычкахъ». Въ такихъ совершенно глухихъ селеніяхъ иные чухари боятся встрѣтиться одинъ на одинъ съ постороннимъ человѣкомъ; завидѣвъ чужаго, прячутся куда попало, подъ кусты въ чащу, пока тотъ не пройдетъ далеко мимо. Конечно, эти краткія отрывочныя свѣдѣнія не даютъ намъ надлежащаго представленія объ этой народности, а между тѣмъ въ ней есть не мало интереснаго и поучительнаго съ этнографической стороны, которыя и желательно было-бы детально изслѣдовать. Можетъ быть найдутся кто-нибудь изъ нашихъ членовъ, которые пожелаютъ ближе изучить чухарей. А если нѣтъ, то я предложилъ-бы Обществу снестись съ кѣмъ нибудь изъ мѣстныхъ интеллигентныхъ жителей и просить ихъ доставить свѣдѣнія, приложивъ для этого и вопросные пункты [1]).

Д. П. Никольскій.

---

[1]) Можно обратиться за свѣдѣніями къ священнику с. Корвилы Тихвинскаго уѣзда, села Ваньэера. Думаю, можно было-бы обратиться къ инспектору народныхъ училищъ Тихв. уѣзда, при помощи котораго чрезъ учителей такъ-же удобно получить свѣдѣнія. *Авторъ.*

О Бесермянахъ.

(Этнографическія замѣтки) [1].

Среди нашихъ инородцевъ есть еще не мало такихъ, о которыхъ мы имѣемъ крайне скудныя свѣдѣнія, если не сказать болѣе. Къ числу такихъ инородцевъ относятся Бесермяне, составляющіе небольшой остатокъ одной какой-то загадочной народности, заброшенной въ сѣверо-восточную часть Россіи, именно въ Глазовскій уѣздъ Вятской губ. Что это за инородцы, откуда они явились, какіе ихъ отличительные признаки въ этнографическомъ, культурномъ и т. д. отношеніи остаются для насъ совсѣмъ неизвѣстными. Только въ послѣднее время, благодаря работѣ г. Штейнфельда [2]), мы кое-что узнаемъ объ этой народности, хотя все же далеко не все то, что желательно было бы. Вотъ съ этими то данными г. Ш. мы желаемъ ознакомить васъ, милостивые государи.

Авторъ раздѣлилъ свое изслѣдованіе о Бесермянахъ или бесерменахъ на слѣдующія главы: въ первой излагаются историческія и этнографическія свѣдѣнія о бесерменахъ; отсутствіе литературныхъ источниковъ; современная статистика бесерменскаго населенія; во второй описываются жилища ихъ, нѣкоторыя историческія соображенія (о чумѣ), внутреннее устройство дома, утварь, орудія земледѣлія; въ третьей—внѣшній видъ бесермянъ; одежда, пища; нравственныя черты; грамотность и школы; въ четвертой — вѣрованія, преданія и суевѣрія; знахарство и колдовство; въ пятой—свадебные обряды, игры и развлеченія; народное творчество; отношенія къ сосѣдямъ; въ шестой—языкъ и его грамматика; седьмая—кто такіе бесермяне?

Не имѣя сколько нибудь точныхъ данныхъ для того, чтобы съ увѣренностью отнести бесермянъ къ одному племени, по установленной въ наукѣ классификаціи, изслѣдователи, которымъ приходилось (Золотницкій, Спицынъ, М. Куроптевъ, Смирновъ, Маліевъ и др.) и приходится вскользь упоминать объ этой народности, ограничиваются, обыкновенно, выраженіемъ гадательнаго

[1]) Сообщено 28 апр. въ засѣданіи этнографическаго Отд. Имп. Рус. Геогр. Общ.

[2]) Бесермяне. Опытъ этнографическаго изслѣдованія. Календарь и памятная книжка Вятской губ. на 1896 г.

предположенія о принадлежности ихъ къ тюркскому племени, именно къ группѣ древнихъ булгаръ. Но предположенія эти основаны, большею частью, на филологическихъ основаніяхъ, на которыхъ, дѣйствительно, нельзя дѣлать окончательныхъ заключеній; здѣсь должны быть приняты во вниманіе историческія данныя, этнографическія и антропологическія.

Что касается историческаго происхожденія бесерменъ, то вопросъ этотъ совершенно не изслѣдованъ. Извѣстно только, что въ русскихъ государственныхъ актахъ и сочиненіяхъ путешественниковъ XVI и XVII вѣковъ въ числѣ жителей Вятской земли упоминаются и бесермене: что въ 1782 г. бесермены числились среди крестьянъ Глазовскаго и Слободскаго уѣздовъ, при чемъ, около одной трети ихъ значились некрещеными, а остальные крещеными, т. е. православными. Вятчане всегда считали ихъ чужеземцами, людьми пришлыми.

Даже самое слово «бесермены» или «бесермяне» остается не выясненнымъ. Одни полагаютъ, что это есть измѣненное старинное слово «басурманы» или «бусурманы», обозначавшее въ до-петровской Руси иновѣрца вообще и мусульманина въ частности, тѣмъ болѣе, что существуютъ несомнѣнныя данныя предполат что бесермены были прежде послѣдователями ислама. Другіе полагаютъ, что самое слово «бесермены» носитъ чисто финскій характеръ. На мадьярскомъ языкѣ (финскаго корня) есть даже совершенно однозвучное слово— Бесермены — названіе города въ Венгріи. Нѣкоторое косвенное значеніе для этнографіи бесерменъ, по словамъ автора, имѣютъ антропологическія изысканія профессора Маліева, относящіяся къ измѣреніямъ череповъ и костяковъ, найденныхъ при раскопкахъ булгарскихъ и чувашскихъ могильниковъ.

По послѣднимъ свѣдѣніямъ оказывается, что бесермены живутъ въ 7 волостяхъ Глазовскаго уѣзда, въ количествѣ 5929 человѣкъ, изъ нихъ мужчинъ 2886 и женщинъ 3043. Такимъ образомъ замѣчается значительное преобладаніе женщинъ надъ мужчинами. При чемъ бесерменское населеніе тѣсно смѣшано съ татарскимъ. Не вдалекѣ отъ бесерменскихъ селеній находятся и татарскія селенія. Такъ что татары и бесермены какъ бы вкраплены въ сплошную массу вотяковъ, составляющихъ главную массу населенія этого уѣзда. Русскія названія большинства занимаемыхъ бесерменами селеній указываютъ или на полное обрусеніе бесерменъ, или на то, что деревни эти основаны были русскими крестьянами. Есть названія и вятскія, оканчивающіяся на «шуръ». «Все это, говоритъ авторъ, указываетъ на сильнѣйшее культурное подчиненіе бесерменъ тѣмъ народностямъ, среди которыхъ они здѣсь живутъ».

Въ семейной жизни бесермянъ до сихъ поръ сохранилось не мало патріархальности и простоты нравовъ. Семейная организація держится подъ главенствомъ родоначальника весьма прочно. Во взаимныхъ отношеніяхъ другъ

съ другомъ они соблюдаютъ сдержанность и мягкость. Ни брани, ни крупныхъ ссоръ, ни побоевъ со стороны мужа женѣ, ни замѣтнаго пьянства среди нихъ не наблюдается. По натурѣ бесермене очень спокойны, кротки, довѣрчивы. Составъ семействъ всюду весьма значительный; въ среднемъ на каждую семью не менѣе 10 челов., колеблясь въ предѣлахъ отъ 5 до 23 человѣкъ. Семейные раздѣлы крайне рѣдки и только за послѣдніе 30 лѣтъ начало замѣчаться тяготѣніе къ раздѣламъ. Но даже и въ этихъ случаяхъ бесермены не всегда совершали раздѣлъ, а только строили отдѣльныя для каждой семьи жилья избы на одномъ и томъ же дворѣ. Старшій изъ братьевъ, послѣ смерти отца, оставался главою, и ему подчинялись всѣ остальные члены. Большой численный составъ семействъ даетъ каждому двору болѣе или менѣе крупную рабочую силу. По этому бесермяне въ общемъ живутъ зажиточно и въ качествѣ хозяевъ считаются несравненно исправнѣе своихъ сосѣдей татаръ. Земледѣліе ихъ главное занятіе, хотя земледѣльческая культура стоитъ не выше, чѣмъ у окрестнаго населенія; ни переселеній, ни отхожихъ промысловъ у нихъ не замѣчается. Равно ремесла и побочные промыслы также въ примитивномъ состояніи. Есть между ними хорошіе пчеловоды. Огородничество у бесермянъ развито лишь настолько, чтобы удовлетворить собственнымъ потребностямъ.

По наружному виду селенія бесерменъ производятъ въ общемъ унылое впечатлѣніе, благодаря отсутствію зелени. Улицы кривыя, переулки необыкновенно узки, грязны и неудобны для проѣзда. Нѣтъ ни одного сада, ни даже деревца. Во всемъ этомъ замѣтно сильное вліяніе сосѣднихъ вотяковъ. Селенія во многомъ напоминаютъ вотяцкія: тѣже высокія жилыя избы съ малымъ количествомъ оконъ, тоже крытое крыльцо съ боковымъ входомъ; на дворѣ тотъ же двухъэтажный амбаръ съ галлереей. Въ задней половинѣ двора, въ глубинѣ усадебнаго моста, стоитъ таже деревянная постройка съ дымовымъ отверстіемъ вмѣсто трубы, на поперечной балкѣ посреди его виситъ большой чугунный котелъ, подъ которымъ устроено изъ дикаго камня нѣчто въ родѣ очага. Это строеніе называется «чумъ», составляющій отголосокъ древней культуры нашихъ восточныхъ инородцевъ-черемисъ, вотяковъ, остяковъ, чувашей и башкиръ. Возлѣ стѣнъ чума расположены скамьи или нары; здѣсь же бесермене варятъ свою «кумышку», лѣтомъ вся семья обѣдаетъ и ужинаетъ въ чумѣ, ибо всѣ они выѣзжаютъ изъ избы. Какъ видно, это обычай старины.

Въ отношеніи происхожденія чума собственно у бесерменъ никакихъ опредѣленныхъ предположеній высказать нельзя. Эти инородцы до такой степени усвоили себѣ привычки, вѣрованія и даже языкъ своихъ сосѣдей, преимущественно вотяковъ, что отличить въ ихъ быту самобытное отъ заимствован-

наго далеко не легкая задача. Если допустить, что бесермены, какъ предполагаютъ нѣкоторые, прямые потомки волжскихъ булгаръ,—народности, достигшей въ свое время сравнительно высокой степени культуры, то, конечно, они должны были уже съ давнихъ временъ принять иной типъ построекъ, болѣе совершенный, и тогда слѣдуетъ придти къ заключенію, что чумы были позднѣе заимствованы бесерменами у вотяковъ, которыхъ они застали въ Вятской области, или же у татаръ, съ которыми, вѣроятно, пришли сюда съ Волги. Не останавливаясь на внутреннемъ устройствѣ бесерменской избы, почти не отличающейся отъ устройства обыкновенной русской, замѣтимъ лишь, что у нихъ есть «курныя» или «черныя» избы, лишенныя вовсе дымовой трубы, и только въ стѣнѣ есть отверстіе. Въ бѣлыхъ избахъ, сходныхъ по внѣшнему виду съ вятскими, подъ поломъ устраивается помѣщеніе для мелкаго скота, который живетъ тутъ всю зиму. Рядомъ съ топкой печи остается прежній очагъ или «огнище», лѣвая половина шестка углублена и надъ этимъ углубленіемъ виситъ чугунный котелъ. Посуда и утварь ничѣмъ не отличаются отъ русскихъ — вся домашняго или мѣстнаго производства. Принадлежности столоваго бѣлья изготовляются бесерменками дома, какъ и вообще всѣ матеріи, необходимыя въ домашнемъ быту. Рисунки заимствуются у вотяковъ. Преобладающій узоръ—клѣтки, и цвѣта красный и синій.

Что касается в н ѣ ш н о с т и, то бесермяне довольно рѣзко выдѣляются изъ среды окружающихъ ихъ инородцевъ. Они въ большинствѣ случаевъ средняго роста; чаще брюнеты и темнорусые, чѣмъ бѣлокурые; рыжихъ почти нѣтъ. Глаза у нихъ каріе или вообще темные. Складъ головы и строеніе костей черепа близко похожи на булгарскія или чувашскія, овалъ лица продолговатѣе и красивѣе, чѣмъ у вотяковъ, хотя скулы и у бесерменъ довольно сильно развиты и глаза иногда узки, но безъ признаковъ монгольскаго косоглазія. Встрѣчаются горбоносые профили, но чаще носъ широкъ и нѣсколько приплюснутъ. Большинство мужчинъ стрижется коротко, иногда подъ гребенку. Волосы не вьются. Женщины, особенно же молодыя дѣвушки, имѣютъ красивую стройную фигуру. Съ сосѣдями своими, татарами, бесермены по наружности сходны менѣе всего.

Браки между бесерменами, русскими и вотяками создали въ нѣкоторыхъ семействахъ смѣшанный типъ, приближающійся къ русскому или вотскому. Дѣти, происходящія отъ смѣшанныхъ русско-бесерменскихъ браковъ, уже не считаютъ себя инородцами. Они говорятъ: «мы русскіе, только бесерменскаго рода».

Относительно о д е ж д ы бесерменъ, она во многомъ у мужчинъ сходна съ русскою, между тѣмъ женскій костюмъ крайне оригиналенъ «и русскіе фасоны, говоритъ г. Штейнфельдъ видимо, долго еще его не вытѣснятъ».

Костюмъ дѣвушекъ и замужнихъ женщинъ ничѣмъ не отличается одинъ отъ другаго. Главное украшеніе бесермянки состоитъ изъ ея головнаго убора. Въ этомъ отношеніи соблюдается строгое разграниченіе между замужними женщинами и дѣвушками разныхъ возрастовъ. Маленькія дѣвочки носятъ круглую шапочку въ родѣ мужской татарской «тюбетейки». Дѣвушки съ 14—15 лѣтъ носятъ другой головной уборъ «татью». Головныя повязки замужнихъ женщинъ или «кошпу» состоятъ изъ подобія русскаго кокошника, обшитаго по нижнему краю галуномъ и богато украшеннаго монетами. Она гладко приложена къ волосамъ, закрывая часть лба и переднія пряди волосъ.

Относительно пищи бесерменъ нужно замѣтить, что она проста: каша изъ крупъ мѣстнаго производства, картофель, горохъ, лукъ и капуста составляютъ вмѣстѣ съ хлѣбомъ ихъ обычную пищу. Чай входитъ въ употребленіе, но не быстро. Мясо ѣдятъ не часто—но предпочитаютъ всегда конину говядинѣ. Въ этомъ сказывается рѣзкое вліяніе старыхъ мусульманскихъ привычекъ, замѣчаемое всюду и среди крещеныхъ татаръ, которые, принявъ 300—400 лѣтъ тому назадъ православіе, остались до сихъ поръ вѣрны обычаямъ старины; свинину считаютъ не пригодною въ пищу, потому что она «поганая». Почему-то бесермяны не ѣдятъ моркови, которой въ огородахъ вовсе и нѣтъ. Женщины варятъ домашнее черное пиво.

По характеру, какъ замѣтилъ, бесермены тихи и скромны. Не лишены умственныхъ способностей и весьма воспріимчивы. Тамъ, гдѣ есть училища, бесерменскія дѣти посѣщаютъ ихъ довольно исправно, хотя процентъ грамотныхъ бесерменъ въ общемъ весьма ничтоженъ. Женщины же совсѣмъ не обучаются въ школахъ, говорить по русски почти никто не можетъ. За то они всѣ знаютъ вотяцкій языкъ и отчасти татарскій. Мужчины говорятъ по русски, хоть съ своеобразнымъ акцентомъ, близкимъ къ вотцкому.

Хотя бесермяне числятся православными (не извѣстно время обращенія ихъ въ православіе), но въ религіи ихъ не мало еще языческаго. Напримѣръ: существуетъ обычай приглашать къ умершему бесермянину татарскаго муллу, послѣ русскаго священника. По словамъ наблюденій автора, этотъ старинный обычай имѣетъ историческое основаніе. Въ нѣкоторыхъ обрядахъ послѣ похоронъ есть сходство съ черемискими обрядами. Бесермяне очень суевѣрны. Повседневная жизнь ихъ обставлена множествомъ различныхъ примѣтъ, предразсудковъ и повѣрій. Въ лѣсу, по ихъ мнѣнію, царитъ злой лѣсной духъ «кириметь» (заимствовано или у вотяковъ или черемисъ); въ водѣ особый злой духъ—«ву-муртъ»—ихъ, какъ злыхъ духовъ, стараются всѣми средствами умилостивить. Такъ напримѣръ: каждая новобрачная приноситъ водяному дары, состоящіе изъ мѣдной монеты и куска хлѣба. Осенью совершается

всеобщее жертвоприношеніе киримету, состоящее изъ барановъ, которые и закалываются подъ священнымъ деревомъ. Шкуры барановъ оставляются тутъ же (тоже, какъ мы наблюдали, дѣлается у черемисъ, которые оставляютъ кожу животнаго, обыкновенно лошади), а остальное варятъ и съѣдаютъ, запивая кумышкой или водкой. Если человѣкъ заболѣетъ, то бесермяне иногда приносятъ совершенно особую исключительную жертву, называемую «куэсконъ». Передъ началомъ весеннихъ полевыхъ работъ бесермене справляютъ особый языческій праздникъ подъ названіемъ «окаяшка». Обычай этотъ несомнѣнно заимствованъ у татаръ, гдѣ онъ носитъ имя «сабинъ» или «сабантуй». Состоитъ онъ въ томъ, что каждый глава семьи выѣзжаетъ въ поле съ сохой и проходитъ три борозды, затѣмъ сѣетъ нѣсколько горстей овса. Послѣ этого всѣ семьи располагаются тутъ же въ полѣ и начинается взаимное угощеніе, и затѣмъ всѣ возвращаются въ деревню, гдѣ происходитъ гульба и кутежъ въ теченіи трехъ или четырехъ дней. Въ полѣ молодежь устраиваетъ игры, пляску, хороводы, бѣга и т. п. увеселенія.

Переходя къ описанію с в а д е б н ы х ъ о б р я д о в ъ, игръ, развлеченій и т. п. авторъ подробно останавливается на свадебныхъ обрядахъ. Браки у бесермянъ всецѣло зависятъ отъ родителей жениха и невѣсты. Мужчинъ женятъ обыкновенно года за три до отбыванія воинской повинности, а дѣвушекъ рано замужъ не выдаютъ. За невѣсту выплачивается калымъ наличными деньгами, размѣръ калыма не превышаетъ, обыкновенно, 30 руб., но бываетъ и гораздо ниже, смотря по средствамъ жениха и его семьи. Приводимъ здѣсь описаніе этихъ обрядностей.

Послѣ окончательнаго сговора назначаютъ день свадьбы. Наканунѣ свадьбы къ невѣстѣ собираются ея подруги и родня—мужчины и женщины. Невѣсту садятъ въ передній уголъ, и она начинаетъ плакать безъ всякихъ причитаній. Тогда отецъ ея беретъ ковшъ съ пивомъ, опускаетъ туда какую нибудь монету и подаетъ невѣстѣ. Въ это время дѣвушки поютъ слѣдующую коротенькую бесерменскую пѣсню. «Прежде, когда ты у отца просила денегъ, ихъ не было, а теперь нашлись». Невѣста принимаетъ ковшъ и выпиваетъ пиво, а деньги беретъ себѣ. Послѣ отца такимъ же образомъ подаетъ ей пиво съ монетою мать, затѣмъ всѣ старшіе родственники. Церемонія сопровождается тѣмъ же припѣвомъ.

Но невѣста не обязана каждый разъ выпивать весь ковшъ: она только отхлебываетъ изъ него и передаетъ подругамъ, которыя, въ свою очередь, отпиваютъ по глотку, передавая каждая другъ другу, а та, которой достанется послѣдній глотокъ, беретъ себѣ монету. Такимъ образомъ ковшъ долгое время наполняется вновь и ходитъ по рукамъ, пока не одарятъ деньгами всѣхъ подругъ невѣсты. Этимъ и заканчивается несложный обычай дѣвичника.

Въ день свадьбы къ жениху въ домъ утромъ пріѣзжаютъ поѣзжане съ пѣснями, въ сопровожденіи музыканта, который играетъ на волынкѣ. Почти всѣ пѣсни заимствованы у русскихъ, но слова исковерканы до неузнаваемости или частію замѣнены бесерменскими выраженіями. Мотивы также заимствованы; есть, впрочемъ, и самобытные, которые отличаются мелодичностью, но будучи лишены сложныхъ варіацій, довольно монотонны. Волынщикъ не аккомпонируетъ пѣвцамъ, а играетъ самостоятельно въ промежуткѣ между пѣніемъ, такъ что музыка длится безпрерывно. Поѣзжанъ угощаютъ завтракомъ родители жениха. Въ это же время сюда собираются всѣ его родные, приглашаемые сопровождать свадебный поѣздъ. Закусивъ и выпивъ вина, поѣзжане ѣдутъ въ домъ невѣсты и здѣсь, войдя въ избу, будятъ ея отца, который притворяется спящимъ на печкѣ или на лавкѣ. Разбудивъ, его угощаютъ привезеннымъ съ собою виномъ, и затѣмъ поѣзжане возвращаются къ жениху. Тотчасъ по возвращеніи они опять ѣдутъ къ отцу невѣсты и увозятъ ее одну въ заранѣе приготовленный домъ кого-нибудь изъ сосѣдей или ея родныхъ, и оставляютъ тамъ, а сами, заѣхавъ за женихомъ и его тысяцкимъ, опять ѣдутъ къ ея отцу; но здѣсь уже ворота заперты: ихъ караулятъ младшіе братья невѣсты, которые и берутъ съ поѣзжанъ денежный выкупъ за то, чтобъ отпереть ворота. Все это сопровождается музыкою волынки, которая всюду сопутствуетъ поѣзжанамъ. Поѣзжанъ во дворѣ встрѣчаютъ отецъ и мать невѣсты хлѣбомъ солью съ пивомъ и виномъ, котораго должны всѣ отвѣдать.

Въ это время женихъ съ тысяцкимъ стоятъ сзади всѣхъ и только что женихъ хочетъ двинуться впередъ, какъ два родственника невѣсты развертываютъ передъ нимъ полотенце и, держа его за два конца, не пропускаютъ дальше жениха. Напирая грудью на полотенце, онъ доходитъ до дверей избы и здѣсь говоритъ: «пустите, я подамъ вамъ вина». Тѣ пьютъ вино и опускаютъ полотенце. Жениха тогда ведетъ и садитъ на лавку, подъ иконы, его будущая теща, которая кладетъ ему подъ сидѣнье кусокъ какой-нибудь матеріи на одежду въ подарокъ жениху. Женихъ благодаритъ и привстаетъ съ лавки, а въ это время тысяцкій ловко выдергиваетъ изъ подъ него матерію и прячетъ ее въ особый кошель, который для этой цѣли виситъ всегда у тысяцкаго черезъ плечо. Послѣ этого женихъ садится за столъ, и начинается угощеніе для всѣхъ присутствующихъ. Послѣ угощенія поѣзжане идутъ съ женщинами и дѣвушками, приглашенными на свадьбу, въ амбаръ смотрѣть приданое. Здѣсь всѣ присутствующіе шутятъ надъ бѣдностью родителей невѣсты и для смѣха бранятъ качество приданаго въ болѣе или менѣе остроумныхъ выраженіяхъ. Затѣмъ всѣ возвращаются за женихомъ и вмѣстѣ съ

нимъ идутъ (все время съ музыкой и пѣснями) къ невѣстѣ, гдѣ женихъ сыплетъ ей въ пригоршни мелкія монеты, а невѣста за это цѣлуетъ его. Присутствующія женщины по очереди подносятъ ей ковшъ съ пивомъ и дарятъ тоже деньги. Затѣмъ всѣ, кромѣ невѣсты, уходятъ въ домъ ея отца и здѣсь посреди избы складываютъ въ груду всѣ предметы свадебнаго наряда невѣсты—подарокъ жениха.

Вокругъ этой одежды образуютъ хороводъ, который подъ звуки волынки пускается въ плясъ, хлопая въ тактъ музыки ладошами. Послѣ этого несутъ нарядъ къ невѣстѣ, и женщины переодѣваютъ ее, между тѣмъ какъ мужчины отправляются въ амбаръ и несутъ сундукъ съ приданымъ въ домъ отца невѣсты и ставятъ его посреди избы. Женщины вслѣдъ за этимъ приводятъ туда переодѣтую невѣсту. Ее садятъ на сундукъ съ приданымъ. Она начинаетъ плакать; дѣвушки припѣваютъ по бесермински: «милыя ворота, вы остаетесь, изба, ты остаешься, сѣни, вы остаетесь, отъ меня», и т. д., перечисляя всѣ предметы, которые невѣста съ этого дня покидаетъ на вѣки. Наконецъ поѣзжане кричатъ по русски: «походъ, походъ»! Тогда женихъ и невѣста встаютъ рядомъ и кланяются по очереди въ ноги всѣмъ старшимъ родственникамъ, которые во время этихъ поклоновъ сидятъ на лавкахъ. Родители и родные послѣдній разъ дарятъ жениху и невѣстѣ деньги. Поѣзжане подаютъ отцу и матери невѣсты по ковшу пива. Тѣ выпиваютъ и послѣ этого поднимаютъ и цѣлуютъ жениха и невѣсту, которые лежатъ у ихъ ногъ. Затѣмъ женихъ и невѣста идутъ во дворъ въ сопровожденіи поѣзжанъ и всѣхъ приглашенныхъ. Передъ тѣмъ, какъ невѣста садится въ телѣгу или сани, женихъ ударяетъ ее три раза по плечу кистями отъ головнаго убора для новобрачныхъ, называемаго «шюлепъ». Этотъ аллегорическій обычай указываетъ на будущую власть мужа. Невѣста ѣдетъ въ церковь (всѣ бесермяне Глазовскаго уѣзда православные), въ сопровожденіи одной родственницы. Поѣзжане провожаютъ ее дома за три, а затѣмъ возвращаются за женихомъ, который ѣдетъ съ тысяцкимъ. Его поѣзжане провожаютъ до туда же и вновь возвращаются, чтобы отъ имени жениха благодарить отца и мать невѣсты, послѣ чего весь поѣздъ отправляется въ церковь.

Отъ вѣнца всѣ возвращаются въ домъ новобрачнаго. Войдя во дворъ, новобрачная мѣдною монетою проводитъ три раза отъ головы до хвоста по спинѣ телки, которую дали ей въ приданое. Затѣмъ, монету она кладетъ на лобъ телки, послѣ чего всѣ идутъ въ домъ. Родители новобрачнаго встрѣчаютъ молодыхъ у крыльца съ хлѣбомъ солью и пивомъ, котораго молодые должны отвѣдать. Войдя въ избу всѣ садятся за столы, и начинается обильное угощеніе; тѣмъ собственно свадебные обряды и оканчиваются.

На третій день послѣ свадьбы къ молодымъ приходятъ поѣзжане съ музыкантомъ, и всѣ вмѣстѣ отправляются на рѣку или къ проруби, если дѣло происходитъ зимой. Здѣсь молодая бросаетъ въ воду кусокъ хлѣба, масло и мѣдную монету, произнося по бесермenски слѣдующую фразу: «чтобы вода меня не пугала, обмывала и не хваталъ-бы вумуртъ» (водяной). Затѣмъ, новобрачные и поѣзжане возвращаются домой и молодые еще разъ дарятъ музыканта и поѣзжанъ. Затѣмъ всѣхъ угощаютъ оладьями. Такъ вступаетъ въ жизнь чета молодыхъ бесермянъ.

По выше приведенному можно судить о томъ, что пляски и хороводы вообще развиты у бесерменской молодежи. На святкахъ и масляницѣ дѣвушки составляютъ хороводы и переходятъ съ ними изъ дома въ домъ. Зимой устраиваются посидѣлки съ участіемъ молодыхъ парней. Мотивы пѣсенъ довольно мелодичны, хотя и своеобразны. Но текстъ пѣсенъ почти всегда представляетъ собою безсвязный или даже и совершенно безсмысленный наборъ словъ. Всѣ пѣсни состоятъ изъ одного коротенькаго куплета, повторяющагося множество разъ. Пѣсни, заимствованныя у русскихъ, въ большинствѣ случаевъ переложены на бесерменскіе мотивы, и текстъ изуродованъ до неузнаваемости. Авторъ приводитъ отрывки изъ нѣсколькихъ пѣсенъ. Съ народными бесерменскими сказками происходитъ тоже самое. Большинство ихъ заимствовано у вотяковъ или-же принесено солдатами изъ разныхъ мѣстъ Россіи и передѣланы на бесерменскій вкусъ.

Разговорный языкъ бесермянъ пестритъ словами или цѣликомъ заимствованными изъ языковъ сосѣднихъ инородцевъ или-же словами чужаго только корня. «Такимъ образомъ, говоритъ авторъ, разобраться въ массѣ наносныхъ элементовъ и извлечь изъ словаря бесермянъ коренныя бесерменскія слова представляется и для опытнаго филолога далеко не легкимъ». Языкъ вотяковъ почти цѣликомъ принятъ бесерменами: разговаривая каждый на своемъ языкѣ, вотякъ и бесермянинъ свободно понимаютъ другъ друга. «Можно положительно утверждать, говоритъ г. Ш., что бесермяне, будучи родомъ съ Волги, не могли быть финнами. Слѣдовательно, они приняли языкъ вотяковъ». Авторъ приводитъ сравнительныя данныя бесерменскихъ словъ съ вотскими, изъ которыхъ ясно видно вліяніе вотскаго языка на бесерменскій. Наприм.: амбаръ по бесерменски «кенизъ», вотски «кэназъ», бабушка по бесерм. «иба», вотски «ибай», заяцъ «луткезь» и «луткечъ». Встрѣчается не мало словъ татарскихъ и чувашскихъ.

Грамматика бесермянскаго языка совершенно тождественна съ вотской грамматикой. Что касается произношенія, то бесермяне выговариваютъ слова гораздо мягче, нежели вотяки. Грубое окончаніе неопредѣленнаго наклоненія

«ны» у бесермянъ смягчается, напримѣръ, въ «нэ». Они вообще избѣгаютъ грубыхъ звуковъ. Подраздѣленія понятій на мужскія и женскія не существуютъ вовсе: родъ всѣхъ словъ одинъ. Множественное число въ именахъ существительныхъ и прилагательныхъ опредѣляется приставкой «осъ». Спряженіе глаголовъ весьма просто и опредѣленно: оно совершенно одинаково для всѣхъ глаголовъ. На основаніи всѣхъ этихъ данныхъ г. Штейнфельдъ категорически высказывается, что бесермяне представляютъ собою отдѣльную группу народности, сродной, можетъ быть, тѣмъ или инымъ сосѣдямъ, но также возможно, что совершенно чуждой и татарамъ и вотякамъ. Появленіе бесермянъ въ предѣлахъ нынѣшней Вятской губерніи тѣсно связано съ появленіемъ татаръ, но татаръ не казанскихъ, а татаръ, такъ называемыхъ, «каринскихъ», пришедшихъ на Вятку еще задолго до завоеванія Русскими Казани. Самая подвластность бесермянъ каринскимъ мурзамъ въ XV и XVI вѣкахъ указываетъ какъ-бы на то, что эти-то мурзы и привели съ собою бесермянъ, которые исповѣдывали ту-же магометову вѣру. Слѣдовательно, мурзы съ подвластными имъ татарами и бесермянами пришли сюда именно съ Волги, гдѣ они и приняли исламъ. Попавъ вмѣстѣ съ татарами въ среду вотяковъ, бесермяне охотно подчинились культурѣ послѣднихъ, переняли типъ ихъ построекъ, языкъ, вѣрованія и даже отчасти костюмъ, тогда какъ татары, живущіе бокъ-о-бокъ съ ними, остались до сихъ поръ самобытными въ значительной степени.

Эти соображенія, говоритъ авторъ, устраняютъ всякое вѣроятіе предполагать близкое племенное родство бесермянъ съ татарами или вообще тѣми народностями востока, которыя изъ глубины Азіи нахлынули въ XIII вѣкѣ на всю Европу. Съ другой стороны авторъ самъ-же допускаетъ въ виду нѣкоторыхъ данныхъ если не племенное родство, то все-же извѣстную близость бесермянъ къ чувашамъ. Для подтвержденія такого мнѣнія недостаточно тѣхъ соображеній, которыя приводятся авторомъ.

Допуская предположеніе, что родиною бесермянъ слѣдуетъ считать именно предѣлы бывшей Булгаріи, авторъ говоритъ: «кто знаетъ, быть можетъ, мы имѣемъ дѣло съ прямыми потомками этого могущественнаго нѣкогда народа, создавшаго на востокѣ обширное государство, разрушенное монгольскимъ нашествіемъ». Но для рѣшенія этого вопроса, чтобы установить принадлежность бесермянъ къ одному изъ булгарскихъ племенъ, у насъ нѣтъ положительныхъ данныхъ.

Но какъ-бы то ни было описываемая г. Ш. народность, остававшаяся до сихъ поръ почти неизвѣстною, въ настоящее время до нѣкоторой степени охарактиризована съ исторической и этнографической стороны. Желательно

было расширить изслѣдованіе бесерменъ и выяснить нѣкоторые вопросы, изъ которыхъ иные или совсѣмъ не затронуты авторомъ или мало затронуты. Такъ желательно было-бы знать ихъ народное право, нравственность, отношеніе къ преступленіямъ, религіозные обряды, воспитаніе дѣтей и т. п. И кромѣ того существенный пробѣлъ въ описаніи бесермянъ мы видимъ въ томъ, что нѣтъ анатомо-антропологическихъ и антропометрическихъ данныхъ,—но это не вина автора,—на основаніи которыхъ мы, быть можетъ скорѣе-бы подошли къ рѣшенію вопроса, къ какой, дѣйствительно, народности необходимо отнести бесермянъ.

Апрѣль 1895 г. *Д. П. Никольскій.*

Бесермянами въ средн. вв. по (крайности въ XIII в.) назывались жители Харазма или Ховарезма (Хивы и Бухары). Въ первый разъ они упоминаются въ нашей лѣтописи подъ 1184 г.: «Пошелъ бяше оканьный и безбожный и треклятый Кончакъ со мьножествомь Половець на Русь, похупся яко плѣнити хотя грады Русскыѣ и пожещи огньмь: бяше бо обрѣлъ мужа таковаго Б е с у р м е н и н а иже стрѣляше живымъ огньмь». Этотъ бесурменинъ былъ взятъ въ плѣнъ и приведенъ къ князю Святославу Вселоводовичу. (Ип. Л. 428—9). По словамъ Плано Карпини Бесермоны говорили языкомъ близкимъ къ половецкому, но были вѣры сарацинской. См. у Карамзина (Указ. Х а р а з ы). *Ред.*

Примѣчаніе: Укажемъ нѣкоторыя изъ селъ, гдѣ живутъ бесермяне, и куда можно было-бы обратиться черезъ священниковъ или жителей съ просьбою о доставленіи свѣдѣній о бесермянахъ. Въ Ежовской волости село Ежовское, д. Шамардановская, Ворцынская, Балезинской волости дер. Гординская, Лѣкской волости Гервомурскій починокъ.

Восточная Волынь [1]).

Нынѣшнимъ лѣтомъ я предпринялъ, по порученію Императорскаго Географическаго Общества, поѣздку по Овручскому, сѣверной части Житомирскаго и Новоградъ-Волынскаго уѣздовъ Волынской губ.; въ прошломъ году я объѣхалъ южную часть Житомирскаго уѣзда; такимъ образомъ, въ эти двѣ поѣздки, мною была обслѣдована почти вся восточная половина Волынской губ., кромѣ средней полосы Новоградъ-Волынскаго уѣзда. Объ результатахъ моихъ наблюденій я и буду имѣть честь сдѣлать сообщеніе.

Прежде всего обращу ваше вниманіе, что обслѣдованная мною мѣстность хотя и входитъ въ составъ Волынской губ., но не можетъ считаться Волынью; въ глубокой древности значительная часть ея (если не вся) была населена древлянами; съ самыхъ первыхъ моментовъ русской исторіи она вошла въ составъ Кіевскаго княжества, и съ тѣхъ поръ, почти безпрерывно до самаго раздѣла Польши, составляла одно цѣлое съ Кіевщиной.—Правда, въ XIII в., во время упадка Кіевскаго княжества обособленный было подъ властью энергичнаго Рюрика Ростиславича въ отдѣльное княжество Овручъ, и развились на югѣ союзы свободныхъ городовъ, группировавшихся вокругъ Звягля и Котельнича (нынѣ г. Новоградъ-Волынскъ и м. Котельня, Житомирскаго уѣзда), но это длилось очень недолго, и энергичная рука литовскихъ завоевателей вскорѣ вновь собрала всѣ земли бывшаго Кіевскаго княжества.

Подъ властью литовскихъ князей и польскихъ королей восточная Волынь опять стала однимъ административнымъ цѣлымъ съ Кіевщиной—Кіевскимъ воеводствомъ. — Во время казацкихъ войнъ этотъ край вмѣстѣ съ Кіевщиной отошелъ къ Южной Руси, западной границей которой по Зборовскому договору была рѣка Случъ.

Послѣ войнъ Хмѣльницкаго, когда Кіевъ отошелъ къ Московскому государству, а область его осталась за Польшей, въ нынѣшнюю восточную Волынь былъ перенесенъ административный центръ воеводства Кіевскаго, и городъ Житоміръ сталъ его главнымъ городомъ.

Только съ присоединеніемъ къ Россіи, нынѣшняя восточная Волынь во-

---

[1]) Читано въ засѣданіи 28 октября 1894 г.

шла въ составъ Волынской губерніи и образовала три уѣзда послѣдней: Житомирскій, Овручскій и Новоградъ-Волынскій (городъ Новоградъ-Волынскъ тогда же получилъ свое нынѣшнее названіе; раньше онъ назывался Звяглемъ, подъ этимъ названіемъ онъ извѣстенъ народу и теперь).

Историческое прошлое уже даетъ нѣкоторое представленіе о населеніи восточной Волыни; уже слѣдуетъ ожидать, что населеніе этой мѣстности менѣе, чѣмъ населеніе Западной Волыни, подверглось вліянію польской народности, да и основными своими чертами, и по языку, и по типу болѣе близко къ населенію Кіевской губ. и лѣво-бережной Малороссіи, чѣмъ къ населенію собственно Волыни. Все это такъ и есть; говоры Восточной Волыни почти свободны отъ полонизмовъ (польскихъ глагольныхъ образованій нѣтъ вовсе), на югѣ эти говоры очень близки къ украинскимъ, на сѣверѣ—къ говорамъ сѣверной части Кіевской губ., и еще ближе, какъ это ни странно, къ нѣкоторымъ говорамъ Черниговской губ.; такъ, говоръ Овручскаго уѣзда Волынской губ. очень мало отличается отъ говора Сосницкаго уѣзда Черниговской губ. То-же почти можно сказать о поэзіи, вѣрованіяхъ и обычаяхъ.

Но то-же историческое прошлое наложило на населеніе восточной Волыни черты, объединяющія его съ населеніемъ сѣверной Кіевщины, но отдѣляющія отъ лѣвобережныхъ украинцевъ, южныхъ Кіевлянъ и вообще областей, которыя знали казачество.—Населеніе восточной Волыни начиная съ XIII в. не жило политической жизнью. Казачества эта мѣстность совсѣмъ не знала; въ южной полосѣ восточной Волыни проходили еще кое-когда казачьи отряды, бывали сраженія, но въ этихъ движеніяхъ мѣстное населеніе играло незначительную роль — главными дѣятелями были пришельцы изъ за Днѣпра. Во всякомъ случаѣ, если мѣстные крестьяне и подымались, чтобы соединиться съ казаками, то это были кратковременныя вспышки, ведшія за собой еще болѣе тяжелое рабство, а не систематическое отстаиваніе свободы. Стряхнуть съ себя чужеземное иго, сложиться въ свои оригинальныя формы, какъ на Украйнѣ, народная масса этой мѣстности не могла. Что же касается до сѣверной (большей) половины восточной Волыни, то тутъ не было даже и такихъ проявленій политической жизни; здѣсь народъ спалъ буквально съ XIII в.

Результатомъ такихъ политическихъ условій является почти невѣроятная обезличенность населенія, національнаго самосознанія, не говорю уже патріотизма, здѣсь нѣтъ и въ поминѣ, воспоминаній о прошломъ—никакихъ, за исключеніемъ нѣсколькихъ неясныхъ сказаній, связанныхъ съ названіями мѣстностей. Казацкихъ думъ нѣтъ, нѣтъ даже представленія объ историческомъ казакѣ, казакъ извѣстенъ населенію только донской, съ нагайкой въ рукахъ, въ роли полицейскаго.—Наконецъ здѣсь нѣтъ даже слова для обозначенья своей на-

родности (русскими они себя не считаютъ, это слово обозначаетъ великоросса).

Не особенно сильно въ населеніи восточной Волыни и чувство религіозности; если прибавить къ этому плачевное состояніе народнаго образованія, то вся эта масса населенія представитъ собой ужасающую картину нравственной безцвѣтности и безпомощности, а между тѣмъ этому населенію нельзя отказать въ даровитости, разнородно проявляющейся на югѣ и на сѣверѣ, въ чистотѣ нравовъ, особенно на югѣ, хотя тамъ и сосредоточены фабрики и войско, а также и въ любознательности, которая, при благопріятныхъ условіяхъ, переходитъ въ жажду высшей культурной жизни, въ любовь къ наукѣ и искусству.—Мнѣ пришлось встрѣтить крестьянина, ходившаго на работы съ книжкой Толстаго и изучавшаго нѣмецкій языкъ, чтобы прочесть Шиллера, который заинтересовалъ его въ переводѣ; приходилось видѣть парня лѣтъ 16-ти, зачитывавшагося книжками историческаго содержанія и знавшаго наизусть не мало стихотвореній Пушкина.—

При другихъ условіяхъ это населеніе могло бы выдвинуть немало талантливыхъ учителей въ области науки и искусства; но пока оно во многихъ отношеніяхъ стоитъ на уровнѣ IX вѣка: міровоззрѣніе его до сихъ поръ языческое—пантеистическое; природа до сихъ поръ олицетворяется, вихрь является чертомъ, падучая звѣзда—сброшенною съ неба душою; домовые, вѣдьмы, русалки до сихъ поръ безпокоятъ воображеніе крестьянъ; болѣзни до сихъ поръ ходятъ въвидѣ старухъ или звѣрей.

По говору населеніе восточной Волыни можно раздѣлить на три полосы. Съ этимъ дѣленіемъ въ значительной мѣрѣ случайно совпадаетъ и различіе въ условіяхъ жизни.

Южную полосу, сѣверная граница которой идетъ приблизительно на 25 верстъ сѣвернѣе Житомира и черезъ Новоградъ-Волынскъ, занимаетъ область южно-малорусскихъ говоровъ, крайне близкихъ къ украинскимъ, отличающихся отъ послѣднихъ твердостью средняго *и*, спорадической замѣной *і* изъ *о* черезъ среднее *и*.

Слѣдующая полоса, не болѣе 40 верстъ шириною, имѣетъ систематически среднее *и* (или его замѣну *э*) изъ *о*, вмѣсто украинскаго *і*, *е*, *э*, *и* и дифтонги *͡іе* изъ *ѣ*, тѣ-же звуки и *͡юо* изъ *е*, вмѣсто украинскаго *і*.

Еще сѣвернѣе идетъ полоса говоровъ сѣверно-малорусскихъ, на границѣ съ Минской губерніей дающая рядъ любопытныхъ переходовъ къ бѣлорусскимъ.

Отличительная черта ихъ — дифтонги *͡уо* (мѣстами также *͡уы* и *͡уе*), а также чистые *у* и *о* изъ стараго *о* вмѣсто украинскаго *і*, тѣ-же звуки, что

въ предъидущихъ говорахъ изъ *ѣ* и *е* вмѣсто украинскаго *і*; большая мягкость ср. *и*.

О мелкихъ подробностяхъ говоровъ разныхъ селъ говорить не буду, такъ какъ этому будетъ посвящена отдѣльная статья.

Относительной чертой всѣхъ говоровъ восточной Волыни является крайняя неустановленность какъ гласныхъ, такъ и согласныхъ; каждый почти звукъ стремится переходить въ сосѣдній: не говоря уже о безчисленныхъ неуловимыхъ колебаніяхъ средн. *и* и дифтонговъ, *ы* стремится переходить въ *э*, *э* въ нѣкоторыхъ говорахъ въ *а*, *о* въ *у* и т. д.; согласные тоже подвержены колебаніямъ и произносятся не отчетливо: такъ *ж* приближается и иногда переходитъ въ *з* и обратно, *с* въ *ш*, *л* въ *р* (случая перехода *р* въ *л* не замѣчено). Всѣ говоры изобилуютъ велико-руссизмами.

Въ общемъ этотъ родъ говоровъ представляетъ собой какъ бы полную лѣстницу отъ подольскихъ говоровъ (чисто южно-малорусскихъ) къ бѣлорусскимъ, не переходя въ предѣлахъ губерніи ни въ тѣ, ни въ другіе.

Вся восточная Волынь до самаго недавняго времени была покрыта лѣсами, которые переходили даже въ Подолію; въ настоящее время эти лѣса страшно опустошены, но остатки ихъ можно видѣть и теперь повсюду. Больше всего сохранилось лѣсовъ на западѣ и около города Житомира, меньше всего на крайнемъ югѣ и въ полосѣ переходныхъ говоровъ.—Почва восточной Волыни не изъ богатыхъ, только на самомъ югѣ идетъ полоса чернозема, сѣверная граница которой находится верстъ на 40 южнѣе г. Житомира; далѣе идетъ полоса супеску и суглинку съ небольшими оазисами чернозема, сѣверная граница этой полосы приблизительно совпадаетъ съ сѣверной границей южно-малорусскихъ говоровъ. Эта полоса наиболѣе культурная во всей восточной Волыни; она прорѣзана линіей Юго-Западныхъ желѣзныхъ дорогъ, въ ней расположены города: Житомиръ, Новоградъ-Волынскъ, и очень близко Бердичевъ (Кіевской губ.), въ ней болѣе развита фабричная промышленность, относительно много школъ. Населеніе этой мѣстности малоземельно: на черноземѣ крестьяне еще сводятъ концы съ концами, но на менѣе благодарной почвѣ бѣдствуютъ; нѣкоторымъ подспорьемъ для нихъ служатъ заводы, но зато они вносятъ въ народную жизнь много разлагающихъ чертъ.

Для этнографа населеніе этой полосы представляетъ мало новаго—это тѣ-же украинцы.

Обрядовая сторона народной жизни сохранилась довольно хорошо: годъ начинается колядками и щедровками. Впрочемъ старинныхъ колядъ въ этой полосѣ мнѣ слышать не удалось, повидимому ихъ не знаютъ, поются коляды церковнаго характера — или же уніатскія на смѣшанномъ языкѣ, или право-

славныя на церковно-славянскомъ языкѣ, распространяемыя духовенствомъ (послѣднія представляютъ собственно тропари).

Масляница проходитъ мало замѣтно: чучела не дѣлаютъ, мѣстами вѣшаютъ колодки, и повсюду въ четвергъ старухи идутъ въ кабакъ, пьютъ водку и поютъ пѣсни. Мнѣ удалось записать одну изъ такихъ пѣсенъ, но о значеніи обычая она ничего не говоритъ, это простая семейная пѣсня. Этотъ обычай носитъ названіе «знайды бабы» или «знобы бабы».

На пасху водятъ хороводы. (Во многихъ мѣстностяхъ этотъ обычай называется — справлять «Молодара», иногда это слово звучитъ «Володаръ» или «Голодаръ»).

Далѣе слѣдуетъ: «бабскій велыкдень», «русальный тыждень» и велыкдень, дни впрочемъ не отмѣченные обрядами.

Затѣмъ розыгры или заробыны — первый день Петрова поста, обряды, представляющіе то же самое, что и «знайды-бабы»; мѣстами этотъ обычай называется «шуляка лякать», исполняется онъ для того, чтобы корова молока больше давала.

Названіе «розыгры» въ старину было знакомо и лѣвобережнымъ украинцамъ, теперь оно тамъ повидимому исчезло, хотя самый обычай и сохранился подъ названіемъ: «глечики ставить».

Какъ въ теченіе Великаго поста поются веснянки, группирующіяся вокругъ «Молодаря», такъ во время Петрова поста поются «Петрівчаны», пѣсни, имѣющія связь съ «Купайломъ». Обычай «Купайла сохранился довольно хорошо, хотя постепенно и исчезаетъ подъ двойнымъ напоромъ духовенства и полиціи съ одной стороны, и фабрично-городской цивилизаціи — съ другой. Въ нѣскольких селахъ, на мой вопросъ: почему они не справляютъ «Купайла», крестьяне отвѣчали: «шоб насъ врадник быў»?—Молодой священникъ, на мои разспросы о народныхъ обычаяхъ, съ гордостью отвѣчалъ, что они все это «скоренілы». Вообще духовенство до сихъ поръ борется съ язычествомъ, и при томъ обыкновенно полицейскими мѣрами. Мѣстами, особенно около городовъ и фабрикъ, крестьяне сами бросаютъ свои обычаи, на основаніи того, что въ нихъ нѣтъ «деликацій»; на Купайлу костровъ не раскладываютъ, а украшаютъ свѣчами «гильце».

Заканчивается годъ гаданьемъ въ день св. Андрея и Екатерины. Гаданья эти довольно разнообразныя, отмѣчу только кусанье «балы» парнями въ день св. Андрея: вѣшается пшеничный коржъ среди хаты, и хлопцы, верхомъ на кочергѣ, должны, не смѣясь, подъѣхать и откусить кусокъ коржа; если хлопцу это удастся, то онъ женится въ теченіе года, если же онъ засмѣется, то въ наказаніе смазываютъ ему лицо сажей.

Свадебные обряды исполняются свято, какъ и обряды при крестинахъ, погребенiи, построенiи хаты, началѣ посѣва и т. д.

Изъ миѳическихъ существъ извѣстныхъ народу, кромѣ общеизвѣстныхъ, упырей, вовкулаковъ, вѣдьмъ, отмѣчу «горобъёвого», который осенью, въ день св. Симеона мѣряетъ воробьевъ мѣркой, восемь себѣ беретъ, а девятую пускаетъ, чѣмъ избавляетъ свѣтъ отъ заполненiя воробьями; отмѣчу еще, что русалки живутъ въ житѣ, а не въ водѣ.

Лирика южной полосы близка къ украинской; къ сожалѣнiю народная пѣсня сильно вытѣсняется фабричной на плохомъ великорусскомъ языкѣ. Мужское населенiе во многихъ селахъ не знаетъ даже другихъ пѣсенъ, да и говоритъ на языкѣ, полномъ великоруссизмовъ; отмѣчу, что великоруссизмы, наполняющiе говоръ, заимствованы изъ южныхъ великорусскихъ говоровъ, а не изъ литературнаго языка. Женщины, какъ всегда, консервативнѣе.

Изъ эпическихъ пѣсенъ большой популярностью пользуется пѣсня о разбойникѣ Кармалюкѣ, являющемся мѣстнымъ Карломъ Мооромъ, разбойникомъ-рыцаремъ; кромѣ того встрѣчаются пѣсни о событiяхъ повседневной жизни. Тутъ же мнѣ удалось записать единственную въ моемъ собранiи думу о Нечаѣ и пѣсню о плѣненiи Коваленка татарами.

Въ этой мѣстности очень много лирниковъ, но они поютъ только духовные стихи книжнаго унiатскаго происхожденiя, сами не понимая ихъ искусственнаго языка. Изъ музыкальныхъ инструментовъ кромѣ лиры извѣстны: цимбалы (отживаютъ свой вѣкъ), а также скрипка, флейта и бубны. Населенiе этой полосы очень любитъ музыку, часто встрѣчаются артистическiя натуры, очень воспрiимчивыя, способныя, но къ сожалѣнiю остающiяся самоучками; встрѣчаются самоучки-живописцы и скульпторы. При благопрiятныхъ условiяхъ населенiе проявляетъ много любознательности, къ школѣ относится симпатично, не прерываютъ связей съ ней и по выходѣ, но расходами на нее населенiе тяготится, она кажется слишкомъ дорогой.

Пьетъ населенiе немного, и буйный пьяница—большая рѣдкость. Энергiи и предпрiимчивости проявляетъ мало, торговыхъ способностей нѣтъ почти никакихъ. Женщина всегда почти энергичнѣе мужчины и помыкаетъ имъ; къ общинѣ, какъ нравственной силѣ, относятся съ уваженiемъ, но экономическiя предпрiятiя обществомъ начинаютъ рѣдко и не охотно. Въ общемъ населенiе этой мѣстности производитъ впечатлѣнiе народа—художника, но не работника.

По физическому типу населенiе южной полосы восточной Волыни ближе къ украинцамъ, но цвѣтъ волосъ и глазъ у волынцевъ свѣтлѣе, чѣмъ у украинцевъ, преобладаютъ темно-русые волосы и темно-сѣрые глаза; брюнеты

встрѣчаются рѣдко, свѣтлые блондины еще рѣже, притомъ исключительно среди шляхты.

Костюмъ—тамъ, гдѣ онъ сохранилъ народный характеръ,—тождественъ съ подольскимъ: свита или короткая, съ небольшимъ воротникомъ, ничѣмъ не обшитая, или длинная, съ капишономъ, обшитая краснымъ шнуркомъ; рубашка упрятана въ штаны. Лѣтомъ вмѣсто свиты носятъ катанку, нѣчто въ родѣ очень короткой свиты изъ домашняго холста; шапка лѣтомъ—соломенная, зимой—барашковая. Женскій костюмъ тотъ же, что въ Украинѣ, кое-гдѣ старухи даже носятъ намитки; иногда женщины носятъ сапоги изъ желтой или красной кожи; лапти встрѣчаются очень рѣдко. Кромѣ обыкновеннаго городскаго костюма молодые крестьяне носятъ иногда короткія болгарскія куртки, вывезенныя изъ-за Дуная, куда многіе крестьяне этой мѣстности ходили погонщиками во время послѣдней войны.—Общій видъ населенія бодрый и здоровый, но тучныхъ нѣтъ совсѣмъ.

Бытовыя условія сѣверныхъ крестьянъ средней (сѣвернѣе Житомира) полосы имѣютъ своеобразный характеръ, благодаря присутствію въ этой полосѣ огромнаго количества нѣмецкихъ колонистовъ. Страна эта, лѣтъ 20 тому назадъ, была глубокимъ Полѣсьемъ, столь же глухимъ и мало населеннымъ, какъ въ нынѣшнее время западная часть Овручскаго уѣзда; лѣсъ, покрывавшій эту полосу въ ту пору, не имѣлъ никакой цѣны, какъ не имѣетъ онъ и теперь; во многихъ мѣстахъ Овручскаго уѣзда помѣщики находились въ самомъ затруднительномъ положеніи: это было сейчасъ послѣ освобожденія крестьянъ и втораго польскаго возстанія, и вотъ они распродали или отдали въ аренду свои бездоходныя земли нѣмецкимъ колонистамъ. Нѣмцы раскорчевали дебри лѣсовъ, осушили болота и обратили всю эту мѣстность буквально въ огородъ. Селились они не селами, а отдѣльно, каждый на своемъ кускѣ оставлялъ немного лѣса для построекъ и топлива, остальное обращалось въ пахоть. Участокъ каждаго нѣмца огороженъ со всѣхъ сторонъ, и, такимъ образомъ, нѣмецкія колоніи непрерывно тянутся на десятки верстъ, и русскія села являются небольшими островками среди нѣмецкаго моря. Количество нѣмцевъ въ нѣкоторыхъ волостяхъ Житомирскаго и Новоградъ-Волынскаго уѣздовъ (напр. Горошковской, Барашевской, Пулинской, Сербовской) значительно превышаетъ количество русскаго населенія; въ селахъ Житомирскаго уѣзда ихъ 50.000. Такое сожительство не могло конечно не оказать извѣстнаго вліянія на мѣстное русское населеніе. Первымъ результатомъ его явилась такъ наз. штунда. Нѣмцы на Волынь пришли по вѣроисповѣданію лютеране, католики и баптисты; первые и вторые не заботились о распространеніи своей религіи, но третьи, какъ и всѣ почти сектанты, являются ярыми пропагандистами.

Способъ пропаганды апостоловъ штунды простъ и остроуменъ: они арендуютъ какую нибудь мельницу, работаютъ дешевле и добросовѣстнѣе другихъ, такимъ образомъ къ нимъ собирается масса народа, и вотъ, пока пріѣхавшіе ждутъ своей очереди, мельники заводятъ съ ними бесѣду на религіозныя темы. Пропаганда штундистовъ идетъ довольно успѣшно, чему много способствуютъ обостренныя отношенія между крестьянами и духовенствомъ. Оффиціально считается только 8 семействъ штундистовъ въ деревнѣ Дашенкѣ (Горошковской волости), но тайныхъ штундистовъ гораздо больше и не въ одной Дашенкѣ, а въ очень многихъ селахъ.

Сущность штунды (какой она проявляется на Волыни)—отрицаніе обрядовой стороны религіи и свобода толкованія Евангелія. Богослуженіе ихъ заключается въ чтеніи и толкованіи Евангелія и пѣніи религіозныхъ стихотвореній. Особенно облюбовали они сборникъ «Любимые стихи», изданный въ С.-Петербургѣ въ 1882 г. Балашовымъ; сборникъ этотъ, безусловно пропущенный духовной цензурой въ Петербургѣ, въ настоящее время оказался на Волыни запрещенной книгой, и усердно конфискуется.

Штундисты къ православнымъ вражды не питаютъ, но относятся къ нимъ съ сожалѣніемъ за ихъ образъ жизни и невѣжество (сами они—трезвые и грамотные люди), они даже не считаютъ себя штундистами, а православными. Православные, напротивъ, относятся къ нимъ враждебно, зовутъ ихъ «бабчистыми», причемъ это слово смѣшивается со словомъ «антихристъ», пришествія котораго ждетъ народъ въ этой мѣстности. Прежде штундисты были очень сообщительны, скоро вступали въ религіозные споры, но послѣ ряда репрессивныхъ мѣръ (священники, между прочимъ, хлопотали о высылкѣ ихъ на Кавказъ) они стали крайне скрытны. Съ нѣмцами у штундистовъ особой дружбы нѣтъ, но въ селѣ Дашенкѣ, гдѣ на учителя приходской школы возложена обязанность слѣдить за штундистами и доносить на нихъ, послѣдніе предпочитаютъ посылать своихъ дѣтей въ нѣмецкія школы.

Благодаря своей трезвости, штундисты живутъ богаче остальныхъ крестьянъ, хату штундиста вы сразу отличите. Въ настоящее время въ этой мѣстности замѣчается и болѣе общій поворотъ въ народной жизни, тоже передѣлывающій ее на нѣмецкій ладъ, именно переселеніе на «волока» (Волокъ—полевой участокъ). Крестьяне, рѣшившіе переселиться на волокà, дѣлятъ свои земли на отдѣльные участки, возможно-ровные по цѣнности, разбираютъ ихъ по жребію и селятся каждый на своемъ участкѣ, совершенно бросивъ село. Это явленіе совсѣмъ новое, и о вліяніи его говорить пока нельзя. Лица, знающія близко народное хозяйство, предсказываютъ повышеніе крестьянскаго благосостоянія, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, боятся онѣмеченія разрозненнаго населенія,

что, при полной обезличенности этого населенія и превосходства нѣмецкой культуры, быть можетъ и не лишено основанія.—Изъ болѣе мелкихъ проявленій нѣмецкаго вліянія отмѣчу: принятіе крестьянами нѣмецкаго плужка, деревянныхъ башмаковъ, измѣненіе типа построекъ.

Отношенія между крестьянами и нѣмцами—враждебныя, доходящія до убійствъ; причина вражды—глубокое различіе въ понятіяхъ о собственности: крестьянинъ на произведенія природы (какъ напримѣръ — лѣсъ) смотритъ до сихъ поръ, какъ на res nullius; потравы у нихъ не считаются проступкомъ, есть своего рода спортъ; есть даже суевѣріе, какимъ образомъ обезпечить себѣ постоянную безнаказанность ихъ; между тѣмъ нѣмецъ принесъ съ собой выработанныя вѣковой государственной жизнью римскія педантичныя правовыя понятія. Такое противорѣчіе вызываетъ постоянныя потравы и порубки со стороны крестьянъ, рѣзкія мѣры со стороны нѣмцевъ, возмущенныхъ такимъ отношеніемъ къ чужой собственности, и въ результатѣ—крайнее взаимное раздраженіе.

Результатомъ косвеннаго вліянія нѣмецкихъ колоній является крайнее малоземеліе крестьянъ средней полосы; всѣ свободныя земли заняли нѣмцы, а русскому населенію приходится ютиться на своихъ много разъ передѣленныхъ надѣлахъ. Крестьяне прекрасно понимаютъ здѣсь, что вся ихъ сила въ землѣ, и, гдѣ только возможно, покупаютъ помѣщичьи земли, но цѣны на землю стоятъ высокія (десятина посредственной полевой земли—50 рублей, а усадебной до 300) и пріобрѣтеніе земли доступно только болѣе богатымъ обществамъ. Тамъ, гдѣ крестьяне пріобрѣли землю, они, благодаря нѣмецкимъ способамъ хозяйства, живутъ не дурно, но малоземельное населеніе бѣдствуетъ.

Физическій типъ и костюмъ населенія средней полосы значительно отличается отъ южнаго.

Ростъ средній или высокій. Волосы русые, всѣхъ оттѣнковъ; настоящихъ брюнетовъ встрѣчать не приходилось, но за то много блондиновъ, встрѣчаются и огненно-рыжіе, но мало. Брови густыя, дугой, разрѣзъ глазъ прямой, цвѣтъ ихъ преимущественно свѣтло-сѣрый, часто голубой, изрѣдка карій. Скулы менѣе выдаются, чѣмъ у южанъ.

Мужской костюмъ — свита изъ домашняго коричневаго сукна до колѣнъ или нѣсколько длиннѣе, съ короткимъ воротникомъ и безъ сборокъ въ таліи. Рубашка въ штаны, иногда вышитая, иногда нѣтъ (въ послѣднемъ случаѣ съ отложнымъ воротникомъ). На ногахъ носятъ сапоги. Головной уборъ у стариковъ представляетъ такъ называемая «магерка» — круглая шапка изъ домашняго сукна; молодые носятъ картузы. Женскій костюмъ національный

характеръ потерялъ; характерно въ немъ только повязываніе головы бѣлымъ платкомъ, тогда какъ на югѣ употребляютъ для этой цѣли яркій платокъ.— Штундисты костюмомъ отъ другихъ не отличаются.

Міровоззрѣніе населенія этой полосы не разнится отъ южнаго, но народный календарь представляетъ нѣкоторыя особенности.

Такъ подъ новый годъ кромѣ южныхъ обрядовъ сушатъ живьемъ воробьевъ, потомъ ихъ трутъ въ порошокъ и смѣшиваютъ съ тѣмъ зерномъ, которымъ будутъ обсѣвать поля.

Знайды-бабы въ этой полосѣ неизвѣстны.

Въ страстной четвергъ хозяйка дома раздѣвается до нага и мететъ вѣникомъ около хаты и самую хату, дабы не было червей, лягушекъ и всякихъ гадовъ.

Пасхальный обрядъ, такъ-же, какъ на югѣ, называется «спивать Молодара», но самой пѣсни о Молодарѣ почти не знаютъ, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ и совсѣмъ не знаютъ.—Четвергъ на пасхѣ—«наўськый велыкдень»—праздникъ мертвецовъ. Въ этотъ день нельзя городить, а то загородишь тучи, и дождя цѣлый годъ не будетъ.

Названія «заробыны» и «розыгры» нѣтъ, но тотъ же обрядъ называется «брыксы», причемъ иногда говорятъ «св. брыксы»; пѣсни, поющіяся въ этотъ день, какъ и на розыгры,—семейныя. Обрядъ этотъ выполняется, чтобы скотъ здоровъ былъ.

На Ивана Купайла, кромѣ украшенія «гильце» раскладываютъ костры и прыгаютъ черезъ нихъ.

Съ днемъ Ивана Купайла связываются многія повѣрья о вѣдьмахъ, чего не замѣчается въ южной полосѣ. Такъ разсказываютъ, что въ этотъ день вѣдьма росу собираетъ и даетъ ее своей коровѣ, чтобы больше молока давала; въ пѣсняхъ купальскихъ неоднократно поминается имя вѣдьмы.

Годъ кончается, какъ и на югѣ, гаданьемъ въ день св. Андрея и Екатерины.

Поэзія населенія средней полосы не отличается отъ южной.

Въ общемъ населеніе этой полосы, благодаря - ли своимъ природнымъ свойствамъ, или условіямъ жизни — энергичнѣе и предпріимчивѣе южанъ, но менѣе артистично.

Грамотныхъ довольно много, но, вслѣдствіе полнаго отсутствія книгъ, пользы грамота почти не приноситъ, и случаи рецидивизма безграмотности чрезвычайно часты.

Болѣе другихъ читаютъ штундисты, что и отразилось на ихъ говорѣ, полномъ великоруссизмовъ и славянизмовъ.

О своемъ историческомъ прошломъ народъ имѣетъ самыя смутныя представленія; говорятъ, что край этотъ забранный польскій, что когда-то здѣсь жили нѣмцы, потомъ почему-то они ушли, и поселились «людо», т. е. русскіе.

Эти идеи распространяютъ нѣмцы-колонисты, большинство которыхъ—выходцы изъ Познани, часто съ польскими фамиліями (Шинскіе, Богуславскіе и т. д.). Сами нѣмцы твердо увѣрены, что край этотъ принадлежитъ по праву имъ, и у нихъ былъ когда-то «забранъ».

Затѣмъ населеніе помнитъ, что когда-то приходила орда и раззоряла все; есть не мало урочищъ, гдѣ, по словамъ населенія, скрывалось отъ орды то или другое лицо; послѣ орды, по словамъ населенія, шла какая-то «черня», которая тоже грабила не меньше орды. Черня эта была православная и шла откуда-то отъ Кіева; нѣкоторые, преимуществено изъ солдатъ, добавляютъ, что она шла на французовъ, другіе говорятъ, что она обращала уніатовъ въ православіе. Что такое эта «черня»—рѣшить трудно; быть можетъ это какой нибудь гайдамацкій загонъ.—Казаковъ населеніе знаетъ только донскихъ, и являются они въ его представленіи всегда съ нагайкой, водворяющіе миръ и благочиніе.

На вопросъ: кто они такіе?—крестьяне отвѣчаютъ: «мужики». Если же начать спрашивать: что же вы нѣмцы, поляки, русскіе, украинцы?—то послѣдуетъ стереотипный отвѣтъ: «кажуть люде, шо мы полѣшуки». Далѣе этого національное самосознаніе мѣстнаго населенія не идетъ.

Сѣверная полоса восточной Волыни занимаетъ самую сѣверную часть Житомирскаго и Новоградъ-Волынскаго уѣздовъ и весь Овручскій уѣздъ. Въ Житомирскомъ и Новоградъ-Волынскомъ уѣздахъ и въ этой полосѣ встрѣчаются нѣмецкія колоніи, хотя ихъ несравненно меньше, чѣмъ въ предъидущей полосѣ; въ Овручскомъ уѣздѣ нѣмецкая колонія всего одна. Трактомъ, идущимъ изъ Житомира въ Овручъ эта полоса разбивается на двѣ неравныя части: одна изъ нихъ, меньшая, примыкающая къ Кіевской губерніи, населена густо, почти безлѣсна; въ тоже время эта часть болѣе культурна: во первыхъ здѣсь, вѣроятно случайно, сосредоточились всѣ, очень, правда, немногочисленныя, школы этой полосы; во вторыхъ малоземелье и безплодность почвы побуждаютъ населеніе искать подспорья въ отхожихъ промыслахъ и такимъ образомъ подвергаться фабрично-городской цивилизаціи.

Западная часть сѣверной полосы, представляющая собою площадь въ 150 верстъ длины и около 80 верстъ ширины, представляетъ собою одинъ изъ самыхъ глухихъ, по истинѣ медвѣжьихъ уголковъ Волыни. Экономическія условія здѣсь совершенно своеобразны и настолько оригинальны, что я остановлюсь на нихъ нѣсколько дольше, чѣмъ останавливался на другихъ мѣст-

ностяхъ: эта полоса покрыта необозримыми лѣсами, среди которыхъ пахотныя земли представляютъ крошечные оазисы.

Землевладѣніе здѣсь исключительно крупное, 17000, 20000, и даже 60000 десятинъ земли—таковы здѣшнія имѣнія; имѣніе въ 10000 десятинъ считается «средней руки», въ 3000—маленькимъ, а о такихъ, какъ 1000, 700 десятинъ говорятъ не иначе, какъ съ иронiей.

Лѣса въ этой мѣстности обширны, но ихъ далеко нельзя назвать дѣвственными, напротивъ, они хуже, чѣмъ подъ Житомиромъ; все, что было въ нихъ дѣйствительно цѣннаго, вырублено, дровяного лѣса масса, но онъ не имѣетъ здѣсь никакой цѣны, благодаря отсутствію путей сообщенія. (Рѣчки: Ужъ, Жеревъ, Убирть удобны для сплава только въ половодье, остальныя же совсѣмъ неудобны). Вести полевое хозяйство здѣсь для помѣщика невыгодно, такъ какъ почва очень неблагодарна и даетъ доходъ только при личной обработкѣ; къ тому же здѣсь часто нельзя достать рабочихъ рукъ. Фабричная промышленность, для которой, казалось бы, созданъ этотъ край, изобилующій и минеральными богатствами (особенно желѣзной рудой высшаго качества), и лѣсомъ, не может развиться, благодаря тому же отсутствію путей сообщенія, безъ которыхъ немыслима никакая фабрика. Все это вмѣстѣ совершенно обезцѣниваетъ земли въ этой мѣстности. (Большими кусками тутъ иногда можно пріобрѣтать земли по 4—6 рублей за десятину, а 10 рублей считается хорошей цѣной). Владѣльцы здѣсь не живутъ; въ большинствѣ случаевъ это люди, купившіе имѣніе случайно, гдѣ нибудь съ торговъ, плѣнившись баснословной дешевизной, и старающіеся какъ нибудь вернуть свои деньги, вырубая, что только можно вырубить, съ тѣмъ, чтобы потомъ имѣніе пошло опять съ публичныхъ торговъ и нашло новаго чудака-покупателя. Короче сказать, помѣщичьяго хозяйства здѣсь нѣтъ, единственнымъ производительнымъ хозяйствомъ здѣсь является крестьянское.

Благодаря бездоходности Овручскихъ земель, помѣщики не дорожили ими, и во время освобожденія крестьяне могли брать сколько угодно земли; къ сожалѣнію, они не всегда пользовались этимъ правомъ, ихъ пугала перспектива большихъ платежей, но зато мѣстами они взяли по 100 десятинъ на дворъ (село Собичинъ). Средняя цифра крестьянскаго надѣла въ этой мѣстности около 112 десятинъ, кромѣ того въ большинствѣ имѣній крестьяне имѣютъ сервитуты, пастьбы и топливо, а первыми фактически пользуются вездѣ. Сервитуты, о которыхъ такъ много пишутъ въ повременной печати, обыкновенно безъ всякаго знакомства съ дѣломъ, въ Полѣсьи положительно необходимы; отнять сервитутъ — это раззорить мѣстное крестьянство, убить единственное производительное хозяйство, не поправивъ помѣщичьяго. Дѣло

въ томъ, что почва Полѣсья такъ бѣдна, что безъ удобренія не можетъ давать урожаевъ, а единственнымъ возможнымъ удобреніемъ, благодаря все тому же отсутствію дорогъ, является навозъ, для котораго помѣщики и держатъ много скота. Безъ скота хозяйство полѣшука разрушается окончательно, а между тѣмъ онъ не можетъ держать достаточное количество скота безъ права пастьбы въ помѣщичьемъ лѣсу; кромѣ того, при невообразимой черезполосицѣ, представляющей характерную черту мѣстныхъ поземельныхъ отношеній, полѣшукъ не можетъ не пасти скота въ помѣщичьемъ лѣсу, хотя бы онъ и не имѣлъ сервитутнаго права; это мы видимъ въ казенныхъ лѣсахъ: крестьяне, владѣнія которыхъ разбросаны по этимъ лѣсамъ, буквально раззоряются постоянными штрафами за потраву (въ помѣщичьихъ лѣсахъ, при безалаберномъ хозяйствѣ, слѣдить за потравами некому).

Крестьянскіе надѣлы представляютъ собой рядъ полянокъ среди помѣщичьяго лѣса; въ каждомъ имѣніи этихъ полянокъ сотни, и разбросаны онѣ на громадныхъ пространствахъ; такъ, надѣлы села Бѣгунь находятся за 50 верстъ отъ самаго села. Считаютъ землю десятинами только волости, сами крестьяне измѣряютъ ее по количеству зерна, нужнаго для обсѣмененія (на ½ гарнца жита, на гарнецъ гороху, и т. д.).

Для обработки наиболѣе отдаленныхъ надѣловъ крестьяне переселяются изъ села на цѣлыя недѣли и живутъ это время въ такъ называемыхъ «куреняхъ». Курень представляетъ собою постройку въ срубъ изъ толстыхъ досокъ, шириною аршина въ 2½, длиною аршина въ 4 и высотой немного больше 2 аршинъ; полъ въ ней земляной, ниже поверхности земли приблизительно на аршинъ; по срединѣ куреня устраивается очагъ, представляющій возвышеніе (обыкновенно доходящее до уровня почвы), обмазанное глиной и обложенное плоскими камнями; форма очага—овалъ, трубы въ куренѣ нѣтъ, и дымъ выходитъ въ отверстіе въ крышѣ.

На уровнѣ очага вокругъ всего куреня идутъ скамьи, на которыхъ и спятъ обитатели этого неприхотливаго жилища. Всѣ стѣны куреня обыкновенно закопчены и даже обуглены, достаточно провести въ немъ нѣсколько минутъ, чтобы насквозь пропитаться запахомъ дыма; кромѣ того въ куренѣ всегда бываютъ миріады насѣкомыхъ, трудно представить себѣ, что тутъ можно жить, а между тѣмъ тутъ живутъ цѣлыя семьи.

Почва, какъ я сказалъ уже, здѣсь крайне неблагодарна и требуетъ страшнаго количества труда, чтобы доставить нужное количество хлѣба. Тѣмъ не менѣе земледѣліе является главнымъ промысломъ населенія; оно считается дѣломъ священнымъ, обязанностью человѣка; хлѣбъ считается высшимъ даромъ Божьимъ, отсюда уваженіе къ хлѣбу и къ товарищу человѣка при об-

работкѣ хлѣба—скоту. Хлѣбъ продавать грѣшно, у многихъ зажиточныхъ полѣшуковъ можно видѣть черныя отъ времени скирды хлѣба, которыя они не рѣшаются продать; надо всю ловкость еврея-скупщика, чтобы убѣдить даже нуждающагося крестьянина продать хлѣбъ. Замѣчательно отношеніе полѣшука къ скоту, особенно рабочему; положительно трогательна его любовь къ «худобкѣ» (скоту): онъ холитъ и бережетъ ее, какъ родное дитя, если не больше, умирая, онъ проситъ приподнять его съ постели и показать ему его худобку, худобка даже праздники свои имѣетъ, о чемъ скажу ниже.—Скотоводство само по себѣ, не въ качествѣ подспорья къ земледѣлію, не приноситъ полѣшуку той пользы, которую могло бы приносить; скотъ держатъ плохой породы, дающій очень мало молока, впрочемъ породистый скотъ и не выдерживаетъ мѣстныхъ условій, особенно болотнаго сѣна.

Въ прежнее время было развито пчеловодство (бортевое), но теперь оно находится въ полномъ упадкѣ.

Изъ кустарныхъ промысловъ извѣстны только: выплавка желѣза и выдѣлка изъ него земледѣльческихъ орудій, но этимъ дѣломъ занимаются исключительно «рудники», поляки-католики, впрочемъ совсѣмъ обрусѣвшіе, кажется потомки ссыльныхъ шляхтичей.

Въ общемъ населеніе сводитъ концы съ концами и даже достигаетъ нѣкоторой зажиточности, но не иначе, какъ съ громаднымъ трудомъ, о которомъ не имѣетъ понятія населеніе черноземной полосы. Жизнь полѣшука—сплошной тяжелый трудъ, достатокъ нисколько не ограждаетъ отъ массы лишеній; не мудрено, поэтому, что онъ не дорожитъ своей жизнью, умираетъ онъ, по словамъ лицъ, близко знающихъ его бытъ, съ изумительнымъ равнодушіемъ, съ изумительнымъ же равнодушіемъ относится онъ и къ смерти близкихъ людей, особенно дѣтей; «чортъ забраў», «перекинулоса»—вотъ выраженія, въ которыхъ разсказывала мнѣ мать о смерти своихъ дѣтей. Сначала это страшно рѣжетъ ухо, но потомъ, когда приглядишься къ этой природѣ, полной томительнаго однообразія, къ этому каторжному труду и къ его ничтожнымъ результатамъ, начинаешь понимать, что не мѣсто здѣсь нѣжнымъ чувствамъ.

Если въ глубокомъ Полѣсьи слабо развиты промыслы, то еще слабѣе развита торговля: населеніе обходится продуктами своей мѣстности, покупать приходится одну только соль, да предметы роскоши, въ родѣ бусъ, лентъ и т. п.

Съ деньгами населеніе обращаться не привыкло, и ихъ вообще въ этой мѣстности чрезвычайно мало, далеко не во всякомъ селѣ можно размѣнять рубль, а о десяти и говорить нечего. Все нужное населеніе вымѣниваетъ у евреевъ и другъ у друга, и даже плату за работу въ экономіяхъ предпочи-

таютъ получать солью, которая, вслѣдствіе дурныхъ путей сообщенія здѣсь цѣнится вдвое выше, чѣмъ въ остальной Руси.

Нѣкоторыя экономіи устраиваютъ такія операціи: гонятъ смолу, отправляютъ ее въ городъ, а на обратныхъ повозкахъ привозятъ соль, которой и расплачиваются съ рабочими. Мѣстами населеніе отрабатываетъ въ экономіяхъ за право собирать топливо, и т. д. Однимъ словомъ, если бы не подати, полѣшукъ обошелся бы совсѣмъ безъ денегъ.

Полѣшуку нельзя отказать въ трудолюбіи и въ энергіи, въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ онъ болѣе культуренъ, гдѣ онъ ходитъ на заработки, онъ выказываетъ даже торговыя способности и крайнюю плутоватость, украинецъ ему кажется простакомъ. Грамотные парни, подолгу жившіе на Украйнѣ, говорили мнѣ, что они трехъ украинцевъ проведутъ, чему легко можно повѣрить, такъ какъ на моихъ-же глазахъ они ухитрились обморочить еврея. Въ мѣстечкѣ Народичахъ (недалеко отъ Кіевской губерніи) крестьяне успѣшно конкурируютъ въ торговлѣ съ евреями. Вообще, если-бы поставить полѣшука въ подходящія условія, то онъ бы заткнулъ за поясъ пресловутыхъ ярославцевъ, по крайней мѣрѣ въ плутоватости; плутоватъ онъ даже въ самыхъ медвѣжьихъ углахъ. Безкорыстной любознательности полѣшукъ не обнаруживаетъ, къ школѣ относится холоднѣе украинца и, окончивъ ученіе, разъ на всегда рветъ съ нею связи. Грамотныхъ въ восточной части довольно много, но зато въ западной почти нѣтъ (на всю западную часть Овручскаго уѣзда, около 12.000 кв. верстъ, одна школа въ селѣ Кисоричахъ, приходскія не въ счетъ, такъ какъ существуютъ исключительно на бумагѣ). Вообще внутренняя жизнь полѣшука, даже болѣе развитаго, менѣе сложна, чѣмъ жизнь украинца. Онъ менѣе пытливъ, менѣе глубоко чувствуетъ, но зато энергичнѣе и предпріимчивѣе (конечно только тогда, когда условія сколько нибудь благопріятны).

Внѣшній типъ и костюмъ полѣшука раздѣляетъ его съ украинцемъ и приближаетъ къ бѣлоруссу: средній или низкій ростъ, бѣлокурые волосы, голубые или свѣтлосѣрые глаза, тонкій прямой носъ—вотъ господствующій типъ полѣшука. Впрочемъ встрѣчаются типы и малорусскіе, и татарскіе, и литовскіе, и даже еврейскіе. Костюмъ у мужчинъ: длинная (ниже колѣнъ) бѣлая холщевая рубашка съ красной вытканой полосой внизу, узкіе штаны, свитка, обшитая цвѣтнымъ шнуркомъ, и шапка въ родѣ конфедератки, тоже обшитая цвѣтнымъ шнуркомъ, вотъ костюмъ полѣшука, въ чистотѣ сохранившійся въ западной части Овручскаго уѣзда. Женскій костюмъ—малорусскій, съ той разницей, что вмѣсто фаты и запаски носятъ юбку изъ цвѣтной матеріи, называемую литникъ, въ дождливую погоду этотъ литникъ подымаютъ и надѣ-

ваютъ на плечи, въ сухую и въ жаркую погоду его часто совсѣмъ не носятъ и ходятъ въ одной рубашкѣ.

Міровоззрѣніе полѣшука близко къ южному, разница только та, что, во первыхъ, у него бѣднѣе запасъ образовъ, а многія представленія совершенно ему не знакомы, во вторыхъ—меньше скептицизма, и все, что украинецъ передаетъ съ нѣкоторой ироніей, онъ говоритъ совсѣмъ серьезно.—Въ народномъ календарѣ есть довольно существенныя различія: ни розыгръ, ни брыксъ, ни знайдыбабъ полѣшукъ не знаетъ, за то ему извѣстенъ Уласъ, въ четвергъ на масляницу; обрядовъ впрочемъ на масляницѣ нѣтъ, только варятъ варенники, потому что Уласъ на варенники ласъ. Святымъ Уласа не считаютъ. Затѣмъ полѣшуки отличаютъ три среды послѣ Пасхи: переплавна, вшесна и кривая; въ эти три среды нельзя работать скотомъ. Изъ другихъ обрядовъ любопытны такъ называемые «дѣды». — Въ этотъ день вечеромъ устраиваютъ ужинъ, на который зовутъ покойниковъ, имъ-же оставляютъ лучшія кушанья; на слѣдующій день эти кушанья бросаютъ въ рѣку, для утопленниковъ. Любопытно также, что отмѣчается народомъ пятница, когда не шьютъ, чтобы не уколоть Параскеву-Пятницу, и новолуніе, когда всѣ подаютъ въ церкви за здравіе и за упокой. Почитаются народомъ такъ называемыя «прощи»; въ одномъ мѣстѣ (въ Ступицахъ, около с. Христиновки) прощей является старый громадный дубъ, въ другомъ, въ урочищѣ Сорокопень, Жубр. волости,—источникъ. Въ настоящее время около прощей устроены часовни, и въ день собранія народа тамъ служатъ молебны, въ Сорокопени крестьяне бросаютъ въ источникъ медъ, воскъ и деньги; предусмотрительный священникъ устроилъ подъ водой незамѣтную сѣтку, и въ настоящее время эти приношенія, вмѣсто того, чтобы пропадать даромъ, идутъ въ пользу причта.

Поэзія этой полосы представляетъ много любопытнаго: здѣсь въ колядкахъ сохранились обрывки стараго эпоса, да и не только въ колядахъ: здѣсь живутъ до сихъ поръ пѣсни о Байдѣ безъ всякихъ наслоеній, пріурочивающихъ эту пѣсню къ личности Дмитрія Вишнёвецкаго; живутъ также пѣсни временъ татарщины, пѣсни о Волохахъ, о борьбѣ поляковъ съ турками, съ Москвой (одна); нѣтъ только здѣсь казацкихъ думъ.

Лирика этой мѣстности очень своеобразна: въ ней нѣтъ глубины чувства и простоты украинской пѣсни, это собственно даже не лирика, это какой-то хаосъ, въ которомъ можно видѣть въ зародышѣ всѣ виды поэзіи, до драмы включительно. Кромѣ того въ полѣсской лирикѣ проглядываетъ, если можно такъ выразиться, «декадентство», какая-то туманная условность образовъ, которая дѣлаетъ пѣсню сначала абсолютно непонятной. Любопытны также по-

лѣсскія сказки, отъ которыхъ вѣетъ глубокой стариной; нѣкоторыя изъ сказокъ сохранили стихотворный размѣръ и рифмы. На границѣ между сказками и воспоминаніями старины находится разсказъ объ обычаѣ убивать стариковъ (за лопаниву); само населеніе не считаетъ его за сказку, но, по нѣкоторымъ сказочнымъ чертамъ, по сплетенію съ несомнѣнно-сказочными мотивами, онъ можетъ быть отнесенъ къ сказкамъ. Множество очень близкихъ варіантовъ этого разсказа распространены по всему восточному Полѣсью; я передамъ вкратцѣ наиболѣе полный, записанный мною со словъ старика крестьянина въ селѣ Бѣловѣжѣ Овручскаго уѣзда. Начинается этотъ разсказъ обыкновенной сказкой о солдатѣ и смерти; когда солдатъ заперъ смерть въ табакерку, люди перестали умирать, и, чтобы избавиться отъ переполненія земли, стали убивать стариковъ и старухъ. Три брата пожалѣли отца, скрыли его въ погребѣ и потихоньку кормили. Между тѣмъ наступилъ голодъ, и не осталось хлѣба. Братья сказали объ этомъ отцу; тотъ вспомнилъ, что въ молодости покрылъ сарай невымолоченной соломой, и посовѣтовалъ сыновьямъ вымолотить эту солому и засѣять поле; тѣ такъ и поступили. Получился прекрасный урожай и опять завелся хлѣбъ на землѣ; тогда перестали убивать стариковъ, а солдатъ, устыдившись, что довелъ людей до такого грѣха, выпустилъ смерть, и все пошло по старому. Въ другихъ варьянтахъ (записанныхъ г. Загоровской и волостнымъ писаремъ Остапчукомъ) о солдатѣ и смерти нѣтъ ничего, обычай убивать стариковъ не объясняется вовсе, но о немъ и его прекращеніи говорится дословно то-же, что и въ моемъ варьянтѣ.

Теперь мнѣ остается сказать нѣсколько словъ объ историческихъ воспоминаніяхъ полѣшука: они не многочисленны, но очень любопытны, какъ отголоски такой глубокой древности, память о которой врядъ-ли живетъ гдѣ-нибудь въ другомъ уголкѣ Руси.—Уже въѣзжая въ полосу сѣверныхъ малорусскихъ говоровъ, на сѣверѣ Житомирскаго уѣзда, вы чувствуете, что страна эта жила когда-то болѣе полной жизнью, что здѣсь былъ нѣкогда центръ; огромное количество кургановъ, частыя и иногда очень обширныя городища,—все это на каждомъ шагу напоминаетъ о быломъ. Если вы обратите вниманіе на названіе урочищъ, то вы найдете здѣсь Ольгину купальню, Ольгины колодцы, Игореву могилу, Игоревъ бродъ, князеву могилу, и т. д. Если вы спросите—кто такой эти Ольга и Игорь, то услышите разсказъ, вѣющій самой глубокой стариной. Вамъ разскажутъ, что была царица Ольга или Юлга; что она ходила здѣсь съ войскомъ искать своего мужа, что, проходя, она вездѣ жгла и убивала, оставляя, впрочемъ, и другіе памятники своего пребыванія—колодцы и насыпную гору, которую, по ея приказанію, насыпали шлемами ея воины; однимъ словомъ, образъ Ольги явится передъ слушателемъ

съ величавой языческой суровостью, напоминающей не только именно Вольгу— богатыря; образъ Игоря блѣднѣе, хотя имя его идетъ далеко на западъ, сравнительно съ именемъ Вольги — Юлги. На западъ - Волынскаго уѣзда, между с. Собичинымъ и Сновидовичами есть бродъ, по словамъ населенія, выбитый копытами Игоревой конницы и называемый Игоревымъ. Чрезвычайно любопытенъ разсказъ, слышанный мною въ селѣ Немировкѣ близъ Игоревой могилы. По этому разсказу Ольга начала искать своего мужа, когда онъ былъ еще живъ. Они встрѣтились, идя каждый со своимъ войскомъ, на берегу рѣчки Уши и не узнали другъ друга. Произошла битва, и Ольга сама убила Игоря, затѣмъ узнала его по перстню и тогда велѣла воинамъ шлемами насыпать курганъ, который показываютъ и теперь. Любопытно, что такая-же легенда слышана мною въ селѣ Кошарищѣ, Житомирскаго уѣзда (въ полосѣ южныхъ говоровъ), только тамъ, вмѣсто Игоря и Ольги, явились графъ и графиня.

Есть еще нѣсколько сказаній, связанныхъ съ названіями урочищъ, показывающія, что въ старину эта мѣстность была въ тѣсной связи съ Кіевомъ (имя котораго, замѣчу мимоходомъ, упоминается въ обрядовыхъ пѣсняхъ). Такъ, около села Листвена есть въ лѣсу нѣсколько каменныхъ глыбъ, которыя, по словамъ населенія, ангелы несли для построенія Кіево-Печерской лавры, и бросили тутъ; въ другомъ мѣстѣ, около села Бѣлокуровичъ такіе-же камни, по словамъ населенія, несли черти, чтобы загородить Днѣпръ, когда строили Лавру, но Богъ поразилъ ихъ громовой стрѣлой, и они бросили свою ношу.

Затѣмъ въ этой мѣстности есть нѣсколько воспоминаній о набѣгахъ татаръ, и больше народная память не сохранила ничего, очевидно съ тѣхъ поръ общественная политическая жизнь затихла окончательно. Этимъ я и закончу свой бѣглый обзоръ восточной Волыни.

Н. Коробка.

Письма О. М. Бодянскаго къ Станку Вразу въ Загребъ.

Печатаемыя ниже письма О. М. Бодянскаго хранятся въ архивѣ Хорватской Матицы. Библіотекарь Загребскаго Университета и вмѣстѣ съ тѣмъ секретарь Матицы г. Костренчичъ любезно позволилъ мнѣ сдѣлать съ нихъ копіи. Письма эти могутъ имѣть интересъ для біографіи Бодянскаго.

П. Кулаковскій.

Станко Вразъ, собственно Яковъ Фрасъ, Словѣнецъ родомъ изъ Стиріи р. 30 іюля 1810 † 24 мая 1851 г. былъ горячій приверженецъ Иллиризма и съ 1838 г. переселился въ Загребъ и сталъ писателемъ хорватскимъ или какъ тогда говорили иллирскимъ. Онъ въ свое время писалъ много, былъ человѣкъ образованный и много сдѣлалъ для развитія хорватскаго общества въ духѣ народномъ и славянскомъ, но настоящимъ художникомъ и поэтомъ онъ не былъ. (См. подробности о немъ въ трудѣ Проф. Кулаковскаго «Иллиризмъ. Варшава. Стр. 318 — 340 и проч.).

Ред.

1.

7 августа 1842 года ст. ст. Познань.

Здравствуйте, добрый мой пріятель! Вотъ когда Богъ привелъ меня написать къ вамъ нѣсколько строкъ. Много воды ушло съ той поры, какъ я оставилъ Вашъ Загребъ и полетѣлъ, сломя голову, пить воду же къ г. Присницу. Навѣрное Вы знали объ этомъ... (испорчена полустрока)... самозаточеніи, и только дивились, зачѣмъ я хранилъ такъ долго и упорно молчаніе, обѣщая переписываться съ вами и, между тѣмъ, ни словечка по сю пору

не послалъ къ Вамъ. На это было много причинъ, которыя когда нибудь узнаете въ свое время. Теперь же очень радъ случаю перекинуться съ Вами парой словъ. Каково вы поживаете? Скоро ли выйдетъ вторая книжка Вашего Кола? Первая мнѣ очень понравилась. Ради Бога продолжайте свой Сборникъ и не бойтесь никакихъ препятствій. Если бы Вы хотѣли сбыть его въ Россіи, можете всегда послать для меня нѣсколько книжекъ въ Прагу къ г. Кронбергеру и Ржживнячу, моимъ комиссіонерамъ, прибавивъ, что это назначается Вами для пересылки мнѣ въ Бѣлокаменную.

Первая засылка книгъ изъ Праги въ Москву пойдетъ въ половинѣ сентября. И такъ, коли Вамъ угодно, перешлите нѣсколько книжекъ всѣхъ Вашихъ новыхъ произведеній съ 1839 года въ Прагу. Впрочемъ, объ этомъ и многомъ другомъ я буду Вамъ писать особенно изъ Москвы. Васъ же прошу между тѣмъ послать мнѣ нѣсколько строкъ отъ себя въ мою столицу, адресуя письмо такъ: Его Вбл. и пр.: подать въ Университетское правленіе. Будьте здоровы, благополучны и не забывайте душевно Вамъ отданнаго О. Бодянскаго.—Мой поклонъ доземной всѣмъ загребцамъ, помнящимъ еще меня. Завтра ѣдемъ мы въ Гнѣзно, а оттуда уже прямо на Святую Русь...

Съ боку письма приписка:

Письмо свое можете еще лучше пересылать черезъ Шафарика въ Прагѣ, а онъ уже ко мнѣ отправитъ.

Прим. Это письмо Бодянскаго написано на томъ же листкѣ почтовомъ, на которомъ писалъ и Срезневскій Вразу изъ Познани. Письмо Срезневскаго помѣчено 16 августа 1842 г.

2.

Г. Станку Вразу въ Загребъ, въ Хорватію.

Москва. 7 іюня, 1843 года.

Здорово, мой любезнѣйшій и добрѣйшій Станиславъ Осиповичъ! Долго же я не писалъ къ Вамъ, хотя въ бытность свою въ Загребѣ и обѣщался время отъ времени перекликаться съ Вами. Ничего не могу сказать въ извиненіе свое слишкомъ основательнаго, кромѣ развѣ того, что ужасная болѣзнь, постигшая было меня на долгое время, отнимала рѣшительно охоту отъ вся-

кой письменной бесѣды съ кѣмъ бы то ни было. Во все свое страданіе я сносился только изрѣдка съ Русью по должности, да съ Шафарикомъ два, три раза. Со всѣми же прочими моими дорогими знакомыми изъ соплеменниковъ, я прервалъ даже малѣйшее сношеніе. И признаюсь, едвали бы каждый на моемъ мѣстѣ иначе поступилъ. — Въ эту пору, смѣю увѣрить Васъ, ни что не шло страдальцу ни въ голову, ни изъ головы. Но, слава Богу, мученія мои кончились, и вотъ я скоро годъ живу уже на своей родинѣ. Здоровье мое очень порядочное: прежней болѣзни какъ бы не бывало! А все такого благодѣянія виною — холодная вода. Вы, вѣрно, слыхали, что я около двухъ лѣтъ прожилъ въ Грефенбергѣ въ Присницевой Академіи. Да, только вода могла меня излѣчить! Слава же ей на вѣки вѣчные! Весною прошлаго года я оставилъ свое заточеніе и пустился въ обратный путь на родную сторону, Но, прежде пріѣзда въ нее, мнѣ хотѣлось еще было взглянуть кое на что Славянское. Съ этою цѣлію я осмотрѣлъ обѣ Лужицы, еще разъ прокатился по Чехіи и Силезіи и, наконецъ, очутился вмѣстѣ съ Измаиломъ Ивановичемъ въ Познани. Отсюда я писалъ къ Вамъ нѣсколько строчекъ въ грамоткѣ г. Срезневскаго. Не знаю, дошла ли она къ Вамъ. Въ ней я просилъ Васъ войти со мною въ переписку, посылая всѣ письма свои ко мнѣ прежде всего въ Прагу на имя г. Шафарика. Думаю, что Вы по сю пору не въ состояніи были еще взяться за перо съ этой цѣлію, но вмѣстѣ съ тѣмъ увѣренъ, что, получивъ теперешнее мое новое приглашеніе, не откажетесь отвѣтствовать ему славянской взаимностью. Это тѣмъ болѣе, что, какъ Вы услышите сейчасъ, дѣло идетъ о кое-чемъ, имѣющемъ самую большую важность и для Васъ. Именно: я затѣваю, по крайней мѣрѣ черезъ 7—8 мѣсяцевъ приступить къ изданію Всеславянскаго учебника по нашимъ народнымъ пѣснямъ. Мы, профессоры Славянскихъ каѳедръ, должны прежде всего заботиться доставить своимъ слушателямъ пособія для изученія преподаваемаго предмета. Лучшимъ средствомъ къ усвоенію славянскихъ нарѣчій считаю я знакомство съ народными пѣснями; для того составляю избранный сборникъ ихъ по всѣмъ нарѣчіямъ, подрѣчіямъ и разнорѣчіямъ нашимъ, снабдивъ его коротенькой грамматикой и словаремъ каждаго изъ нихъ. По всѣмъ прочимъ нарѣчіямъ изданы, богатыя даже отчасти, пособія въ народной литературѣ. Одно только Хорватское нарѣчіе не имѣетъ никакого сборника своихъ народныхъ пѣсенъ. Вотъ почему я прибѣгаю къ Вамъ съ моей нижайшей просьбой: нельзя ли будетъ Вамъ какъ нибудь, по мѣсту своего жительства въ срединѣ Хорватіи, собрать для меня самому, или же при помощи своихъ добрыхъ знакомыхъ, десятковъ три-четыре народныхъ хорватскихъ пѣсенъ, именно такъ, какъ ихъ самъ народъ поетъ. Я бы

Вамъ и другимъ, желающимъ помочь мнѣ въ этомъ, былъ безпредѣльно обязанъ и постарался бы чувствительно отблагодарить. Само собою разумѣется, что я всякаго, кто только согласится подѣлиться со мною хорватскими пѣснями, буду благодарить нѣсколькими книгами своего Всеславянскаго учебника. Кромѣ того, прошу Васъ сказать мнѣ откровенно, правда ли, что изданныя Вами Словенскія народныя пѣсни нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ Загребѣ, наполнены ужасными ошибками противу народнаго произношенія, и что Вы теперь ими очень недовольны? Это я слышалъ отъ Срезневскаго, которому, будто бы Вы сами сказывали все, упомянутое выше, и что этимъ изданіемъ никакъ уже не слѣдуетъ пользоваться. Если тому такъ, нельзя ли будетъ Вамъ исправить ихъ одинъ экземпляръ и потомъ переслать мнѣ, равно какъ и другихъ нѣсколько пѣсень изъ Словенской земли, особенно на какомъ либо замѣчательномъ разнорѣчіи ея. Богъ знаетъ, когда Вы будете имѣть возможность приступить къ изданію ихъ, а между тѣмъ безъ образцовъ словенскаго языка въ народныхъ пѣсняхъ, я никакъ не смѣю печатать моего Всеславянскаго учебника, появленіе котораго чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше и спасительнѣе для нашего дѣла. Я увѣренъ, что онъ сильно подвинетъ у насъ на Руси, и вообще между всѣми соплеменниками, изученіе славянскихъ нарѣчій, положитъ краеугольный камень въ основаніе письменной взаимности между нами. Подумайте хорошенько и—дѣйствуйте.

Еще прошу Васъ покорнѣйше сказать какому нибудь изъ Загребскихъ книгопродавцевъ, находящемуся въ сношеніяхъ, или же хотящему вступить въ это съ Пражскимъ книгопродавцемъ Кронбергомъ и Ржпвнячемъ, моимъ комиссіонеромъ, чтобы онъ выслалъ сему послѣднему слѣдующія книги: а) Даницу Иллирску, отъ начала ея по послѣднее число,—два экземпляра; б) Игроказы, тоже 2 экз.; г) Ваши Гласы изъ Жеравин. дубраве, 2 экз.; д) Ваши же Словенскія пѣсни, 1 экз.; е) Все, что Вы, Вукотиновичъ и Ваши знакомые издали хорошаго съ 1840 года, то есть, со времени моего отъѣзда изъ Загреба. Всего этого по два экземпляра.

Далѣе потрудитесь г. Жупану, Вашему книгопродавцу, сказать, что, если онъ хочетъ нижеозначенныя книги сбыть разомъ, то бы изволилъ ихъ отправить тотчасъ упомянутому пражскому комиссіонеру моему для пересылки мнѣ въ Москву. Отъ него онъ сейчасъ получитъ слѣдуемыя ему за нихъ деньги, равно какъ и всякой другой книгопродавецъ Загребскій, пославшій для меня названныя выше сочиненія.

Книги эти суть:

1) Evangelium biskupie Zagrebske.

2) Gregora Vitie Horvaczke.
3) Huta pri Savi.
4) Farkass. Golub.
5) » Pervi i zadnji kip.
6) Miklushicz. Diogenesh; 7) Ljubomirovich;
8) Lizimakush; Zriny-Miklush.
9) Dilorednik; 10) Kriztian. Nachin; 11) Zachatek historie; 12) Mudrovčich. Veliki Katekizam; 13) Daniza 1834—1843; 14) Robinzon; 15) Matakovich. Naruchna knixica; 16) Kratka pripovidanja; 17) Katancsich. Specimen philo logiae; 18) De columna militaria; 19) Gjurkovechki Gezichnica; 20) Sibilla. 21) Katancsich Fructus autumnales; 22) Derkoos. Genius patriae; 23) C. F. V. Dissertafio; 24) Stóosz Noch Horvatov; 25) Stari mladoxenja.

Всѣхъ этихъ книгъ по два экземпляра. Слѣдующихъ же по одному только экземпляру:

1) Kriztian. Blagorechja, 2 dela. Nicht velin papier, aber ordinair.
2) Matievich. Roztolmachenye Gevangeliumov. 4 dela.
3) Schiller. Prodechtva. 4 dela.
4) Frass. Topographie der Karlstädter Militärgränze.
5) Kunits. Reflexionen.
6) Kanižlić. Bogoljubnost.
7) Blaškovich. Historia Styriae.
8) Verhovacz. Podvuchany z vereistin.
9) Švear. Ogledalo Stirie.
10) Kristianovich. Grammatik der kroatischen Sprache mit Anhang.
11) Marjanovich. Vitie.
12) Tamburaš: ilirski.

У Гиршфельда.

1) Dubravka; 2) Juze; 3) Ariadna; 4) Diana; 5) Usmart Marie; 6) Ferdinand 2; 7) Ljubovnik; 8) Egjupka; 9) Vienaz; 10) Marunka; 11) Elena и все прочее, печатанное въ Дубровникѣ у Мартикети (т. е. Мартеккини), кромѣ одного Гундуличева Османа, который, какъ слышу, скоро будетъ изданъ Вашею Матицей.

Сюда же присоедините словарь Иллирско-Нѣмецко-Латино-Итальянскій Стулли. NB. Одну лишь иллирскую часть, безъ остальныхъ. Наконецъ,

нельзя ли Вамъ будетъ какъ нибудь пріобрѣсть для меня у кого либо еще слѣдующихъ старинныхъ книгъ:

1) Словари Ямбрешича, Бѣлостенца и Габделича.

2) Всѣ вообще старыя сочиненія на Хорватскомъ языкѣ, или же и другихъ, только относящіяся къ тамошнимъ Вашимъ сторонамъ. Равномѣрно просилъ бы Васъ обращать вниманіе и на Иллирскія, Славонскія, Глаголитскія, Словенскія (Краинскія, Штирскія, Хорутанскія) древнія сочиненія, о коихъ всѣхъ потрудитесь каждый разъ написать къ г. Шафарику и спросить его, имѣю ли я что нибудь изъ нихъ, или нѣтъ. Если нѣтъ, тогда могли бы Вы пріобрѣсть для меня на деньги, которыя Вамъ тутъ же и будутъ имъ высланы, а Вы уже потомъ отправили бы ихъ къ комиссіонеру моему Пражскому, Кронбергеру и Ржнвначу, для доставки мнѣ при случаѣ.

Извините меня великодушно, что я Васъ утруждаю столькими порученіями. Но, вѣдь, одного лишь Васъ и имѣю въ этой сторонѣ, къ которому могу обратиться съ своей просьбой? Съ прочими я не такъ знакомъ, какъ съ Вами. И притомъ, я увѣренъ очень, что Вы, водясь всеславянской взаимностью больше другихъ, едва ли откажетесь поднять на себя это бремя, столь сладкое и пріятное. Я готовъ съ моей горячайшей готовностью отвѣтствовать Вамъ тою же монетою. Сдѣлайте милость, поручайте мнѣ свои заказы.

На дняхъ отправляю я въ Прагу кое какія книги г. Шафарику. Между ними находятся также нѣкоторыя и для Васъ, равно какъ и для Вашей читальницы. Прошу все это принять отъ меня на память и знакъ моего искренняго къ Вамъ уваженія и признательности.

Въ прошломъ году, — съ сентября по май, я читалъ студентамъ Славянскаго отдѣленія нашего Университета въ первый разъ начало Славяновѣдѣнія; именно прежде всего Славянское народописаніе, потомъ Древнѣйшую Исторію Славянъ, оба по извѣстнымъ сочиненіямъ нашего Шафарика, съ своими прибавленіями и тому подобнымъ; кромѣ того чешскій языкъ. Студенты со всѣмъ жаромъ и любовью бросились на родное. Успѣхи ихъ изумительны. Предметъ мой сдѣлался теперь однимъ изъ самыхъ любимыхъ у молодежи Университетской. Любознательности и прилежанію нѣтъ конца. Это меня больше, чѣмъ радуетъ, просто чаруетъ и придаетъ неимовѣрную силу и твердость въ своихъ занятіяхъ. На слѣдующій годъ намѣреваюсь преподавать: Исторію Чешскаго народа и его словесности, языки: словацкій и сербо-лужицкій. Черезъ два года придетъ очередь и на юго-восточный говоръ. Тогда мы сдѣлаемъ чрезвычайную закупку Вашихъ книгъ: смотрите, приготовляйте довольно и при томъ хорошенькихъ. Особливо не лѣнитесь издать свои словенскія и хорватскія народныя пѣсни, сербскій словарь и т. п. Сбытъ ихъ—

вѣренъ какъ нельзя больше. Не дремайте же! Свидѣтельствую мое усерднѣйшее почтеніе всѣмъ помнящимъ меня соплеменникамъ, особенно же гр. Драшковичу, Мозесу, Гаю, Бабукичу, Вукотиновичу, Стосу, Раковцу, братьямъ Мажураничамъ, Ужаревичу, Деметру, старику Крестичу съ его семействомъ, священнику Николичу и прочимъ, и прочимъ. Будте здоровы, благополучны и не забывайте душевно Васъ любящаго О. Бодянскаго.

Приписка на 2-ой стр. сбоку.

Пожалуйста, увѣдомляйте меня время отъ времени о всемъ, замѣчательномъ въ вашемъ мірѣ, литературномъ и общественномъ. Я Вамъ буду за это сердечно обязанъ и постараюсь тѣмъ же отвѣчать.

Приписка на 4-ой стр. сбоку.

Кланяйтесь также низенько отъ меня любезнѣйшему барону Кушлянду. Пишите мнѣ отвѣтъ черезъ г. Шафарика: онъ уже Ваше письмо препроводитъ въ нашу бѣлокаменную Матушку.

Прим. Это письмо Бодянскій написалъ на двухъ листочкахъ небольшаго формата почтовой бумаги. На первомъ листочкѣ литографированъ видъ Кремля и сдѣлана литографированная подпись: «Видъ Кремля въ Москвѣ».

3.

Изображеніе Василія Блаженнаго и подпись литографированная: «Видъ Василія Блаженнаго въ Москвѣ».

Москва. 1844 года іюля 13-го дня.

Насилу-то дождался я отъ Васъ вѣсточки, незабвенный мой соплеменникъ! Скоро будетъ два года тому (именно черезъ мѣсяцъ), какъ послалъ я Вамъ первую свою грамотку еще изъ Познани, и ровно годъ какъ послѣднюю уже изъ Матушки Москвы. А Вы только теперь откликнулись мнѣ! Ну, слава Богу, что хоть откликнулись; а то я ужь, право, не зналъ, что и подумать о Васъ: все такія черныя мысли шли въ голову, что инъ-то въ чужѣ жаль! Лучше поздо, чѣмъ никогда, не даромъ говорится. Чтобы же и мнѣ Вы не сказали этой обыденной истины, спѣшу отвѣчать Вамъ во благое время, т. е. черезъ двѣ недѣли, какъ одинъ день, по полученіи отъ Васъ письма.

Благодарю Васъ отъ всей души моей за исполненіе Вами моей докучной просьбы; но этимъ Вы, не забывайте, сдѣлали услугу не одному мнѣ, а всему славянству, и, конечно, тысячи будутъ Вамъ за то глубоко благодарны. Еслибъ я зналъ во время своего житья у Васъ въ Загребѣ, что г. Раковацъ такъ долго не издастъ (вѣрно никогда?) своего сборника хорватскихъ пѣсень, то разумѣется тогда же бы просилъ его позволить списать у него нѣсколько ихъ, или же, въ случаѣ отказа, у кого другаго. Впрочемъ, дѣло еще не ушло. Я приступлю къ печатанію своего учебника не прежде года; стало быть, присылка Ваша подошла во время, и даже и другая, коли угодно будетъ Вамъ почтить меня ею, придетъ еще въ свою пору. И это тѣмъ болѣе, что Вы сами предлагаете мнѣ такую услугу: благодарю сердечно и принимаю обѣими руками вцѣпясь за Ваше слово. Больше всего дайте мнѣ того, чего нѣтъ въ изданныхъ Вами пѣсняхъ, что замѣчательно особенностью своей въ историческомъ, эстетическомъ или же филологическомъ отношеніи, особливо въ послѣднемъ случаѣ, т. е. язычномъ. Имена всѣхъ, у кого я беру матеріялы, прямо ли изъ печатнаго источника, или же частнымъ образомъ, будутъ указаны мною отчетливо и съ признательностью. Такъ, вотъ уже изъ Словенской земли (Словацкой) прислано мнѣ довольно пѣсень разными лицами. Эта земля и Ваша представляютъ мнѣ единственное непреодолимое препятствіе, если исключимъ отсюда еще Болгарію, покуда для всѣхъ насъ землю невѣдомую. Всѣ прочія словенскія страны огласили уже достаточные сборники своихъ пѣсень, изъ коихъ можно довольно удачно попользоваться. Замѣчаніями Вашими на счетъ дѣленія вашего языка на свои нарѣчія и т. д., воспользуюсь съ готовностью и признательностью. Онѣ чрезвычайно дѣльны и вѣрны. Съ однимъ лишь не могу, пока, согласиться съ Вами, будто слово «Сербъ» извѣстно только простому народу въ одномъ княжествѣ Сербскомъ, да между выходцами его въ Сремѣ и около его; всюду же въ другихъ мѣстахъ знакомо лишь однимъ людямъ грамотнымъ, и то только у православныхъ, а простонародье зоветъ себя часто одними областными именами. Но, Бога ради, не вѣрьте никому, кто Вамъ это наговорилъ. Я самъ слышалъ, какъ всѣ Сербы православные въ Сремѣ, Бачкой, Банатѣ, Славоніи зовутъ себя Сербами, малой и большой, грамотной и безграмотной. Далѣе, всѣ Далматинцы, Черногорцы, Босняки, Герцеговинцы того же самаго православнаго исповѣданія, по единогласному показанію разноплеменныхъ путешественниковъ, величаютъ себя Сербами, между тѣмъ какъ неправославные бѣгаютъ этого имени, за исключеніемъ однихъ Хорватовъ въ Турецкой Хорватіи, на Военной границѣ, Далмаціи, и т. д., будутъ-ли они православные, или неправославные, называютъ себя предпочтительно хорва-

тами, хотя и тутъ первые нерѣдко употребляютъ и имя Сербъ, а послѣдніе никогда, видя въ немъ «религіозный смыслъ и значеніе». Такъ точно и хорватъ у православныхъ нерѣдко значитъ «Латынецъ», особенно для Далматинцевъ, Приморцевъ, Истріянъ, и т. д., гдѣ Римская церковь имѣетъ большую часть своихъ послѣдователей. Что же касается до «Влахъ, Бунѣвацъ, Шокацъ», то это, какъ Вы знаете, названія прозвищныя, насмѣшливыя, поносныя, укорительныя, не собственныя, и тому подобное, даваемыя другими, и вовсе неупотребляемыя тѣми, коимъ онѣ даются, слѣдовательно, ихъ нельзя и брать здѣсь во вниманіе. Но совершенно согласенъ съ Вами касательно мнѣнія Вашего объ языкѣ Загребскихъ хорватовъ, какъ нарѣчіи языка Словенскаго. Вотъ что правда, то ужь не грѣхъ, святая, непрерѣкаемая правда, хотя и здѣсь на языкъ ихъ письменный смотрю больше, какъ на письменный, а не на какой-то jargon, какъ вы говорите. Такова ужъ участь всякаго народа, что лишь только языкъ его попадаетъ въ книги, (sic) тотчасъ становится какою-то смѣсью, больше, меньше принимаетъ въ себя чужаго, будетъ ли то совершенно чужое, или же родственное; назовите это, какъ хотите, смѣсью, или jargon; но положеніе остается положеніемъ. Вся разница въ томъ, что одинъ языкъ больше проникнутъ такой смѣсью, а другой меньше, смотря потому, какъ давно и много онъ обрабатывается, соприкасался съ чуждымъ ему и такъ далѣе. Такимъ точно считаю я и нынѣшній письменный языкъ хорватовъ Загребскихъ. Народъ, конечно, довольно отлично говоритъ отъ него, но все же говоръ его ближе всего подходитъ къ этому, а не другому языку, какъ говоръ Штаерца, Краинца, и т. д., къ языку его письменныхъ книгъ. Извините меня за мое откровенное сообщеніе Вамъ своихъ мнѣній объ этомъ предметѣ. Въ дѣлѣ нашемъ, въ дѣлѣ славянскаго языкознанія и народовѣдѣнія, должно быть сколько можно больше общительности и обмѣна мыслями, взаимности, обосторонняго поученія. Что нужды до того, что моя, Ваша, или чья-бы то ни было мысль задушевная, должна разлетѣться отъ этого въ прахъ: по дѣломъ! Значитъ, она была зиждѣта (sic!) на песку, а не на плодоносной почвѣ, «И пріидоша вѣтры, повѣяша и ее небѣ! (sic)» Тѣмъ лучше съ тою, которая вытерпитъ это чистилище, пройдетъ сквозь всѣ мытарства разныхъ сужденій, толкованій, изслѣдованій, сомнѣній, отверженій, отстоянія, и т. далѣе. Но, думаю, объ этомъ на сю пору довольно, предовольно. Поговоримъ еще кое о чемъ другомъ, не меньше близкомъ къ нашему сердцу.

Прежде всего примите опять мою горячую благодарность за надоумленіе г. Жупана отправить мнѣ Хорватскія книги въ Прагу, откуда я уже въ свое время легко могу получить. Онъ самъ писалъ мнѣ на дняхъ о томъ,

извѣщая, что выслалъ ихъ на 73 золотыхъ серебромъ и 32 х: [1]) поблагодарите его нижайше за такую услужливость, и просите впередъ быть столько же охотнымъ на это. Деньги за свои книги онъ получитъ въ свою пору отъ того Пражскаго книгопродавца, на имя котораго ихъ выслалъ. Книги эти я во второй уже разъ покупаю себѣ у него: въ первой купилъ въ свою бытность въ Загребѣ, но, благодаря услужливости Вашего Гая, котораго такъ настойчиво молилъ отправить ихъ въ Прагу на имя Шафарика, по сю пору не получалъ, да и не надѣюсь уже получить. Онъ (Гай) отправилъ ихъ какъ-то такъ хитро и искусно, что онѣ засѣли, какъ ракъ на мели, въ Вѣнской таможнѣ, и вотъ уже больше 4-хъ лѣтъ сидятъ въ ней. Напрасно Шафарикъ искалъ ихъ всюду; наконецъ, какъ то доискался, и, однако же, ни просьбы, ни угрозы, ничто не помогаетъ выручкѣ ихъ; не даютъ, да и концы въ воду! Нечего сказать: удружилъ на славу Людевитъ, спасибо ему!... знаетъ свое дѣло!...

Изъ сочиненій, изданныхъ у Васъ, я ничего не читалъ съ самаго времени отъѣзда моего изъ Загреба, или лучше изъ заграницы, кромѣ двухъ книжекъ Кола, самъ не вѣдаю, какъ попавшихъ ко мнѣ сюда изъ Липска въ нѣмецкомъ хламѣ. Прекрасныя статьи въ немъ, особенно языкоизслѣдовательныя. Дай, Богъ, Вамъ силъ и успѣха для продолженія его? Самъ не знаю, отъ чего-бы кому-либо изъ Вашихъ книжниковъ или даже читальницѣ, не посылать, по крайности, нововыходящихъ твореній въ Прагу, откуда бы уже и къ намъ легко могли доспѣть, потому что у насъ теперь съ Прагой—самое живое сообщеніе, непрерывающееся даже и зимой. А то, вѣрите ли, что вотъ два года, какъ записался и я, и Московскій университетъ на Даницу, а ее нѣтъ, какъ нѣтъ!.. Таже сама пѣсня съ Сербскими (въ Пештѣ, Будимѣ, Новомъ Садѣ и Бѣлградѣ) журналами и книгами; а еще дивнѣе, съ Галицкими. Одни лишь Чехы доступны намъ, да прочее лежащее за Вашею царевиною.

Съ нетерпѣніемъ стану ждать своевременнаго появленія Вашихъ произведеній. Читаю, не начитаюсь Вашихъ Дюлабій, за присылку коихъ (еще, въ 1841-мъ, помнится, году) благодарю васъ душевно. Это единственное въ своемъ родѣ. Увѣренъ, что послѣдующія части ихъ будутъ равнаго достоинства, равно прелестны. Но «Гласовъ изъ Жеравинской Дубравы» по сю пору не слыхалъ: вѣрно за далью? Больше же всего занимаютъ меня, какъ вы знаете, народные гласы; вѣрьте едва ли кто изъ славянъ такъ пламенно ждетъ ихъ, какъ я. Не одно лишь то, что они нужны мнѣ для моей затѣи; нѣтъ, нѣтъ! ихъ я ждалъ и тогда также горячо, какъ и помину не было въ головѣ моей объ этой затѣѣ. Затѣя моя есть только послѣдствіе этого

[1]) X—крейцеры.

нетерпѣнія, влюбленности въ нихъ. Любопытенъ читать Краледворскую рукопись въ сербскихъ алинахъ [1]): поздравляю! Поляки пріодѣли ее давно уже въ свой кунтушъ; Лужичане вмѣстѣ съ вами сшили ей свою драсту [2]) по крайней мѣрѣ Смоляръ, подобно вамъ, пишетъ ко мнѣ, что онъ тоже недавно окончилъ ее переводомъ на свой языкъ. Малоруссы только пытались нарядить ее въ свою одежу: иной подарилъ ей юпочку, другой плахточку, третій... право ужъ не помню во что. Великорусы, чуть ли не обогнали всѣхъ Васъ, потому что покойной Шишковъ пріодѣлъ ее въ сарафанъ лѣтъ тому двадцать (смотр. Труды Русск. Академіи); жаль только, что сарафанъ скроенъ имъ не съ чешскихъ шатъ [3]), а по всему съ нѣмецкаго Oberkleid. Придетъ время, и мы приукрасимъ ее съ первыхъ рукъ по свойски, на славу, безъ посредничества. Но для того, надо, больше познакомиться съ словянщиною, чѣмъ теперь; не то, выйдетъ ни рыба, ни мясо...

Въ прошломъ году послалъ я Вамъ чрезъ Шафарика свое сочиненіе «О народной поэзіи Славянскихъ племенъ», и еще что-то, не помню хорошенько; все съ надписью. Дивлюсь, какъ это случилось, что Вы ихъ доселѣ не получили отъ него. Несмотря на то шлю теперь Вамъ его вторично, тѣмъ же самымъ путемъ, потому что другаго нѣтъ, или мнѣ неизвѣстенъ. Что будетъ—будетъ; авось добредетъ къ Вамъ кое какъ. Тутъ же прилагаю Вамъ еще слѣдующее: 1) Сахарова Пѣсьни Рускаго народа. Спб. пять частой; 2) Хомякова Трагедіи: а) Дмитрій Самозванецъ и б) Ермакъ М. в) к. II (его)—стихотворенія М. 1844. 3) Шевченка: а) Тризна; б) Гамалѣя; 4) Матырынкы Наськи украинскы казкы; 5) Гоголя: а) Арабески. Часть 1-я, б) Миргородъ. Часть 2-я, Обѣ неполныя; самъ не знаю, гдѣ онѣ мнѣ затерялись; но отыскавъ перешлю послѣ или же гдѣ-нибудь подберу. Полнаго экземпляра сочиненій его не могу теперь послать, потому что онъ чрезвычайно дорогъ, а, между тѣмъ я его достану даромъ отъ Шевырева, какъ скоро онъ воротится изъ дачи: онъ завѣдываетъ, по волѣ Гоголя, всѣмъ изданіемъ его. Что до Москвитянина, то и его не въ состояніи нынче переслать Вамъ, потому что Погодинъ лежитъ, вотъ уже третій мѣсяцъ, больной въ постели; но увѣренъ, что онъ не откажетъ Вамъ въ немъ.

Съ боку къ стр. 8 приписка: Читальницѣ вашей тоже посылаю отъ себя нѣсколько книгъ въ даръ.

Прим. Подписи и окончанія письма нѣтъ. Нужно думать, что былъ еще какой либо листочекъ. Письмо писано на двухъ листахъ: первый маленькій, второй обычный письменный почтовый листъ.

---

[1]) Платье. П. К.
[2]) Драста—платье—по лужицки. П. К.
[3]) Шаты—платье по польски; шатъ, шата—по чешски. П. К.

ОТДѢЛЪ II.

Еврейско-Нѣмецкія слова въ русскихъ нарѣчіяхъ.

Въ русскихъ нарѣчіяхъ, въ особенности въ Бѣлорусскихъ говорахъ, вкоренилось небольшое количество словъ, заимствованныхъ изъ Еврейско-Нѣмецкаго языка, и нѣкоторыя изъ нихъ успѣли проникнуть даже въ Русскій (и Польскій) литературный языкъ. Настоящая работа имѣетъ цѣлью представить всѣ такія слова, находящіяся въ слѣдующихъ словаряхъ:

И. И. Носовичъ. Словарь Бѣлорусскаго нарѣчія, С.-Петербургъ, 1870.

Є. Желеховский і С. Недїльский, Малоруско-Нїмецкий Словар, Львів. 1886.

M. S. B. Linde, Słownik języka Polskiego, Lwów, 1854—60.

В. Даль, Толковый Словарь Живаго Велико-Русскаго Языка. Второе изданіе [1]).

Еврейско-Нѣмецкій языкъ развился изъ восточно-франконскаго, и отчасти болѣе южнаго, нѣмецкаго діалекта среднихъ вѣковъ при помощи Еврейскаго языка, изъ котораго онъ заимствовалъ большое количество словъ, относящихся къ религіи, философіи, наукѣ, и означающихъ вообще отвлеченныя понятія. На Русской почвѣ въ составъ его вошло много русскихъ и польскихъ словъ, которыя вмѣстѣ съ нѣкоторыми синтактическими и фонетическими особенностями славянскихъ нарѣчій, опредѣлили его настоящую форму, извѣстную у самихъ Русскихъ Евреевъ подъ именемъ жаргона.

Слова, заимствованныя Русскими и Поляками отъ Евреевъ, первоначально происходятъ изъ Нѣмецкаго и Еврейскаго языковъ. Я считаю Еврейско-Нѣмецкими только такія слова, которыя представляютъ отличительныя Еврейско-Нѣмецкія черты, а именно: Средне-Нѣмецкое *u* удержалось передъ носовымъ согласнымъ и не перешло въ *o*, напр.: genumen вмѣсто genommen; *ei* и *î* перешли въ соотвѣтствующія сочетанія *ej* и *aj* (*ei* и *ai*), а не слились въ одинъ дифтонгъ *ei*, какъ въ нѣмецкомъ, напр.: wejs, знаю и wajs, бѣлый; *ch* остается гортаннымъ во всѣхъ положеніяхъ.

По этимъ признакамъ очевидно, что слова куммъ-геръ, шлэеръ, шлэхъ заимствованы прямо отъ Евреевъ. Безъ сомнѣнія много другихъ нѣмецкихъ словъ въ русскихъ нарѣчіяхъ перешло въ нихъ при посредствѣ Евреевъ; но такъ какъ они отличительныхъ признаковъ не имѣютъ, то является необходимымъ болѣе подробное изслѣдованіе, чтобы установить ихъ происхожденіе. Въ Польскомъ языкѣ (а затѣмъ и въ Бѣлорусскомъ и Малорусскомъ) находятся слова zegar, ceber, въ жаргонѣ sejger, zuber (zeber). Здѣсь трудно опредѣлить, кто отъ кого заимствовалъ и не заимствовали ли оба прямо изъ средне-Нѣмецкаго saegare, zuber.

---

[1]) Къ сожалѣнію я пользовался этимъ словаремъ очень короткое время, такъ что не былъ въ состояніи провѣрить много словъ.

Въ нѣкоторыхъ случаяхъ Евр.-Нѣмецкое происхожденіе слова помогаетъ намъ опредѣлить морфологическій составъ. Жаргонъ развилъ окончанія множественнаго числа уменьшительныхъ словъ lich, lach, по всей вѣроятности изъ *l*(*li*) нѣмецкаго юга + коллективное ach (напр. dornach, Wolfram von Eschenbach VI, 211); по этому креплики, развившееся изъ Kreplich, есть слово Евр.-Нѣмецкое. Кромѣ того значеніе слова часто помогаетъ узнать, откуда оно взято; если въ русскихъ нарѣчіяхъ оно имѣетъ то же значеніе, что и въ Евр.-Нѣмецкомъ, и это значеніе не свойственно Нѣмецкому, или оно обозначаетъ Еврейскій обрядъ, обычай и т. п., то мы опять можемъ вѣрно судить о его происхожденіи.

Слова съ Еврейской основой не представляютъ никакихъ трудностей. Тутъ только надо различать между такими, которыя прямо заимствованы отъ Евреевъ, и такими, которыя переняты отъ Нѣмцевъ въ государственныхъ документахъ. Послѣднія можно узнать по португальскому произношенію; къ нимъ принадлежатъ: раввинъ, кагалъ. Объ остальныхъ словахъ можно судить только по такъ называемому польскому произношенію, которое употребляли и употребляютъ въ послѣдніе четыре вѣка Русскіе Евреи. Подъ Еврейскимъ языкомъ надо понимать Еврейскій языкъ среднихъ вѣковъ; въ составъ его входитъ халдейскій языкъ. Вездѣ гдѣ только я употребляю терминъ «Еврейскій языкъ», надо понимать подъ нимъ именно этотъ Ново-Еврейскій языкъ.

Еврейско-Нѣмецкія слова въ Русскихъ нарѣчіяхъ можно раздѣлить на слѣдующія группы:

1) Еврейская пища: боксаръ, креплики, кугель, маца, фарфоли, хала, цымусъ; за исключеніемъ халы и мацы остальныя кушанья имѣли то же названіе у западныхъ нѣмцевъ среднихъ вѣковъ и отчасти еще имѣютъ въ Баваріи и другихъ западныхъ странахъ Германіи.

2) Еврейскія занятія и должности: балабосъ, балагула, бахуръ, гиморникъ, раввинъ.

3) Еврейскіе праздники и обряды: Гаманъ, Каббала, кошерный, лихтаръ, пэйсахъ, пэйсъ, талесы, трефъ, хамецъ, шабашъ, шлэеръ.

4) Торговый бытъ: дабара, махиръ, ребохи, шахлевацъ, ховрусъ, шахровать.

5) Бранныя и ласкательныя слова: агундеръ, бенёха, бэйзехалэймусъ, фанаберія, шамберъ.

6) Бѣдность, страданіе, несчастіе: далусъ, капцанъ, слимазарникъ.

Теперь перейдемъ къ каждому слову въ отдѣльности.

Агу̂ндеръ.

Агу̂ндеръ, бранное слово. Собачій сынъ. Обшарпавсѧ, якъ агундеръ! Повели агундера въ становъ. Носовичъ 2.

Цугундеръ (заимствовано изъ Евр.-Нѣмецк. Zu Hunden, къ собакамъ). 1) Бездѣльникъ, плутъ. Добрѣ былобъ, колибъ цугундера гетаго въ некруты приняли. Жидъ— цугундеръ, ему нечего вѣрицъ. 2) Строгое взысканіе, кандалы, цѣпь. Узяли, повели на цугундеръ. ib. 690.

Такъ какъ въ Евр.-Нѣмецк. выраженія Zu Hunden нѣтъ, то и цугундеръ не можетъ быть Евр.-Нѣмецк. происхожденія. Это вѣрнѣе нѣмецкое Zu Hunden, передѣланное на ладъ перваго слова. Агундеръ, напротивъ, есть Евр.-Нѣмецкое a hund, a hund der, выражающее тоже что и въ Бѣлорусскомъ.

Балабо́съ.

Балабосъ. Еврей—хозяинъ дома. Позови балабоса. Носовичъ 13. Балабоска. Еврейка—хозяйка дома. Балабоска твоя казала. ib.

Балабосъ въ Евр.-Нѣмецкомъ значитъ тоже самое и происходитъ изъ Еврейскаго בַּעַל הַבַּיִת. Не того же ли происхожденія Бѣлорусскія бранныя слова б а л б ó с ъ и б а л б ѣ с ъ и Русское б а л б е с ъ? Если такъ, то въ нихъ видно стремленіе къ народной этимологіи, какъ будто бы старающееся съ одной стороны указать на б а л о в а т ь, б а л в а н ъ и т. п., а съ другой на б ѣ с ъ. Во всякомъ случаѣ Даль смотритъ съ сомнѣніемъ на русское происхожденіе слова б а л б е с ъ, ибо мы находимъ у него: Б а л б е с ъ (баловѣсъ?) болванъ, повѣса, рослый, неуклюжій невѣжа. Б а л б е с и т ь, б а л б е с н и ч а т ь, повѣсничать, шататься безъ дѣла и дурить.

Б а л б е ш к а, чурбашекъ, чурка, болвашекъ; об. дуракъ. (Т. I. 43). Переходъ ко всѣмъ этимъ значеніямъ облегчается при посредствѣ значенія ш а т а т ь с я б е з ъ д ѣ л а.

Балагýла.

Б а л а г ý л а m., jüdescher: 1) Reisewagen; 2) Fuhrmann. Желеховскій I, 11.

Въ Евр.-Нѣмецк. balagóle, изъ Евр. בַּעַל עֲגָלָה, значитъ извощикъ. На югѣ Евреи произносятъ ударенное *о* какъ *у*.

Бахуръ.

Б á х у р ъ. 1) Волокита, любовникъ. Бахура къ себѣ принимаець. 2) Толстобрюхій, Выкормивъ якого бахура. 3) Свиной некладеный самецъ. 4) Молодой Еврей, впрочемъ женатый, который посвятилъ себя единственно изученію талмуда и, ничѣмъ не занимаясь, сидитъ только за книгою, готовясь быть учителемъ Еврейскимъ. Носовичъ 17.

Б á х у р к а, дѣвица или женщина, предавшаяся разврату. ib. Кромѣ того, Носовичъ даетъ б а х у р о в á ц ь, б á х у р о к ъ, б á х у р с т в о съ соотвѣтствующими значеніями.

Б á х у р Kind; 2) uneheliches Kind; 3) Buhler, Geck; 4) Landstreicher. Желеховскій I, 15. Б á х у р к а, Buhle, Maitresse. ib. Б а х у р у в á т и, sich herumtreiben, herumstreichen. ib.

Bachur. I. Bachurek, I. demin. z Hebr. בחור=młodzik, pacholę, ein junger Kerl... (Boh. et Slov. bachor = brzuch, brzuchacz, kiszka gruba pękata) mały żydek, zydowię, żydzię, ein judenjunge, młody kiernoz, stadnik, ogierek, ein junger Eber., Beschäler, Hengst, Bulle. Bachurowaty, brzuchaty, pękaty, baniasty. Linde I, 41.

Во многихъ нѣмецкихъ говорахъ [1]) находится слово bacher (bocher, bager) со значеніемъ м о л о д о й ч е л о в ѣ к ъ, у ч и т е л ь. Оно перенято отъ Евреевъ, у которыхъ bocher (изъ Евр. בָּחוּר) значитъ м о л о д о й ч е л о в ѣ к ъ, м а л ь ч и к ъ, въ особенности, з а н и м а ю щ і й с я и з у ч е н і е м ъ т а л м у д а. Форма бахуръ и пр. объясняется изъ множественнаго числа этого слова bachurim (изъ Евр. בַּחוּרִים) Изъ этого легко развились и другія значенія слова. У Даля находится небольшое количество областныхъ словъ, которыя, какъ я подозрѣваю, происходятъ отъ этого же Евр.-Нѣмецкаго слова, можетъ быть при посредствѣ польскаго или бѣлорусскаго.

Б а х ó р и т ь нвг., влгд., ниж., вят. болтать бесѣдовать, разговаривать, гуторить, говорить лишнее, бохвалить. Б а х а р ь, б а х и р ь и б а х а(у)р к а ж. б а х ó р а,

---

[1]) Cf. American Journal of Philology. № 56.

бахбря об. говорунъ, краснобай, разсказчикъ, сказочникъ, хвастунъ, бахвалъ... бахорливый, бесѣдливый, привѣтливый, словоохотный. Даль I, 57 [1]).

Бенёха.

Бенёха. 1) нянька, балующая ребенка. 2) Общ. несходящее съ рукъ дитя. Давъ Богъ бенёху, все цацкаецца, да бенехаецца съ малымъ. Бенёханне: 1) Няньченье дитяти. 2) Баловная игра съ какою-либо вещью. 3) Медленное занятіе чѣмъ-либо. До вечера будзецъ гето бенеханне. Бенёхи, Шалости, баловное обращеніе съ кѣмъ или съ чѣмъ-либо. Бенёхи не доведуць до добра. Носовичъ 25. Кромѣ того бенёхаць, бенёхацьца, бенёшка. При бенёхаць Носовичъ задаетъ вопросъ: не отъ Еврейскаго ли ben сынъ?

У Евреевъ benjochid (изъ Евр. בֵּן יָחִיד) значитъ единственный сынъ; такъ какъ единственное дитя, въ особенности у Евреевъ, разбаловано, то это слово употребляется даже у нихъ въ смыслѣ разбалованнаго ребенка. Отсюда развились въ Бѣлорусскомъ и другія значенія.

Боксаръ.

Бóксаръ. Сладкіе стручки. Горѣлка съ боксаромъ. Носовичъ 29.

Евр.-Нѣмецкое bokser, съ тѣмъ-же значеніемъ, происходитъ изъ нѣмецкаго bockshorn: ceratonia siliqua, johannisbrot, weil der Täufer die schoten dieses Krauts (bockshorn, trigonella foenum graecum, gr. αἰγόκερας, wegen des bockzenden geruches der blätter) in der wüste gegessen haben soll. Grimm. Deutsches Wörterbuch II, 208.

Бэйзехалэймусъ.

Бэйзехалэймусъ. Заимствовано отъ Евреевъ. Бѣда, говорится съ угрозою. Будзець намъ бэйзехалэймусъ. Носовичъ 41.

Изъ Евр.-Нѣмецкаго bejse chalejmes (Нѣм. böse + Евр. חֲלוֹמוֹת), злые сны; употребляется какъ ругательное слово въ слѣдующемъ предложеніи: ale bejse chalejmes ouf dajn Kop, пусть тебѣ снятся всѣ злые сны.

Гаманъ.

Гаманъ (отъ собственнаго имени Амманъ). 1) Презрѣнный человѣкъ. Уси кричаць на его, якъ на гамана. Напали, якъ на гамана якого. 2) Злый. Попадаись тольки въ руки гаману гетому. Носовичъ 108

Гáман, jüdisches Hamansfest; 2) die Person, welche den Juden bei dem Feste angeblich als Gegenstand des Spottes und der Misshandlung dient Желеховский I, 136.

Гаманувáти. ymdu so arg schlagen u. misshandeln wie es die Juden angeblich dem Гаман thun, ib.

Гамáнщик, Beutelschneider, Taschendieb. ib.

---

[1]) Догадка эта не имѣетъ достаточнаго основанія. Бáхарь есть такое же образованіе отъ корня ба (баять, басня), какъ жúхарь (отъ корня жи-), знáхарь (корень зна-) и т. д. С. Буличъ.

Гама́н. lederne Geldbörse; Beutel, Sack zum Aufbewahren des Feuerzeuges. ib.

Въ мартѣ мѣсяцѣ Евреи празднуютъ пуримъ, т. е. освобожденіе отъ ига Гамана. Въ этотъ день дѣти бьютъ палками о землю, т. е. «бьютъ Гамана», вертятъ вертела и кричатъ, какъ будто-бы насмѣхаясь надъ Гаманомъ. На этомъ-же праздникѣ Еврейки пекутъ особаго рода трехугольные пироги съ макомъ, такъ называемые карманы Гамана (Homentaschen). Изъ послѣдняго очевидно происходитъ значеніе малорусскаго гама́н; а изъ цѣлаго понятія развилось и слово гаманщик, по аналогіи съ карманщикъ. Евреи произносятъ это слово homen, но библейское Гаманъ, Аманъ удержалось въ Русскихъ нарѣчіяхъ.

Гой.

Гой, eitler Tropf, Trottel. Желеховскій 1, 169.

Изъ Евр.-Нѣмецк. goj, христіанинъ, крестьянинъ, мужикъ. Въ Евр. גוֹי значитъ народъ.

Дабара.

Даба́ра (Евр. dabar—слово). Пустословъ, разсказщикъ дребедени. Не переслухаешъ дабару гетаго. Носовичъ, 126.

Дабарицъ, Пустословить. Ты дабаришъ, а мнѣ некoли. ib.

Въ Евр.-Нѣмецк. этого слова нѣтъ. Еврейскіе купцы иногда употребляютъ чисто Еврейскія слова, для того чтобы знающіе нѣмецкій языкъ не поняли ихъ разговора; между этими словами находится daber דַבֵּר, говори, разскажи безсмыслицу.

Далусъ.

Далу́с. 1) Unordnung 2) Elend. Желеховскій.

Это слово перенято многими нѣмецкими нарѣчіями изъ Евр.-Нѣмецк. dáles (изъ Евр. דַלּוּת), нищета.

Каббала.

Кабала́. Безпокойство, хлопоты. Взявъ кабалу на свою голову 2) Головоломное дѣло. Кинь ты гету кабалу, не ломай головы своей. 3) Обманъ, вздоръ, пустяки. Атъ все гето кабала. Носовичъ 226.

Каба́ла. Kabbala. Wahrsagen aus Spielkarten; кла́сти каба́ли. Karten aufschlagen. Желеховскій.

Кабала́. Verschreibung zum Leibeigenen; кабальной, leibeigen. ib.

Кабалярка. Kartenaufschlägerin. ib.

У Linde мы находимъ Kabała, Kabalicki, Kabalnij, Kabalista, Kabałować съ соотвѣтствующими значеніями; перепишемъ только слѣдующее: Ross. et Eccl. Кабала, заемная запись, cyrograf, skrypt; urzędowe zaswiadczenie własności; Eccl. Закабалити, podbić sobie kogo, niewolnikiem go robić; Ross. Кабальный, cyrografowy, spisowy, tabularny; niewolniczy. Linde II, 283.

Это слово перенято непосредственно изъ Еврейскаго языка среднихъ вѣковъ, что уже видно изъ самого произношенія слова. Русскіе Евреи произносятъ его кабóла, изъ Евр. קַבָּלָה у нихъ оно имѣетъ только значеніе мистическаго толкованія теологіи.

Кагалъ.

К а г а̀ л ъ. 1) Еврейское духовное общество, судилище. Нехай васъ кагалъ разсудзиць. 2) Еврейская школа. Якъ въ кагалѣ ничого не чутно за вашимъ крикомъ. 3) Толпа вообще. Тамъ цѣлый кагалъ ихъ собрався. Носовичъ 227.

К а г а̀ л о м ъ. Толпою. Нуце кагаломъ здзѣлаемъ. Вошли кагаломъ и бацька зъ жигаломъ. ib.

К а г а̀ л ь н ы й, принадлежащій Еврейскому обществу. Еврейско-общественный... Членъ Еврейскаго общества. ib.

К а г а́ л, Kahal (jüdisches Consistorium); кагальный, vom кагал. Желеховскій I, 322.

К а г а́ л и т и с я, sich in lärmenden Haufen ansammeln. ib.

Первоначально קָהָל (въ Евр.-Нѣмецк. K o h o l или K o l) значитъ **м н о ж е с т в о, с о б р а н і е л ю д е й**; затѣмъ **ч л е н ы о б щ е с т в а**. Въ Россіи значеніе этого слова рано ограничилось и употреблялось для обозначенія тѣхъ главныхъ членовъ Еврейскаго общества, которые передъ государствомъ отвѣчали за цѣлое общество. С. А. Бершадскій въ своей отличной книгѣ «Литовскіе Евреи» даетъ исторію развитія кагальнаго устройства въ Россіи. Португальское произношеніе (кагалъ, kahał) свидѣтельствуетъ о раннемъ употребленіи этого слова.

Капцанъ.

К а п ц а̀ н ъ. Оборванецъ, особенно жидъ; слово бранное. Капцаны ополонили. Чѐго гетый капцанъ привязався къ намъ. Вздайце гетому капцану хорошенько. Носовичъ 229.

К а п ц а̀ н ы. Лохмотья, оборванная одежда. Капцаны свое разложивъ. Ходзиць въ капцанахъ. Жидовскіе капцаны. ib.

К а п ц а́ н, ein Verarmter, Herabgekommener. Желеховскій I, 334.

К а п ц а н ї т и, verarmen, herunterkommen. ib.

K a p s o n, podupadły, zubożały, spuścił na kwintę, ein arm gewordener; der herabgekommen ist und die Courage verloren hat. [Etym. Kapieć=ubożeć].

K a p s o n i e ć, s k a p s o n i e ć, podupadać, ubożeć, spuszczać z basu na kwintę, verarmen, herunterkommen, den Ton sinken lassen, die Flügel hängen lassen (Linde).

Въ Евр.-Нѣмецк. K a b z e n обозначаетъ собирающаго милостыню, а затѣмъ, бѣдняка (קַבְּצָן отъ קָבַץ собирать).

Кгиморы.

К г и м о р ы, заимствовано отъ Евреевъ. Хитрость, мудрованіе. Ты ўсе берешъ на кгиморы. Кгиморами своими спорцивъ дзѣло. Носовичъ 233.

К г и м о́ р н и к ъ, употр. Евреями: Хитрецъ. А! Кгиморникъ собацый сынъ. ib.

Изъ Еврейскаго גְּמָרָא (Евр.-Нѣм. g e m o r e), часть Талмуда, содержащая комментаріи и т. п., написанная послѣ Мишна.

Кошерный.

К о ш е р ъ, Евр. 1) Каждая вещь у жидовъ подлежиць кошеру. 2) Самая вещь, позволенная Евреямъ въ пищу. Передъ скоцины у жидовъ кошеръ, а задъ трефъ. Носовичъ 250.

Кошерный (Евр.). Чистый, очищенный. Кошерный медъ. Кошерное мясо. ib.

Кошерний, Koscher. Желеховскій I, 373.

Koszerny... należyty bez nagany, ohne Fehler, ohne Mängel... **Koszerne**, prawo bicia chyli rzezi koszernéj, das Koscherrecht. Linde II, 461.

Изъ Евр. כָּשֵׁר, годный къ употребленію въ пищу, или вообще, вещь позволительная.

Крéплики.

Крéплики. Mehltäschchen mit fein gebackten Schwämmen od. mit Zwetschken, Sauerkraut etc. gefüllt zum борщ. Желеховскій I, 377.

Krepel, **Kreple** może z Niem. Krapfen, Krapfkuchen, Lat. med. crappus... Kreple są ciasła smażone. Linde II, 490.

Изъ Евр.-Нѣмецк. Kreplich, которое въ свою очередь взято изъ нѣмецкаго Krapfen. У Евреевъ эта пища состоитъ изъ малыхъ треугольныхъ пирожковъ, наполненныхъ мясомъ, иногда и творогомъ, грибами и т. п.

Das gebäck spielte eine grosze rolle in alterzeit, hauptsächlich als fastengebäck, wie noch jetzt hauptsächlich in katholischen landen etc. Grimm V, 2063 ff.

Кугель.

Кýкгель. Еврейское пирожное, приготовляемое къ субботѣ. Кукгеля зъ мясомъ ци не хочешъ. Не кукгелемъ жидовскимъ цебе кормицъ. Носовичъ 268.

Гугель (съ тѣмъ-же значеніемъ). ib. 124.

Гýгель, Gugelhupf. Желеховскій I, 170.

Кугль или кýгли, любимое жидовское блюдо: лапша съ гусинымъ или овечьимъ саломъ. Даль II 214.

Евр.-Нѣмецк. **Kugel** имѣетъ то-же значеніе, что нѣмецкое **Gugelhupf** изъ котораго оно сокращено. **Gogelhopf**, **Gugelhupf**: a) auf dem Lande: Backwerk aus so genanntem Nudelmehl, mit Sauerteig gegohren; b) in Städten und Märkten: Backwerk von weissem, mit Hefen gegohrenem Mehlteig, welcher in einer mit Butter, Schmalz u. drgl. bestrichenen Form von Thon oder Blech gebacken wird. Schmeller, Bayerisches Wörterbuch, (1872), I, 880.

Кумъ-гéръ.

Кумъ-гéръ. межд. означающее зовъ или шуточное приглашеніе къ чему. Пожалуй приходи. Заимствовано отъ Евреевъ съ Нѣмецкаго Kommen Sie her. Кумъгеръ сюды. Кумъ-геръ на клёцки. Носовичъ 269.

Не съ Нѣмецк. **Kommen Sie her**, а съ Евр.-Нѣмецк. **Kumher** съ тѣмъ-же значеніемъ.

Лихтàръ.

Лихтáръ. Подсвѣчникъ. Лихтаръ жидовскій укравъ. Носовичъ 269.

Лихтáрный, принадлежащій къ подсвѣчнику, подсвѣчный. Лихтарный вершокъ. ib.

Лихтáрня (Нѣм. Licht—свѣча). Фонарь. Лихтарня погасла.

Lichtarz z Niem. **Lichtarzyk**. der Leuchter; **lichtarzowy**, od lichtarza, Leuchter. Linde II, 634.

По всей вѣроятности съ Евр.-Нѣмецк. **lichter** съ тѣмъ-же значеніемъ.

Luchter, **lichter**, **lucerna**, Dief. Grimm VI, 833.

Махиръ.

Máхиръ, обманщикъ, плутъ. Видали мы такихъ махировъ много. Носовичъ 282.

Махирскiй, Плутовскiй. Махирскiй взглядъ. Махирская ухватка. ib.

Máхирнць, плутовать, врать. Досиць тобѣ махирипць, возьмись жиць хорошо. ib.

Махля̀р, Betrüger, Gauner, Schwindler. Махля̀рка, — Желеховскiй I, 431.

Махля̀рство, Betrügerei, Gaunerei, ib.

Махлювати, schwindeln, betrügen. ib. 430.

Machlanina, machlarstwo, szalbierstwo, Betrügerey, Kaupeley, Schelmerey... Machlarka, machlerka, szalbierka, die Betrügeriun. Machlarski, Machlarstwo Machlerstwo... Machlarz, Machlerz Ross. маклеръ; z Niem. der Mäkler, der Unterhändler der Kaufleute, der Sensal... Machlować, szalbierować, falszować, mieszać rzeczy i sprawy, Durchsteckereyen machen, Unterschleif machen, hintergehen, betrügen. Linde III, 15.

Въ Евр.-Нѣмецк. macher (съ Нѣмецк. machen) значитъ фактотумъ, дѣятель. Изъ этого развилось значенiе плутъ въ Бѣлорусскомъ. Въ польскомъ языкѣ это слово, очевидно подъ влiянiемъ нѣмецкаго Mäkler, превратилось въ machlarz и т. п.; отсюда оно перешло въ Малорусскiй и Бѣлорусскiй говоры; и такъ мы находимъ въ Бѣлорусск.: Махля̀ръ, махлеванне, махлеватый, махлевацъ, махлёвка (Носовичъ 282) съ соотвѣтствующими значенiями.

Маца.

Мăцá. Еврейскiе опрѣснокп, приготовляемые къ Еврейск. празднику опрѣсноковъ. Жиды мацу пекуць. Сковородники твое тонки якъ жидовская мáца. Носовичъ 283.

Мàца, Osterkuchen der juden. Желеховскiй I, 431.

Máca żydowska, chleb żydowski, ciasto żydowskie, jüdischer Kuchen. Linde III, 13.

Евр.-Нѣмецк. maze изъ Евр. מַצָּה съ тѣмъ-же значенiемъ, какъ въ Бѣлорусскомъ и Малорусскомъ [1]).

Пэйсахъ.

Пэ́йсахъ. Еврейскiй праздникъ опрѣсноковъ. Въ самый пэйсахъ обокрали жида и пэйсаху не шановали. Жиды для пэйсаху мацу пекуць. Носовичъ 543.

Пэйсахóвый. Свойственный еврейскому празднику опрѣсноковъ. Пэйсаховая горѣлка. ib.

Пэ́йсашный. Во время праздника опрѣсноковъ употребляемый Евреями. Пэйсашныя ложки. Пэйсашная посуда, горѣлка. ib.

Пэйсахòвка. Водка, которую Евреи употребляютъ во время праздника, опрѣсноковъ. Пэйсаховкою почестовавъ мене. ib.

Пейсашный, vom jüdischen Pasachfest. Желеховскiй II, 607.

---

[1]) Въ Тюрингiи въ ходу Matzkuchen, нѣчто въ родѣ нашихъ ватрушекъ: плоское печенье, покрытое слоемъ творога и рѣжущееся четырехъугольными кусками. С. Буличъ.

Евр. פֶּסַח, пасхи, произносится pejsach [1]) у Евреевъ. Отсюда происходятъ всѣ выше данныя слова.

Пэйсъ.

Пэйсъ. Волоса на вискѣ, обыкновенно отпускаемые Евреями, пеcикъ. Пэйсъ твой выдзеру, подай мое гроши. Носовичъ. 543.

Пэйсы. 1) Тоже, что Пэйсаки. Пэйсы тобѣ за гетакое дзѣло оборву. 2) Вообще распущенные волосы, космы. Нашто ты дзѣвуля, распусцила свое пэйсы. ib.

Пэйсихъ, умен. слова Пэйсъ. Песикъ, длинный локонъ волосъ на вискахъ у Евреевъ. Пэйсики свое выпусцила съ подъ намётки. ib.

Пэ́йсахи. Волоса на вискахъ, которыхъ Евреи почти не стригутъ, песики. Пэйсихи выдзеру, коли че справдзишъ. ib.

Пейс, jüdische Haarlocken bei den Schläfen. Желеховскій II, 607.

Пейса́тый, пейса́ч, Jude mit пейси. ib.

Pejs, Pejsik, Pejsy, słowo żydowskie, kędzior policzkowy [rodzaj warkocza, eine Art Zopf], der Bakenbart. Lindi IV, 72.

Въ Евр. פֵּאָה, констр. פְּאַת, значитъ уголъ, волоса на вискахъ; отсюда Евр.-нѣм. pejes (какъ будто бы множественное число).

Раввинъ.

Ра́бинъ, Раввинъ (духовное лицо у Евреевъ). Пойдземъ до рабина, нехай тобѣ присягу дасць. Носовичъ 544.

Рабэй (Евр.). Раввинъ. Жиды во всемъ слухаюць своего рабэя. ib.

Ребе. Господинъ, заимствовано отъ Евреевъ и прикладывается къ имени Еврея. Ни къ ребе-Хаиму. Будзь ласковъ, ребе-Ицка, дай въ кредытъ соли. ib. 561.

Рабин, рабін, Rabbiner. Желеховскій II, 793.

Rabin, nauczyciel żydowski, ein jüdischer Rabiner. Linde V, 14.

Рабинъ заимствовано очень рано изъ нѣмецкаго, что можно заключить изъ того, что въ Русскомъ языкѣ оно имѣло время передѣлаться на раввинъ. Въ Евр.-нѣмецкомъ row (изъ Евр. רַב), означаетъ раввина, а rebe (изъ Евр. רַבִּי) значитъ учитель, раввинъ, господинъ, между тѣмъ какъ reb (сокращенное изъ Евр. רַבִּי) значитъ господинъ. Такимъ образомъ соотвѣтствующія Бѣлорусскія слова совсѣмъ вѣрно передаютъ Еврейскія значенія.

Ребохи.

Ребохи. Плутовскіе доходы. Нахватався ребоховъ. Ребохами не разживешся. Носовичъ 561.

Рабо́хомъ. Неправедная взятка, какъ бы грабежъ. Рабохомъ схвацивъ у мене, кабъ его за животъ хвацило. ib. 544.

Рейвах, Lärm, Geräusch. Желеховскій 799.

Рейвахувати, lärmen. ib.

На Евр.-нѣмецкомъ языкѣ rewach (изъ Евр. רֶוַח) значитъ прибыль, барышъ. Въ Бѣлоруссіи это слово передѣлано подъ вліяніемъ слова рабовникъ, грабитель; въ Малороссіи Евреи произносятъ rejwach, и въ этомъ видѣ мы находимъ это слово въ Малорусскомъ, но съ измѣненнымъ значеніемъ.

---

[1]) О произношеніи Еврейскаго Русскими Евреями см. Hebraica X, часть 3 и 4.

Слимазарникъ.

Слимазарникъ, букв. слиною запачканный мальчикъ. 1) Гадкій мальчуга. Куды ты лѣзишъ, слимазарникъ? 2) Пачкунъ, дурной ремесленникъ. Гдзѣ тобѣ слимазарнику гето здзѣлаць. Носовичъ 590.

Слимазарный, букв. слиною замазанный, запачканный. Малый, худой сложеніемъ. Слимазарное дзиця (болѣе употр. въ Виленской губерніи). ib.

Слимазàрненькій, худенькій, маленькій. Слимазарненкій якій твой хлопчикъ. ib.

Слимазýрицъ. 1) Марать, какъ бы слиною или возгрями. Не шіёшъ, а тольки слимазуришъ полотно. 2) Тереть въ рукахъ, медленно занимаясь. Досиць тобѣ слимазурицъ книжку. 3) Сов. заслимазурицъ. Пачкать. Досиць тобѣ заслимазурицъ шиццё. Заслимазурила полотно. ib. 591.

Слимазýрицьца. 1) Замасливаться, замарываться, особенно возгрями. Дзиця слимазурицца возгрями. 2) Медленно заниматься чѣмъ. Досиць тобѣ слимазурицьца коло гетой работы. ib.

Слимазýрникъ. 1) Замарашка, заслюнившійся мальчикъ. Оботри гетого слимазурника. 2) Плохой мастеровой. Слимазурникъ гетый не здзѣлаёцъ хорошо. ib.

Слимазýрница. 1) Заслюнившаяся дѣвочка. Оботри слимазурницу гету. 2) Малолѣтняя, еще не вышедшая изъ дѣтства. Слимазурницу гету еще не пора выдаваць за мужъ. 3) Плохая работница. Прочь слимазурница, ты тольки порцишъ работу. ib.

Слимазýрный. 1) Тоже, что слимазарный. Слимазурный хлопчикъ. Слимазурная дзѣвчонка. 2) Гадкій, нечистый, запачканный. Слимазурными руками берешся за бѣлизну. 3) Медлительный, мелочный. Слимáзурная работа. ib.

На Евр.-Нѣмецкомъ языкѣ schlimásel значитъ злая судьба, злой рокъ; негодяй, пройдоха. Это слово состоитъ изъ Нѣм. schlimm + Евр. masel (מַזָּל звѣзда, затѣмъ, счастіе); отсюда оно попало въ нѣмецкія нарѣчія въ видѣ schlammassel, schlammassen и, можетъ быть, Schlemihl. Русскіе Евреи передѣлали его на русскій (вѣрнѣе польскій) ладъ, присоединяя къ нему окончаніе никъ и передвигая удареніе на второй слогъ отъ конца, по аналогіи съ другими словами, оканчивающимися на alnik: schlimesálnik, вихляй, негодяй, пустодомъ; и женскаго рода: schlimesálnize пустодомка, замараха.

При переходѣ въ Бѣлорусскій, народная этимологія видѣла въ этомъ словѣ то слинакъ, слизень, то мазать, и передѣлала его на чисто Бѣлорусскій ладъ, слимазарникъ, и придала значенія, происходящія отъ этой мнимой этимологіи [1]). Слимазурникъ, съ своей стороны, объясняется дальнѣйшей дѣятельностію этой же этимологіи, видящей въ немъ: мазуръ. 1) Мазовшанинъ, Черноруссъ. Панъ нашъ Мазуръ, не по нашему говорицъ. 2) (отъ мазать) слово укорительное. Ходящій не мывшись съ замаранны̀мъ лицемъ и т. п. Носовичъ 277.

Талесы.

Тáлесы. Покрывало изъ тонкой шерстяной ткани, употребляемое Евреями во время богомоленія. Жидъ безъ талесовъ въ дорогу не поѣдзицъ. Носовичъ 632.

По Евр.-Нѣмецки tales, изъ Евр. טַלִּית таларъ, мантія.

---

[1]) Этого-же происхожденія польск. szlamazarny—вялый, флегматичный, лѣнивый.
С. Бумичъ.

Тахлеваць

Тахлеваць. Мотать, расточать. Ты, якъ видно, тахлюешъ грошиками.

Tachlować, mieniać, przemieniać, zamieniać, szachrować co za co, sztychować co za co, frymarczyć, kupić i odprzedawać; verschachern, vertauschen. Linde V, 637.

По Евр.-Нѣмецки **tachles**, изъ Евр. תַּכְלִית, значитъ, цѣль, экономія. Отсюда образованъ глаголъ **fortachlewen** (Нѣм. ver+Евр.-Нѣм. **tachlewen**), **промотать, растратить**. Въ польскомъ языкѣ, а затѣмъ въ Бѣлорусскомъ нарѣчіи, отброшенъ префиксъ, который чувствовался какъ нѣмецкій, и осталось **tachlewen, tachlewać**, имѣющее какъ разъ противоположное значеніе отъ **tachles**.

Трефъ.

Трефъ по Еврейскому закону запрещеніе употребленія чего какъ нечистаго. Свинни для жидовъ трефъ. У мене трефу ни на што нема. Носовичъ 639.

Тре́фный прил. и т. д. ib.

Траф alles Unreine (was die Juden nicht gebrauchen dürfen Желеховскій II, 980

Трафний unrein. ib.

Треф и **трефний**; ib. 982.

Евр.-Нѣмецкое **trejf** (изъ Евр. טְרֵפָה, вещь или животное, разорванное дикими звѣрями) **нечистый по закону**.

Фанаберія.

Хванаберъ. Фанфаронъ. Не чепайся съ хванаберомъ гетымъ. Носовичъ, 676.

Хванабе́рикъ умен. слова Хванаберъ. ib.

Хванабѐрка. Гордянка. ib.

Хванаберистый, хванаберливый и **хванабе́рный.** Чванливый, гордый, ib.

Хванабе́рія. Спесь, чванство. Збили ему троху хванаберію дурную. ib.
хванабе́рицьца. ib.

Фанабѐрия. Ziererei, Verstellung. Желеховскій, II, 1025.

Фанабе́рний, zierlich ib.

Фанаберія ж. Спесь, гордость, надменность.

Фанаберистъ,—тка, гордый родомъ или званіемъ. Даль IV, 547.

По Евр.-Нѣмецки **berje** (изъ Евр. בְּרִיָּה **сотвореніе, человѣкъ** значитъ **хватъ, мастеръ, sich berjen, мужаться, храбровать**; a **fajne** (Нѣм. **fein**) **berje, гордый родомъ, хвастунъ**. При переходѣ въ Русскіе говоры **фанаберія**, по причинѣ своего окончанія, приняло отвлеченное значеніе, и остальныя слова образованы на русской почвѣ [1]).

Фарфоли.

Фа̀рфоли (лат. far—мука). Мелко изрубленное высушенное, пшеничное тѣсто, въ родѣ перловыхъ крупъ. Мама къ свату фарфоли готовиць. Носовичъ 673.

---

[1]) Аналогичное объясненіе слова **фанаберія** имѣется уже у Я. К. Грота. Спорные вопросы русск. правоп. Изд. 2, стр. 457). *С. Буличъ.*

Изъ Евр.-Нѣм. farfel, которое въ свою очередь происходитъ изъ средне-нѣмецкаго farfeln: farfeln, pl. geriebener teig, gequirlte eier, mhd. varvelen, pultes. etc... Grimm Deutsches Wörterbuch, III, 1332.

Хала.

Халá.- Пшеничная булка, приготовляемая Евреями къ субботѣ или шабашу, надъ которою они молятся въ навечеріе субботы. Жиды ўже халы напекли. Халу въ полу а гугѣль за пазуху. Носовичъ 675.

Евр.-Нѣмецкое chale; изъ Евр. חַלָּה пирогъ.

Хамецъ.

Хамéцъ, Хлѣбъ. такъ презрительно называемый Евреями во время праздника опрѣсноковъ, предъ которымъ, по закону Моисееву, они должны выносить вонъ все квасное изъ дома, а также и хлѣбъ. Крестьяне смѣются надъ Евреями, будто они передъ праздниками своими изгоняютъ хлѣбъ, говоря: «Хамецъ, хамецъ, идзи вонъ!» а по окончаніи праздника будто-бы извиняются передъ хлѣбомъ, говоря: «Хамецъ, хамецъ! ходзи въ хату; то не я казувъ: идзи вонъ, а собака брехнувъ». Носовичъ 675.

Евр.-Нѣмецкое chómez, изъ Евр. חָמֵץ квасное.

Хаврусъ.

Хаврўсъ (изъ Еврейскаго). Тайное согласіе, сотоварищество. У цебѣ зъ имъ ховрусъ. Носовичъ 681.

Евр.-Нѣмецкое chawrûse, изъ Евр. חַבְרוּתָא товарищество.

Цымусъ.

Цы́мусъ (заимствовано отъ Евреевъ). Сваренные и подслащенные медомъ морковь или пастернакъ. Ты сподзѣвався на цымусъ жидовскій, да не готовили его для цебе. Носовичъ, 693. .

Евр.—Нѣмецкое zimes съ тѣмъ-же значеніемъ, изъ Нѣмецкаго: Der Inbisz, Imbisz (Immis, Immes; Frank. Schwab.), Zwischenmall (mhd. daz und der imbiz, imbiz. «So du machest einen imbeiz oder ze ezzeu... Z'Jmbisz (z'immds) eszen. Daher auch substantive das Z'immds. Schmeller, Bayerisches Wörterbuch, I, 292. Das Zimmes. Das vocab. venez.—tedesco v. 1460 gibt zimmesz durch vivanda. «Leer waren zimessäck und schmalzkübel. H. Sachs... ib. II, 1125.

Шабашъ.

Шáбасъ. Празднованіе Евреями субботы. Жидъ круцицъ и шабасу не глядзиць. Носовичъ 703.

Шабáшъ. 1) Отдыхъ, льгота. Коли примемся за дзѣла, тогды никому шабашу не дамъ. 2) Въ знач. нар. Полно. Шабашъ тобѣ даваць на вѣру, бо круцишъ. ib.

Шáбасный, шабашный и т. п. ib.

Шáбасоваць, праздновать субботу свойственно Евреямъ... ib.

Шабасóвка, 1) Водка, которую Евреи обыкновенно приготовляютъ для шáбаса. 2) Свѣчка, зажигаемая Евреями наканунѣ субботы... ib.

Шáбас, Sabbath. Желеховскій II, 1081.

Шабасíвка, s. Сабашíвка. ib.

Шабасовой, Sabbath—, den Sabbath betreffend. ib.
Шабасувати, den Sabbath feiern, ib.
Шáбаш, s. Шабас, ib.
Шабáш, =genug, ib.
Шабашковий, шабасовий, ib.
Сáбаш, Tanzunterhaltung am Feierabend. 2) Sabbath. ib. II, 846.
Шабашiвка, Art jüdische Sabbathmütze; 2) Schnapps, 3) Sabbathkerze. ib.
Szabas, sobota żydowska... Szabośnik, piec do chleba pieczenia, w izbie między piecem ogrzewalnym, a kominkiem, w którym się z kominka pali na chléb... Szabaszny od szabasu... Szabasować szabas obchadzić, świątkować, den Schabas feyern. Linde V, 541.

Шабáшъ м. Еврейск. шабашъ, суббота, праздникъ, день молитвы, отдыхъ, конецъ работѣ, время свободное отъ дѣла, пора роздыха. . шабашная пора, — день... шабашить...—шабашенье..., шабашка, шабашки, дрова, щепá, обрубки, уносимые плотниками съ работы домой. Шабашковая работа. Шабащивый..., шабашникъ, —ница; шабашевать... шабашеванье, —шкованье..., шабашничать,...—ничанье,...Шабашникъ(?) пск. большой сѣрый дроздъ, птица. Даль IV, 636.

Евр.-Нѣмецкое schabes суббота, изъ Евр. שַׁבָּת, день отдыха. Уже въ началѣ шестнадцатаго вѣка шабашъ употреблялось Евреями въ смыслѣ мелкой монеты, какъ видно изъ слѣдующихъ строкъ, взятыхъ изъ сочиненія А. Я. Гаркави, «Объ языкѣ Евреевъ, жившихъ въ древнее время на Руси», стр. 39 f.: «Р. Моисей га-Гола изъ города Лида (Виленской губерніи, писалъ въ 1515 году) שַׁבָּת = шабашъ».

Въ собраніи рукописей Фирковичей, принадлежащемъ нынѣ Императорской Публичной Библіотекѣ, находятся, подъ № 71, суперкомментаріи Моисея га-Гола, подъ названіемъ Оцаръ Нехмадъ (драгоцѣнное сокровище), на комментаріи къ Пятикнижію Абенъ-Эзры. Въ нихъ при объясненіи библейскаго слова передъ (Левит., гл. XIX, ст. 10), которое Абенъ-Эзра сопоставляетъ слову га-портимъ (Амосъ, гл. VI, ст. 5), читаемъ: «Га-портимъ, каждый изъ нихъ даетъ пруту (мелкая монета въ Талмудѣ, соотвѣтствующая, по Цунцу, Zur Geschichte und Literatur, стр. 539, греческому Λεπτα) музыканту, что называется на ихъ испорченномъ языкѣ шабашъ ..». Испорченнымъ названо слово шабашъ вѣроятно потому, что оно передѣлано изъ еврейскаго шаббатъ (суббота)[1].

Отъ этого значенія мелкая монета вѣроятно развилось другое полно, достаточно, хотя оно могло развиться и прямо изъ значенія отдыхъ.

Шамберъ.

Шамберъ. 1) Обманщикъ. Не вѣрь гетому шамберу; не позычай грошей, скруцицъ. 2) Насмѣшникъ. Шамберъ гетый ўсякого пересмѣецъ. 3) Шутникъ.

Ой ты Ванична, шамберъ,
Не бери мене за ручку цеперъ.
Носовичъ 705.

Шамбéрка. Плутовка, хитрая женщина. ib.
Шамбéрливый. Плутоватый. ib.
Шамбéрный. 1) Насмѣшливый. 2) Плутовскій. ib.
Шамбéрство. 1) Подшучиваніе. 2) Хитрость.
Шамбéринне. 1) Подшучиваніе. 2) Употребленіе лукавыхъ изворотовъ. ib.
Шамберицъ сов. Подшамберицъ. 1) Подшучивать. 2) Хитрить, лукаво дѣй-

[1]) Нынѣ я полагаю, что Моисей имѣлъ тутъ въ виду восточное восклицанье (персидское) ша башъ (будь веселъ!). *А. Гаркави.*

ствовать. 3) Насмѣхаться. 4) сов. Пошамберицъ. Плутовать. 5) Спамберицъ. Тихонько похищать, тащить. ib.

Какъ фанаберія состоитъ изъ fajne + berje, такъ шамберія есть не что иное какъ schejne (Нѣм. schöne) + berje, т. е. прекрасный (иронически) молодецъ, хитрецъ, плутъ. Остальныя слова уже развились на русской почвѣ.

Примѣч. Сюда же очевидно относится великорусск. шалберничать—вести праздную жизнь, слоняться безъ дѣла, и польск. szalbierzyć—мошенничать, szalbierzstwo, szalbierka и т. д. С. Буличъ.

Шахровать.

Шахровáць. Плутовать, обманывать, лгать. Не шахруй коло мене. Енъ въ картахъ шахруецъ. Не правда, шахруешъ, т. е. лжешь. Носовичъ 708.

Шáхиръ-мáхиръ. 1) Плутовски, расточительно. У его ўсё добро шахиръ-махиръ пошло. 2) Плутовство. Пуститься на шахиръ-махиръ. Сличи Махать. ib.

Шахрай Schacherer, Schwindler. Желеховскій II, 1085.

Шахрайка. Schachrerin, Schwindlerin ib.

Шахрайский Schacherer, Schwindler—schwindlerisch, betrügerisch. ib.

Шахрайство. Schacherei, Schwindelei, Betrug. ib.

Шахрувáти. schachern, betrügen, täuschen. ib.

Szachraj, Szacher, oszwabiający po żydowsku handlarz, ein Schacherer. Szachrajka.... Szachrajski.... Szachrajstwo... Szacherstwo... Szachrować. Linde V, 542.

Въ Евр.-Нѣмецкомъ этого слова нѣтъ. Здѣсь мы находимъ только socher (изъ Евр. סוֹחֵר) купецъ и schöjre (Евр. סְחוֹרָה) товаръ; въ Еврейскомъ кромѣ того есть слово sacher (סָחַר) прибыль. Въ языкѣ Нѣмецкихъ воровъ, въ которомъ есть много словъ Еврейскаго происхожденія, sachern и schachern употребляется въ смыслѣ покупать, обманывать. Затѣмъ это слово попало въ Нѣмецкій языкъ, а оттуда только въ Польскій и русскія нарѣчія. Бѣлорусское шахиръ-махиръ легко объясняется изъ отдѣльныхъ этихъ словъ. Сличи махиръ.

Шлэ́ръ.

Шлээръ (заимствовано отъ Евреевъ). 1) Головная изъ тонкаго холста повязка, которую Еврейскія женщины носятъ въ видѣ чепца. Не хочешь у насъ жиць, будéшь шлэеры жидовкины мыць. 2) Повязка въ родѣ вуаля. Обвязалась шлээромъ, якъ жидовская невѣста, штобъ ни загорѣць. Носовичъ 713.

Изъ Евр.-Нѣмецкаго schlejer (Нѣм. Schleier).

Шлэхъ.

Шлэхъ (заимствовано изъ Еврейскаго языка). 1) Дрянь изъ дряни, послѣдки. Самъ лѣпшенькое выбравъ, а мнѣ ўсё шлэхъ оставивъ. 2) Сволочь. Шлэху гетому ни коли не ўступлю. Колабъ хто добрый говоривъ, а то шлэхъ. Ты противъ мене шлэхъ. Носовичъ 713.

Евр.-Нѣмецкое (и Нѣмецкое) schlecht—плохой, злой.

Колумбія. Миссури.
Сент. 1894.
Missouri State University
Columbia, Missouri.
September 1894.

Л. Винеръ. (*Leo Wiener*).

Пѣсни Каменецкаго уѣзда Подольской губерніи.

Предлагаемыя вниманію читателей матерьялы собраны мною случайно. Во второй половинѣ минувшаго лѣта мнѣ пришлось провести нѣсколько дней въ г. Каменцѣ-Подольскомъ; мнѣ очень хотѣлось познакомиться съ населеніемъ этой любопытной мѣстности, съ его обычаями и поэзіей, но время и обстоятельства не позволяли мнѣ предпринять экскурсію по уѣзду; случайно я узналъ, что расположенный въ Каменцѣ пѣхотный полкъ комплектуется мѣстными уроженцами; благодаря любезности двухъ ротныхъ командировъ этого полка г-дъ Гончарова и Лукіянова, которымъ считаю пріятнымъ долгомъ выразить свою глубокую признательность, я получилъ возможность побесѣдовать съ молодыми солдатами (всѣ кромѣ одного послѣдняго призыва) изъ различныхъ частей Каменецкаго уѣзда.

Отъ нихъ я записалъ нѣсколько пѣсенъ, сказокъ и повѣрій. Способъ собиранія отразился конечно и на характерѣ матерьяла; такъ въ моемъ маленькомъ собраніи почти не представлены веснянки, очень многочисленныя въ этой мѣстности, такъ какъ онѣ поются дѣвушками; я избѣгалъ записывать и такъ называемыя «прòсти» пѣсни, такъ какъ этотъ классъ подверженъ болѣе всего вліянію городской и солдатской пѣсни. Вообще я записывалъ только то, что по моему убѣжденію не могло быть заимствовано ни въ полку, ни въ городѣ.

I. Колядки.

1.

(Поется хозяину дома).

Чи е ти ў дома пан господару?
Ми ў тэбэ, ми ў тэбэ,
Кличэ тя господь на порадочок
До сэбэ
Дарує тобі сто кіп пшэниці
Вродити, вродити
Дай же ти господь щастя здоровья
Прожити.

Хозяинъ выноситъ деньги, «бэрѐза» (запѣвало), получивъ ихъ, говоритъ: «Хлопці-молодці, ми тут чуем, даруй жэ нас, пан господар, книшом, калачом, або щастям тай здоровъям щоби той господар буў кгрэшний, вэлишний як той дар божий»

С. Маховъ.

См. Потебня, «Объясн. м. и ср. пѣс.», II, гл. 6 (стр. 93).

2.

(Поется хозяину дома).

Ой з гори, з гори, замітай двори,
Славэн єсі на нэбэсі, [1])
Клади калачи з ярой пшэниці,
Приду до тэбэ я ў рік гостоньки,

---

[1]) Повторяется послѣ каждаго стиха.

Я ў рік гостоньки, три колядничэньки
То зрадуеця жито й пшэниця
Жито пшэниця—вся сіўба ў полю
Вся сіўба ў полю, я риба ў мору,
Я риба ў мору, я птаха ў стрісі,
Я птаха ў стрісі, я звір ў лісі.

С. Маховъ.

См. А. А. Потебня, «Объясн. мал. и ср. пѣс.» 2 гл. XII (стр. 143) и гл. XIV (стр. 80); З. Радченко, стр. 115, № 13. Булгаковскій, ст. 28, № 5 и ст. 30, № 6, стр. 47, № 4.

3.

(поется хозяину дома).

Прилэтіли ластівочки,
Сіли собі край віконця,
Як зачали щэбэтати,
Господара пробуджати:
«Я ўстань, я ўстань, господару,
Подивися на кошару,
Всі ся вівці покотили,
Всі агниці поприводили».

С. Баговцы.

Варьянты и объясненіе см А. А. Потебня «Объясненіе малор. и ср. пѣсенъ», ч. II, гл. IV (стр. 70); Булгаковскій, стр 45, № 1.

4.

(поется парню).

Ой, рано, рано, кури запіли [1]),
Ой, щэй ранчэ пан Штэфан устаў
Ой рано він устаў—три свічи всукаў
При йідниі свічи личэнько вмиваў,
При другий свічи ў супонь коня ўбираў,
При трэтій свічи на війну вийіжджаў,
Ой-йіму нэнька наповідала:
«Ой йідь синочку тай на війночку,
Напэрэд війська нэ вибивайся,
А назад війська нэ оставайся,
В сэрэдиноцці при старшиноцці,
А за сім словомъ и т. д.

С. Слободка.

Варьянты и объясн. см. Потебня, ч. II, гл. LXV; Булгаковскій, ст. 33, № 10.

5.

(Поется парню).

Ой, рано, рано, кури запіли, [2])
Шэж ми раньчэ встаў кгрэшний молодчик
Кгрэшний молодчик NN хлопчик,
Ой, устаў, устаў три свічи ссукаў,
При пэрший свічи личэнько вмиваў
При другий свічи коника сідлаў
При трэтійсвічи в вину вийіжджаў
Фалиўся конэм пэрэд королэм:
«Я ў мого коня шоўкова грива,
Я ў мого коня срібни копита,
Я ў мого коня шоўковий хвостик
Золота грива пэрса стіяе (?)
Срібни копита каміне лупают
Шоўковий хвостик слід замітае.

С. Кадіевцы.

См. Потебня, ч. 2, гл. LX.

---

[1]) Послѣ каждаго стиха обычный припѣвъ: Ой, дай, Боже.
[2]) Послѣ каждаго стиха «Ой, дай Боже».

6.

(Поется парню).

Йіхаў NN ў божу дорожэньку
Ой, дай жэ йому божэнько ў час годиноньку добрую [1])
Ой, йіхаў він мильку, йіхаў другую,
А на трэтій мильці да стаў спочивати
Да стаў спочивати коня попасати,
Йіго коничэнько ўскочиў ў городэньку,
Скочиў ў городэньку, видопкаў зілэнько,
Йо-о, вийшла до нэго я кгрэшная панна;
«А шож ти наробиў я пан NN—
Я твій коничэнько видопкаў зілэнько».
Взяла коничэнька за нові повіцця,
Його молодого за білу ручэньку
Завэла коника до новойі стайні,
Йіго молодого до новой світлоньки,
Дала коникові дрібнэнького вівса,
Дрібнэнького вівса зэлэного сіна,
Йіму молодому пшэнишного хліба,
Пшэнишного хліба солодкого мэда,
А за тим словом бувайтими здороў
Бувайтими здороў пан NN.

С. Лисоводы.

7.

(Поется парню).

Під дубиною, під зэлэною,
Там орэ плужок восьмирицэю
Ой, орэ, орэ,—сам пан погойэт,
Кгрэшний молодэц за плугом ходэт,
Прийшоў до нэго батэнько его:
«Ой, ори, сину, дрібнэньку ниўку,
Та посіемо ярую пшэницю
Та збэрэм жінціў сімсот молодціў,
Як вязільнэчок, сімсот дівочок,
Та накладэм кіп як на нсбі звізд
А за сім словом бувайтими здороў».

С. Кадіевцы.

8.

(Поется дѣвушкѣ).

Ой, дай Божэ! [2])
Ой, фалилася, біла бэрэза
Своййми цвітами пирид лісами,
Ой, нэ фалися біла бэрэза,
Бо нэ тиж то ·ті цвіти кохала,—
Кохали цвіти буйнийі вітри
Буйнийі вітри—майови дощи.
Ой, фалилася кгрэшная панна,
Кгрэшная панна,—панна NN
Своййми косами пэрэд дружками,
Ой, нэ фалися, кгрэшная панна,
Бо нэ тиж то ті коси кохала—
Кохала коси нэнька старэнька
Тэмнойі нічки, напротів свічки,
Ясного сонця просто віконця.

Когда дѣвушка выноситъ колядникамъ деньги «бэрэза» (запѣвало) говоритъ: «Хлопці-молодці ми чуемъ, вічуе нас кгрэшна панна сими чэрвоними, або щастям-здоровлям абисьтэ в щастю здоровлю сэй рік впровадили другого дочэкали».

С. Слободка.

См. Булгаковскій, стр. 43, № 20. Чубинскій III, стр. 15—8 № 69.

---

[1]) Повторяется послѣ каждаго стиха.
[2]) Повторяется послѣ каждаго стиха

9.

(Поется дѣвушкѣ).

Ой, фалилася білая бэрэза
Жэ-э, свойіми жэ да квітками,
Свойіми квітками пэрэд лісами.
Ой, нэ фалися, біла бэрэза,
Свойіми квітами пэрэд лісами,
Бо твойі квіти буйнийі, вітри
Жэ-э, бо твойі квіти кохали вітри.
Фалилася, кгрэшная панна
Свойіми косами пэрэд панами,
Ой, нэ фалися, кгрэшная панна,
Бо твойі коси кохала нэнька,
Нэнька старэнька—мати ріднэнька,
Ой, кохаючи-нэдоспаючи,
В зэлэнім вині вимиваючи,
Золотим грібінцэм вичисуючи
Пшэнишним хлібом вигодовлюючи
Жэ-э, трома горішками вицотуючи,
Жэ-э, винним яблучком вихитуючи,
А за сім словом бувай здорова
Жэ-э, бо вінчуем тя сэв колядкою
Жэ-э, здоровля ў ваш дім на чэлядочку
На чэлядочку, на домовую
Щастячко ў ваш дім на худібочку
Ой дай жэ-э, на худібочку, на роговую.

С. Кодіевцы.

См. предъидущій №.

10.

(Поется дѣвушкѣ).

По горі горі пави ходили, [1]
А на долині піро губили,
За ними ишла кгрэшная панна,
Пірэчко збирала, ў рукавэц складала,
З рукаўця брала, на столик клала,
С столика брала, віночок плила,
Віночок плила, на голоўку клала,
«Подивися, нэнько, чи подібнэнько?»
Дэсьми ся взяли буйнийі вітри,
Звіяли вінэц на тихий Дунаец,
Дэсьми ся взяли три риболоўці,
Три риболоўці всі три молодці.
—«Котрий молодэц поплинэ по вінэц,
Йідному будэ золотій пэрстінэц,
Другому будэ павляній вінэц,
Третёму будэ—сама молодая
Сама молода заручэная.

С. Кадіевцы.

См. Пот. т. XLV. 3. Радченко, ст. 118 № 22; Булгаковскій, стр. 39, № 16 и 17.

11.

(Поется дѣвушкѣ).

Ой, орлэ, орлэ, високо лэтиш
Високо лэтиш, далэко видиш,
Чи видиш, орлэ, за синэ морэ?
За синэ морэ стоя намэти,
А ў тих намэтах золотий стільчик,
На тім стільчику кгрэчная панна,
Сэдючи сэдит ў виргани грае,
Ў виргане грае, кращэ співае
Прийшло до нэйі три рибалоўці,
Три рибалоўці, всі три молодці,
Взяли йійі ся вірнэй питати:
«Хто ж тэбэ наўчиў ў виргани грати»?
—«Наўчила мэнэ нэнька старэнька,
Нэнька старэнька—мати ріднэнька,
Ў віргани грати, краще спивати
Жэ-э, я за сім словом, бувай здорова
Бувай здорова кгрэшная панна,
Бо вінчуйім тя сэв колядкою
Щастям - здоровлям—святим Рожеством.

С. Кадіевцы.

См. Потебня, «Об. мал. и ср. пѣс.», ч. 2, гл. LVIII и стр. 295.

---

[1]) Послѣ каждаго стиха припѣвъ: «Ой, Дай-Божэ».

12.

(Поется дѣвушкѣ).

Пань-кгосподару, на вашим двору,
Ой, Дай-Божэ! [1])
На вашим двору—з вина кэрниця,
А ў тій кэрниці прэсвята діва,
Прэсвята діва хрэста й купала,
Хрэста купала—хрэст загубила,
Ой дэ ся взяла дивна стэжэчка,
Ой туди йшла кгрэшная панна,
Ой ишла, ишла,—золотий хрэст найшла.
Ой здибали йійі, ой всі святийі:
«Ой, кгрэшная панна, вирни намъ тай хрэста,
Будэм за тэбэ Бога просити,
Бога просити,—слўжби слўжити,
Ой йідна служба—святэ рожіство,
А друга служба—то святій Ордан,
Ой, трэта служба—то святій велик-день.

С. Слободка.

См. Пот. «Объясн. мал. пер. пѣс. 2 гл. XLVI.

13.

(Поется дѣвушкѣ).

Шож то ми за гук у нэділю рано
Дванацiт дзвоніў у раз задзвонили,
Враз задзвонили—заголосили,
Кгрэшную панну дай розбудили,
«Ой, нэ дзвонитэ, не голосітэ,
Мэні пана дай нэ розбудітэ,
Бо мій тэпэр пан з язкгір прийіхаў
Прэвіз він мэні три подарунка:
Пэрвий дарунэц—золотій пэрстінэц,
Другий дарунэц—тонкій завоец,
Трэтій дарунэц—з лисами шуба;
Золотий пэрстінэц пальчики ломит,
Тонкий завуец голоўку клонит,
З лисами шуба слід замитае;
До цэрквоньці йшла кгрэшний панною
А, с цэрквоньці йшла ясной зорою.
Пани стояли людей питали:
«Ой чи попівна, чи королівна»?
«Ой нэ попівна, не королівна,—
Вітцэва дочка, як паняночка».

С. Кадієвцы.

См. Погебня, «Об. мал. и ср. пѣс.», ч. 2, гл. XXXII; позднѣе опубликов. варьянтъ у Радченко, стр. 110 № 2.

II. Щедровки.

1.

(Поется дѣвушкѣ).

Ой у лузі, на Ярдані,
Ростэ руга на камэні;
Там NN біль білила,
Біль білила говорила:
«Нэма кому дати
До батэнька знати,
Шоб прийіхаў
Біль забрати».
Батэнько кажіт:
—«Ў мэнэ коні нэковани, (2)
Ў мэнэ сани нэ малёвани».
Ой у лузі, на Ярдані
Ростэ руга на камэні,
Там NN біль білила,

[1]) Повторяется послѣ каждаго стиха.

Біль білила говорила:
«Нэма кому дати
До матінки знати,
Шоб прийіхала
Біль забрати».
Матінка кажіт:
«Я вэ пойіду—
Ў мэнэ коні пэковани, (2)
Ў мэнэ сани нэ малёвани».
Ой у лузі, та на Ярдані,
Ростэ рума на камэні,
Там NN біль білила,
Біль білила говорила:
«Нэма кому дати
До милого знати,
Шоб прийіхаў
Біль забрати».
Милэнький кажіт:
«Я пойіду—
Ў мэнэ коні поковани (2)
Ў мэнэ сани помалёвани».
А за тим словом
Бувайтими здорова
Кгрэшна молодэнька
Панна NN.

Лисоводы.

См. Пот. «Об. м. и ср. пѣс.», гл. XLVII.

2.

(Поется дѣвушкѣ).

По за ворота трава мурава,
Там дівочэт в танэц ходэт
Кгрэшная панна ў сам пэрэд ходэт
Прийшоў до нэі батэнько йійі:
«Ой, синку, синку, час до домоньку».
—«Ой, піду, піду, най танцю дійду».
Танцю дійшла до дому ни йшла;
Прийшла до нэйі матінка йійі:
«Ой, синку, синку, час до домоньку».
—«Ой, піду, піду, най танцю дійду».
Танцю дійшла, до дому ни йшла,
Прийшоў до нэйі милэнький йійі:
«Ой, мила, мила, час до домоньку».
—«Ой, піду, піду, най танцю дійду».
Танцю дійшла, до дому ни йшла.

С. Кадіевцы.

См. Потебня, «Об. м. и ср. пѣс.», ч. 2, гл. XL; Булгаковскій, стр. 39, № 17.

3.

(Поется хозяину дома).

Щодрий вэчір, на святий вэчір
Чи е вдома пан господар,
А я знаю, що е вдома
Сидят собі конэц стола
На них шуба шуболёва,
Я ў ті шубі калиточка,
Я ў ті калиточки сто чэрвінціў
Сёму тому по чэрвоному
А нам хлопцям по золотому.

С. Слободка.

См. Потебня, «Объясн. мал. и ср. пѣс.», гл. XII; Булгаковскій, стр 4, № 3.

III. Веснянки.

1.

Скакали дики кози
Чэрэз попови лози,
То ў гору, то ў долину,
За ними козинята,
Поломали ножэнята.

С. Маховъ.

Эта пѣсня поется при игрѣ «Мости» (см. Потебня, I. 127.

2.

Бэригом, бэригом, бэрижиною,
Загубиў хустину під лэщиною;
Хто загубиў—Яўтух пьяний
Вийди діўчино я твій коханий,

Чубинскій, V, стр. 106 № 223.

А ви, сосідя, добри людэ,
Сватайтэ Ганусю вэсіля будэ,
Я с ким будэ то с тим будэ,
Я з Антосём пара будэ.

С. Маховъ.

IV. «Прости».

1.

Эй, с Слобідки до Заваля
Ўсипана могила,
Ой, там Дэмка козачэнька } 2.
На празник убили;
Били йіго, били йіго
Празникови людэ,
Били йіго, били йіго,
У грэчку закотили,
Та щэ з Дэмка козачэнька
Чэр-пояс здоймили,
Та чэр-пояс, та чэр-пояс,—
Щэй три рублі грошэй,
Во буў Дэмко козачэнько
На ў роду хороший
Були ў йіго добри людэ—
Дали пану знати:

См. Голов., I, стр. 94 № 4, 102, № 12.

«Іди, іди, пан Двэрніцкий
Дэмка поховати».
Тай взиває пан Двэрніцкий
Дохторі з ліками;
Дэмка вэзут, коня вэдут,
Кінь голоўку клони,
За ним за ним діўчинонька
Біли ручки ломит;
Дэмка вэзут, коня вэдут,
Кінь ся спотикає,—
За ним за ним діўчинонька
З жалю умліває
Дэмка вэзут, Дэмка вэзут
З гори на долину
Тай висипаў пан Двэрніцкий
Високу могилу [1]).

С. Слободка.

2.

Ой на горі Маковэц,
На долині й могила,
На могилі й калина,
На калині соловэй,
Соловэйчик малэнькій,
В нэго голос тоненький, (2)
Він щэбэчэ нікому (2).
Тилько собі самому
На чужийі стороні
По нэволі жинку ўзяў,
Та я з нэю жить нэ стаў,

Забиў йійі колаком,
Положиў йі під вікном (2)
Накриў ручки полотном,
Надіў шапку на голоўку
Тай пошоў на улицу до дівок:
«Здрастуй здрастуй девушка,
Прикрасна паненочка».
Я ўсі діўки стали і усі замоўчали,
Тилько одна стала,
І відала здрастуй
Козак маладому.

Людвиполь.

---

[1]) Пѣвшій эту пѣсню увѣренъ, что сюжетъ ея—недавній фактъ. По его словамъ Дэмко, сынъ помѣщика Дверницкаго, якобы недавно убитъ крестьянами, сестры Дэмка яко бы живы до сихъ поръ, пѣсня эта «написана» ими и «разослана во всѣ края». Приводимъ этотъ разсказъ какъ любопытный образчикъ отношенія народа къ эпической пѣснѣ.

3.

Ой шкода шкода того цвіта,
Шо ся зацвітае по білому світі,
А щэ гиршэ шкода хлопця молодого!
Кажут му служити государу й Богу (2),
Кажут му служити, кажут присягати,
За дим за роднику кажут забувати,
«Бувайтэ здорови, соснови пороги,
Куди прохожали мойі біли ноги,
Куди похожали—ходити нэ буду,
Кого вэрно люблю—по вік нэ забуду,
Бувайтэ, бувайтэ—да нэ забувайтэ,
Шо дэнь, шо годинку мэнэ споминайтэ,
Споминайтэ мэнэ добрими словами
Я буў жэ я хлопэц добрий мэжэ вами».

См. Чубинскій, V, стр. 325 № 644.

С. Людвиполь.

4.

—Нэ ходи, козачэ, по над бэрэгами,
Нэ завдавай мому сэрцю жалю
С чорними очами.
Чорни очи маю—тай не ожэнюсі,
Нэ хтят мэнэ діўчата любити
Іду утоплюся.
Нэ люблят діўчата, а ни молодиці
Піду з жалю, з жалю отоплюся
Ў глибокий криниці.
Нэ топись, козачэ,—марнэ душу згубиш,
—Скажи луччай я вэрную праўду
Кого вэрно любиш?
Вжэ я находиўся, вжэ я накохаўся,
Як той ў саду, ў саду соловэйко
Дай нащэбэтаўся.

С. Лисоводы.

5.

«Чэрвона калино чо нэ процвітаеш,
Молода діўчино, чой думку думаеш?»
—Ой як жэ мэні думки нэ думати—
Любила козака—тэпэр не видати.—
Молода діўчина три ничкы нэ спала,
Три ничкы нэ спала—дрібний лист писала,
Писала вона білими пальцями,
Тай пэрэдавала буйними вітрами;
Як той лист дістаўся, — сам він прочитаўся,
У стаў козак тижэнько здихнуўши,
За коханя спимнуўши,
Сказаў козак хлопцэві малому:
«Іди сідлай коня, коня вороного
Дай пойідэмо до закоханя мого».
Ой йіхаў тай ступиў до пана:
«Ой, панэ ж мій панэ, пусти ж ми до дому—
Прислала діўчина дрібний лист за мною,
Прислала діўчина, шой зродила сина».
А пан йіму кажэ той лист відослати,
Тай тую нэславу на другого дати,
Обэрнуўся козак до пана плэчима
«Ой нэ відкажуся бо моя причина».
Козак до воріт дойіздҗае
Його ўся родина витае.
«Ох ти козаку, да ох ти лінтяю
Чэрэз тэбэ йіодного діўчина вмирае».
Прийшоў жэ він до хати, тай узяў йійі за руки,
Тай поцюловаў йійі ў білэе плэчэнько.
«Шоб тэбэ цюлувала лихая година
Видцуралася мэнэ тай усяя родина
І шэй рідни сэстри—
Три нэділи слаба була нікому води принэсти.
«Діўчэно-господа, Бог іс тобою—
Скоро з лужэнька устанэш—візмэш шлюб зо мною».
Діўчина як нэ хорувала—скоро з лужка ўстала,
З козаком шлюб брала.

Людвиполь.

6.

Сэдома, панэ братэ,
Сэдома, Сэдома,
Дядё займэ воли пасти
А я собі вдома
Тай заимэ воли
Тай на долину
А я пішоў на порадочку
Тай до дiўчини.

Радилися, радилися,
Хтять дiўчину дати
Тато хочэ мама и'хочэ
Зайшли собі ў свару
Гуркотіли, гуркотіли
Зайшли собі ў сварку
Ўзяў старий макогонь
А стара під лаўку.

С. Слободка.

См. Купчанко «Сборн. пѣсенъ Буков. нар.» стр. 180 № 167.

7.

«По саду я ходжу,
Й коника воджу,
Ох чого ж я, мій батэнько,
Нэ жонатий ходжу»?
—Вожэнися сину,
Допоможи Божэ,
Та нэ бэри вдови дочки,
Сохрани тэбэ Божэ,
Бой удовина дочка
Йiдна единиця,

Й вона ходи по риночку,
Як тай коровиця,
По риночку ходит,
Шэй хусточку носит,
Нэ йiдного козачэнька
З розумоньку зводит».
«Ой нэ видно ліса,
Тилько видно дуба,
Ой вжэ мое закохане
Вэчэрати будэ».

Боговцы.

8.

Гох за лісом огонь горит,
Аж там мій милий плугом горэ,
І сам горэ і сам погони
І до мэнэ нэ говори,
Понэсу я йiму пити,
Чи нэ будэ говорити
Понэсу я йiму йiсти,
Чи нэ скажэ мині сісти,
Він найiўся щэй напиўся
Дай на ріллю повалиўся
Чого лэжиш щэй думаеш
Чого воліў нэ ўпрагаеш.
Гэй, валю, валю, мэў думіна! [1])

А я лэжу тай думаю,
Шо погану жінку маю,
Який тубі мара винэн,
Шо ти гарний чорнобривий.
А я руда вродилася
Чорнявому судилася.
Гэй, валю, валю, мэў думіна!
Нэ сватаў жэ ти мня ў ночи
Нэ вилізли тобі очи
Сватаўэсь мня у білу днину
Спросиў собі ўсю родину.
Гэй, валю, валю, мэў думіна!

С. Боговцы.

V. «Пісні до скоку» (плясовыя).

1.

Коломия нэпомия
Шэй коломиёчка,

Яка була йiйi мама,
Така йiйi дочка.

1) Румынское заимствованіе=«увы, увы мой Боже».

Коломия, нэпомия
По горі ходила

А як зійшла на долину
Води ся напила.

С. Маховъ и Боговцы.

Голов., II, стр. 247—8 № 2 и 7.

2.

Борозэнкою йшла—
Заросилася,
Здибалася з Василэм } 2.
Посварилася.
Посварилася
Молодэсэнька.
Тай зза того яблочка } 2.
Чэрвонэсэнька.

Тубі яблочко
Міні грушэчка
Пэрэпросимося } 2.
Моя душэчко.
Возьми ніж пэрэріж
Пэрэділимося.
Вой нэхчу по тэлята йти
Допоможь мэні Божэ
Василя знайти.

С. Баговцы.

3.

Вох нэ стій під вікном
Нэ махай рукавом.
Бо я часу нэ маю
Бо я рибку стругаю,
Бо я рибку варила
По кусочку ділила.

В кого чорний вусок
Тому рибки кусок
В кого сива борода
Тому юшки шкода.

С. Баговцы.

4.

Горох сію, горох діпчу,
Люблю хлопціў та щэ хочу

Горох діпчу, россипаю
Люблю хлопці щэй кохаю.

С. Маховъ.

5.

«Ой діўчино, чия ти?
Ой чи підэш гуляти?»

—«Ой як пійдэш піду я,
Нэ питайся чия я».

Маховъ.

Тоже Головацкій, II, стр. 204 № 39 («шумка») Сходная Де Воланъ 199.

6.

Тай косити молотити
Нэ мож ся прикласти,
А діўчата зачипати—
Коби дэ попасти,

Тай косити, молотити
Головочка болит,
А діўчата зачипати
Аж сэрцэ говорит.

Слободка.

Сх. Головацкій, II, стр. 253 № 36 (колом) и III/2 ст. 446 № 16.

7

Тэчэ вода с під города,—
Я всё барилками,
Сяки таки криво...
Тай ўсэ за діўками.
Тэчэ вода с під города
По білим пісочку,
Хтож міні милэнькому
Випэрэ сорочку.
Вигнаў жэ я сиви воли
На зэлэну пашу,
А сам піду до діўчини
На молочну кашу.
Прийшоў жэ я до діўчини,
Вона пэчэ пляцки,
Ой, як дала лопатою,
То я виліз рачки
Прийшоў жэ я до другоїі,
А друга сі дуе,
А шапчику під пашину
Най її мать мордуе.

С. Людвиполь.

8.

Я вжэм ходиў (2)
Я вжэ находиўся
Як би яка чэрнявая
Вжэ бим ожэниўся
Як би яка чирнявая
Чэрніща від мэнэ
Шоби людэ нэ сміялись
Ни з мэнэ ни з нэїі.

С. Баговцы.

Головацкій, 3/1, ст. 219. № 85.

9.

Ой на ставу на ставочку
Два качури вьюця,
Я ў діўчини на подвіру
Два молодці бьюця.
Ой бийтися—нэ бийтися,
Нэ маетэ чого,
Нэма у мэнэ штири воли,
Коня вороного.

Багóвцы.

10.

Ой на ставу на ставочку
Два качури вьеся,
За Наталку діўчиноньку
Два шэўчики бьеся,
Нэ бэйтэся, дурни шэўці,—
Нэ маетэ за що,
Нэ дивиця шо я гарна,
Коли я лядаща.

Маховъ.

11.

Я ў городі маріян родит,
Я до мэнэ Лукіян ходит.
Роди, роди маріяночку,
Ходи, ходи Лукіяночку.
Я до мэнэ офіцэр на поріг
А я йіму на тарілку пиріг
А він мэнэ пирогом по зубах
А я його батогом по литках.

С. Маховъ.

12.

Ой Василь тай умэр
Тай на лаўці лэжит,
Василиха за бутилку
Тай до коршми біжит
І горіўку нэсэ
І музики вэдэ.
Тэпэр я си погуляю
Нэ буюся тэбэ,
Як на цвинтар ишла
Та поплакувала,
Як до дому ишла
Та підскакувала.

С. Людвиполь.

Сходная. Головацкій, II, ст. 205 № 44 («шумка»).

13.

Ожэниўся щэглик,
Та сіў та думае,
Шо ўтратиўся на вэсіля,
А жінки нэ мае,
Шукае, шукае,—
Синички питае:
«Чи нэ ў тэбэ горобчику
Синичка буває?»
—«Бувала, бувала,
На ліскови гилячоцці
Ничку ночувала»

Ой, як злапаў щэглик
Я свою синичку,
Я ўзяў йійі бити,
Взяў йі волочити
Від тоді ся научиў шуляк
Курчата ловити,
Як шуляк курчата,
Я воўк поросята
Чапля ходит по долині
Тай ловит качата.

С. Люденполь.

14.

Та сіў кіс на покіс
Та взяў щэбэтати
До котрої діўчиноньки
Старости вослати.

Праслаў би я до багача
Високи пороги
Будэ мэні випонаў
Воли та корови.

С. Слободка.

15.

Ниньки гульки,
Заўтра гульки

Отгляну'ўся—
Нэма гуньки.

Маховъ.

16.

Або піду ў рекрути,
Або піду ў турки

Або піду до діўчини,
До тойі мазурки.

Маховъ.

17.

Тай посію порубаю
Чирвону калину,
Як нэ пійду до діўчини
То марнэ загину

Тай загину за провину
Тай за марнэ діло
За дівочи чорни очи
Тай за білэ тіло.

Слободка.

18.

—Ой у саду, коло саду,
Коло ліщиночки,
Чи нэ бачиў, панэ-братэ,
Мойі діўчиночки?

«Ой чи бачиў, чи нэ бачиў,
Нэ буду казати,
Нэ буду ти, панэ братэ,
Жалю заўдавати.

Боговцы.

19,

Ой зза хати, чорна хмара
Зза хати, зза хати
Пэрэстаньтэ вороженки
За мэнэ брэхати,

Брэшит собі ворожэньки
На вік коротэнький
А я собі погуляю
Хлопэц молодэнький.

Маховъ.

Сходн. Голов., т. II, 814—815 № 47—51.

20.

А з Махова до Шатави
Вибита дорожка,

Ой я піду у салдати
Казала ворожка.

Маховъ.

21.

«Хитай вода бэрэгами
Хитай вода лугом
Чом до мэнэ нэ повэрнэш
Ой як идэш с плугом?»

—«Як до тэбэ повэрнути
Трэба ў тэбэ сісти
Трэба тобі дівчинонько
Ўсю праўду сповісти.

Маховъ.

22.

Я такого брата маю,
На брата дуфаю,

Як я вийду на улицю,
Платами кидаю.

С. Маховъ.

Записалъ Н. Коробка.

Латышскія преданія.

Всѣмъ извѣстно на сколько богато, на сколько обильно народное творчество литовско-латышскаго народа. На важность латышско-литовскаго языка неоднократно уже было указано лингвистами и о его значеніи еще на IX Археологическомъ съѣздѣ, въ Вильнѣ, былъ сдѣланъ докладъ почтеннымъ профессоромъ Кочубинскимъ.

Не меньшаго вниманія заслуживаютъ литовско-латышскія народныя преданія, отличающіяся такою древностью, каковой намъ трудно будетъ найдти въ преданіяхъ другихъ Европейскихъ народовъ.

Тутъ я помѣщаю два сказанья о Богѣ и чортѣ, записанныхъ въ окраинѣ Латышской земли и взятыхъ изъ рукописей заслуженнаго латышскаго этнографа Бривземніакса, издаваемыхъ дѣятельнымъ латышскимъ фольклористомъ А. Лерхисъ-Пушкайтисомъ и мною. Лерхисъ-Пушкайтисомъ уже изданы 4 части латышскихъ народныхъ сказокъ (Latviešu tautas pasakas), представляющихъ собою драгоцѣнный матеріалъ для изслѣдователей латышскаго фольклора.

Valls un Dìs.

I.

Vacûs laikûs dìs ar vallu apstroadajšs roacinu goabalu. Ka nùvàkušs, dìs vallam atvielajs laj isvielie kù nu gribùt: vaj vierspusi, vaj apaškaspusi. Valls sacÿs, ka gribùt tù, kas vierspus ziemas. Labi! Dìs atdievs vallam loakstus un poats ied's roacinus. Biet ka valls riedzaj's, ka šam toá smieķie, prasij's laj dìs vinam nù savas daļas ar dúdùt pasmieķiet.

Valls, ìsmieķaj's, saka: «Tis jau ļùti labi smieķiè». Un nu gribaj's dìvam roacinus atvilt; vinš saka: «Dieriesam is tavìm roacinìm, ka ies tievi nùbeidinašu».

«Koapiec ná—dieriesam!»

Valls nu atgoaja nù gunkura, kuru tì beij mieža viducî sakourušs roacinus ciept—un nu isciela toádu lìlu vieju, ka vuss miežs brauškà vín.

Par koadu laiku noak valls pì gunkura un riedz dìvu mírìgi siedùt.

«Va tu neimoaz nàsi nùbeidís?»

«Kas tad tur kù nùsabeítís? Va tad ies vieja nàšu riedzaj's vai?»

Nu valls attaics: «Ja ies nù tiev's ar nanùbeistús, tad tiev man roacini bous joadúd un ies tiev loakstus dúšu».

Dìs ir ar míru. Biet, kamàr valls is roacinu goabalu nùgoaja, dìs pìsieja pì lìla kùka divi sausus ieglas goaldus toá, koa tì vieja kulà [1]) sitás un poats nùgoaja nù gunkura.

Par koadu laiku atnoaca valls pì gunkura un dzierd: kùku goalûs plarkšs, plarkšs, tak, tak! ar toadu varu, ka vuss miežs nùskana. Vallu brìsmígas

[1])=Kùpâ.

Богъ и чертъ.

I.

Въ старину богъ съ чортомъ сажали брюкву. Послѣ жатвы богъ предоставилъ чорту право выбрать, что онъ хочетъ; верхнюю часть или нижнюю. Чортъ пожелалъ верхнюю. Хорошо! — Богъ отдалъ чорту листья, а самъ сталъ ѣсть брюкву. Видя бога, кушавшаго съ аппетитомъ, чортъ попросилъ у него попробовать его доли.

Попробовавши говоритъ: «Это очень вкусно!» И желая выманить у бога брюкву, говоритъ: «Давай держать пари на твою брюкву, что я тебя испугаю.»

«Отчего нѣтъ — давай!»

Чортъ отошелъ отъ костра, который они развели посрединѣ лѣса, чтобы жарить брюкву и нагналъ такой сильный вѣтеръ, что весь лѣсъ затрещалъ.

Черезъ нѣсколько времени чортъ опять приходитъ къ костру и видитъ бога преспокойно сидящаго.

«Развѣ ты совсѣмъ не перепугался?» спрашиваетъ онъ.

«Чего-же тутъ пугаться. Развѣ я вѣтра не видалъ?»

Тогда чортъ сказалъ: «Если я тоже теперь тебя не испугаюсь, то ты долженъ будешь отдать мнѣ свою брюкву, а я тебѣ отдамъ листья».

Богъ согласился. Но, пока чортъ ходилъ на брюквенное поле, богъ привязалъ къ большому дереву двѣ сухія еловыя доски такъ, что-бы онѣ при вѣтрѣ ударялись другъ о друга, а самъ пошелъ къ огню.

Немного спустя чортъ пришелъ къ костру и слышитъ въ вершинахъ деревьевъ раздается: пларкшъ, пларкшъ, такъ, такъ! съ такою силою, что весь лѣсъ

bailas sagroaba un tis par goalvu par koaklu iskrieja mieža.

Ka dìs atnoaca, tad valla pì guns vairam nabej. Valls prújám bágdams iraudzija mallù dzilni. Dzilna zinaja, ka viņš nù plarška bág, toadieļ knàpa ar knàbi pì sausa kùka un isbeidinà viel ùtrraiz vallu. Kuŗu raiz nu valls mallàs dzilnas taisítu trùksni dzierdà, tad tis vairam mieżà nagoaja. Toa tad mallà dzil na viel šù labu dìnu atsoargà vallus nù mieža.

II.

Koadà cità raiziê dìs ar vallu bej apsiojušs rudzu teirumu. Prìkš pļaušanas tì oatkal sanoaca rudzus isškiert. Dìs vallam dieva prìkšrùku. Nu valls atgoadajás roaciņus un dùmaja nu niemt tùs, kas zam ziemi, laj dìs voarpas namùt. Dìs voarpas nùgrízs, toas iskoula, ar rùku dziearnavàm samoala un isciepa. Valls, ari savus soalmus sakroaj's, dùmaja: nu, itùraizi goan, dìvu vinnajs! Biet ka soalmus ìeda, neimoaz navarà sakúst. Nu bej nabagam oatkal us dìva skaudiba; toapiéc ìdùmaja ar dìvu ìt spàkátús: isaicinà us doaršanús. Valls nùkala siev lilu garu duramù un dùmaja: ìes goan nu dìvu nùdoaršu!

Biet dìs nùgoaja biearstiņà un tur nùgríza staklátu bàrza zoaru.

Valls nùlika, ka vàgùt caur sàtu doartís. Dìs bej ar míru. Biet valls ìraudzidams, ka dìva duramìsir ar divi stoaràm, dùmà: tis laikam bous daudz loabaks. Toadieļ sacija: «Meisam»! Labi! Ismeja. Nu valls grouda staklainù sàtà; biet staklas ìķierás sàtà kanavarà neikoá dìvam ìdoart. Biet leidz

гремитъ. Чортъ перепугался и стремглавъ побѣжалъ въ лѣсъ.

Когда пришелъ богъ, то у огня уже черта не было. Его замѣтилъ черный дятелъ и зная чего онъ испугался, сталъ долбить клювомъ сухое дерево и своимъ стукомъ такъ вторично напугалъ чорта, что тотъ убѣжалъ изъ лѣса и больше ужъ тамъ не показывался. Такимъ образомъ черный дятелъ и нынче еще оберегаетъ лѣсъ отъ чорта.

II.

Въ другой разъ богъ съ чортомъ засѣяли рожью поле. До жатвы они опять собрались раздѣлить рожь между собою. Богъ предоставилъ чорту выбрать; вспомнивъ о брюквѣ, чортъ рѣшилъ взять то, что подъ землею, а богу оставилъ колосья. Отрѣзавъ колосья, богъ вымолотилъ рожь, перемололъ на ручной мельницѣ и выпекъ хлѣбъ. Чортъ, собравъ свою солому, сначала думалъ, что онъ выгадалъ, но когда попробовалъ ѣсть ее—никакъ не могъ ее пережевать. Бѣднякъ опять позавидовалъ богу и потому предложилъ ему побороться съ нимъ: кто кого посадитъ на колъ. Чортъ сковалъ себѣ большой, длинный колъ и думалъ: «Теперь я бога заколю»!

А богъ пошелъ въ рощу и отрѣзалъ вилообразный сукъ.

Чортъ опредѣлилъ колоть черезъ заборъ. Богъ согласился. Но чортъ, увидя бога съ коломъ въ два копья, подумалъ: «Этотъ долженъ быть много лучше». А потому сказалъ богу: «Обмѣняемся!» Хорошо! Обмѣнялись. Теперь чортъ сталъ тыкать въ заборъ; но раздвоенный колъ все застревалъ въ заборѣ, никакъ нельзя было уколоть бога. Но какъ только богъ ткнулъ свой колъ въ заборъ, то тотъ пробилъ

kû dis gronda savu sâtâ, toâ tis idourâs vallam misâ un valls pusdzeivs oisskrieja.

Nû toa laika valls neikur vairs ar dìvu kùpâ nastroadâ, biet tik poats is savu rùku.

его и вонзился чорту въ тѣло. Чортъ еле убѣжалъ полуживымъ.

Съ тѣхъ поръ чортъ никогда больше не работалъ съ богомъ вмѣстѣ, а только на свою руку.

Эти сказанія записаны г.г. Д. Озолиномъ и П. Влуномъ, говоромъ Янъ-Розенской волости, Лифляндской губ.

Г. Виссендорффъ де Виссукокъ.

Народныя игры въ Кадниковскомъ уѣздѣ.

Въ долгіе зимніе вечера единственнымъ развлеченіемъ для здѣшней молодежи служатъ вечеринки, или, выражаясь по мѣстному, «бесѣды», куда всѣ однодеревенскіе, а нерѣдко и изъ сосѣднихъ деревень, парни и дѣвицы собираются въ каждый вечеръ. Бесѣды ведутся дѣвицами по очереди: сегодня, напр., у Марьи, завтра у Анны и т. д. Дѣвицы на такихъ бесѣдахъ прядутъ ленъ въ самопрялку, а парни занимаются ухаживаніемъ за ними.

Но какъ ни пріятно ворковать про любовь, однако твердить одно и тоже цѣлые вечера въ концѣ концовъ и наскучитъ, и вотъ молодежь поетъ пѣсни и устраиваетъ различнаго рода игры; съ нѣкоторыми изъ послѣднихъ мы и намѣрены познакомить здѣсь гг. ученыхъ этнографовъ и любителей этой науки. Игры эти собраны нами (далеко не въ полномъ количествѣ) въ Нижеслободской, Енбской, Митюковской и Троицко-Енальской волостяхъ Кадниковскаго уѣзда.

Начнемъ съ игръ зимнихъ, производящихся на бесѣдахъ, а затѣмъ перейдемъ къ лѣтнимъ и дѣтскимъ. Преобладающимъ интересомъ въ бесѣдныхъ играхъ служатъ поцѣлуи, если только игра происходитъ совмѣстно парнями и дѣвицами, а не порознь. Это зимою. Другое дѣло въ лѣтнее время: тогда есть гдѣ разойтись, попрыгать, поплясать, физической силой, ловкостью и проворствомъ похвалиться! Не удивительно, что въ то время поцѣлуйныя игры отходятъ на второй планъ. И такъ начинаемъ: игрою первою будетъ

1. Игра въ «оленя».

Садятся нѣсколько парней посреди избы на скамейку, а дѣвицы вокругъ ихъ ходятъ и поютъ слѣдующее:

Тепло ли тибѣ, олень? [1])
Холоднὸ ли тибѣ, олень?
Мнѣ-ка въ литѣ-то тепло,
А зимою холоднὸ...
Принакройте-тко,
Да пріодиньте-тко!..
Со дѣвушки—платокъ,
Со молодушки вьюнокъ (вѣнокъ),
Со молодца кафтанъ,
Со старыя старушки
Косой воротокъ [2]),
Со малово ребёночка—
Пелёночка,
Съ удалово молодца—
Красна шапочка,
Со красныя дѣвицы—
Платокъ съ головы...

---

[1]) Въ пѣсняхъ сохраняемъ мѣстный выговоръ.
[2]) Рубашка съ косымъ воротомъ.

Въ это время одна изъ дѣвицъ подходитъ къ которому нибудь парню и отдаетъ ему съ головы свой платокъ, а остальныя дѣвицы опять запоютъ эту же пѣсню сначала и т. д., пока всѣхъ парней не «прикроютъ». Когда у каждаго изъ парней окажется въ рукахъ по платку, тогда одинъ изъ нихъ—обыкновенно сидящій съ краю скамьи—машетъ по полу платкомъ и поетъ:

Волочу я, волочу,
На кабакъ сволочу
И на винѣ пропью!..

Въ это время та дѣвица, чей платокъ волочитъ парень, подходитъ къ нему съ цѣлію выкупить платокъ; при этомъ поетъ:

Я не дамъ изволочить,
Я не дамъ истолочить...
Я сама изволочу,
Я сама истолочу,
И на кабакъ снесу,
На винѣ пропью,
И повыскочу повыше
Поцѣлую молодца!.

Дѣвица цѣлуетъ парня, и тотъ отдаетъ ей платокъ. Слѣдующая дѣвица продѣлываетъ тоже самое, и игра продолжается до тѣхъ поръ, пока у всѣхъ парней не будутъ выкуплены платки. Но бываетъ и такъ, шутки-ради, что парень, поцѣловавшись, вмѣсто того, чтобы немедленно отдать дѣвицѣ платокъ, отдаетъ его другому парню, наиболѣе знакомому дѣвицѣ, и тотъ тоже получаетъ «выкупъ» платка, заключающійся въ поцѣлуѣ.

2. Со вьюномъ.

Всѣ дѣвицы поютъ, а одна изъ нихъ ходитъ по полу съ платкомъ въ рукѣ, изображающимъ вьюнокъ—вѣнокъ, ребята же сидятъ въ противоположной сторонѣ отъ дѣвицъ. Ходящая по полу дѣвица должна положить вьюнокъ одному изъ парней на плечо и поцѣловать его, когда кончится пѣсня. Пѣсня поется слѣдующая:

Ужъ я со вьюномъ хожу (2-жды),
Съ золотымъ хожу;
Я не знаю куда вьюнъ положить (2-жды),
Положу, положу
Положу я вьюнъ на правое плечо (2-жды).

(Кладетъ платокъ къ себѣ на правое плечо).

Я ко молодцу (2-жды),
Я ко молодцу иду, иду, иду,
Поцѣлую да и прочь уйду!

Пропѣвши это, дѣвица цѣлуетъ парня и передаетъ ему платокъ, съ которымъ начнетъ ходить по полу уже парень, сидящія же дѣвицы поютъ ему тоже самое, измѣняя лишь вмѣсто «ко молодцу иду», говорятъ: «ко дѣвицѣ иду». Парень тоже цѣлуетъ которую нибудь дѣвицу и передаетъ ей платокъ и т. д. Этой игрой занимаются до тѣхъ поръ, пока всѣ въ бесѣдѣ не перецѣлуются.

3. Зимушка.

Двѣ дѣвицы ходятъ по полу, а остальныя въ бесѣдѣ поютъ имъ:

Ахъ, ты, зимушка зима,
Холодна оцень была!
Заевило, занесло
Всѣ дорожки и лужка
И крутые бережка...

Стели, стели постеленьку,
Стели пуховую,
Я ково изъ васъ люблю—
Тово поцѣлую!

Въ это время тѣ дѣвицы, что ходили по полу, цѣлуютъ излюбленныхъ ими парней и садятся на лавку, а парни въ свою очередь начнутъ тоже ходить по полу, дѣвицы имъ поютъ:

Литили двѣ птички,
Собой невелички...
Припѣвъ: Тамъ, тамъ лѣто,
Здѣсь—зима,
Черноброван моя!..
Гдѣ они литили—
Всѣ люди глядили,
Опять припѣвъ тотъ же.

И сили на талинку,
На самую вершинку...
Припѣвъ.
Взвились—улитили...
Тамъ, тамъ лѣто,
Здѣсь—зима,
Черноброван моя,
Я цѣлую тебя!..

Послѣ этого парни цѣлуютъ дѣвицъ.

4. Въ «наборъ».

На бесѣдѣ дѣвицы и парни устраиваютъ иногда слѣдующую игру, носящую названіе «наборъ». Одна изъ дѣвицъ обходитъ всѣхъ остальныхъ своихъ товарокъ и каждой шепчетъ на ухо имя того парня, котораго по ея назначенію та должна поцѣловать; но отъ послѣдняго сохраняется это въ тайнѣ. Парни по-очередно подходятъ то къ одной, то къ другой дѣвицѣ съ цѣлію поцѣловаться; но если парень подойдетъ не къ той, съ которой назначено ему поцѣловаться, то послѣдняя щелкнетъ въ ладоши и парень отходитъ прочь «не солоно хлебавши». Когда угадаетъ—цѣлуются. Послѣ того парни и дѣвицы обмѣниваются ролями: парни загадываютъ, а дѣвицы такимъ же образомъ подходятъ къ нимъ...

5. Стулъ.

Парень или дѣвица по-очередно садятся на стулъ—деревянный отрубокъ—среди избы, остальныя дѣвицы поютъ:

Я горю, горю, горю
На калиновомъ мосту;
Ахъ, кто меня любитъ,—
Тотъ и выкупитъ!..

Въ это время, если сидитъ дѣвица, то подходитъ парень и цѣлуетъ ее, а самъ садится на ея мѣсто, ему поется тоже самое. Подходятъ, конечно, большею частью тѣ, кто съ кѣмъ знакомѣе или «слюбившись». Но бываетъ и такъ, что сидящая—нелюбимая никѣмъ дѣвица или не красивая, и желающихъ выкупить ее изъ числа парней не оказывается, тогда горе ей! сидитъ, бѣдная, чуть не плачетъ отъ стыда, а подруги ея въ тихомолку посмѣиваются. Но, надо сказать правду, это очень рѣдко случается, такъ какъ подобное невниманіе считается неприличнымъ со стороны парней, а потому кто нибудь изъ нихъ подойдетъ и выкупитъ ее своимъ поцѣлуемъ, хотя бы изъ чувства приличія только.

6. Груня.

Нѣсколько дѣвицъ и парней становятся въ ширингу по-парно и такъ, чтобъ одна пара приходилась противъ другой, затѣмъ пары схватываются руками и дѣлають оборотъ по избѣ и опять становятся на свои мѣста. При этой игрѣ поютъ слѣдующую пѣсню:

Груня, Груня, Груня я,
Груня ягода моя!
Воспoвадилась Груняша
Часто по воду ходить,
По задворью воду лить
Да къ Олексію заходить,
Олексіюшка будить:
Ужъ ты встань, душа Олёша,
Олексій, встань, пробудись,
На меня не осердись...
Я дѣвочка не спѣсива
Люблю свѣта Олексія...
Я заплачу, зарыдаю,
Тяжелехонько вздохну,
Дружка Олешу вспомяну.
Вспомяну дружка милово
На чужой на сторонѣ,
На чужой дальной сторонкѣ
Во Питерѣ иль Москвѣ?
Тамъ и дѣвушки дородни
Собою-то благородны:
Вдоль по улочкѣ идутъ
Ровно (словно) павушки плывутъ.
На павушкѣ перышко
Ровно пять тысець дано,
Какъ другое-то перо
Изъ Парижа везено
Да Груняшѣ дарено.
По бѣлому бархату,
Ужъ я этимъ-то перомъ
Напишу я грамотку
Отошлю я грамотку,
Въ Сибирь-городъ къ батюшку,
Ко родимой матушкѣ...
Родимая моя мать!
Позволь дочерѣ гулять...
Гуляй, гуляй, дитятко,
Гуляй, доць хорошая,
Груняша пригожая!
Гуляй, доцюшка моя,
Пока волюшка своя,—
Не расплетена коса,
Не покрыта голова.
Какъ покроется головка—
Вся минуется гульба,
Вся минуется, рѣшится
И дѣвичья красота.
Расплетутъ русую косу—
Будетъ воля не своя,
Не своя воля велика—
Чуже-дальна мужика.
Какъ чужой мужикъ дуракъ
Не отпуститъ погулять;
Хоть отпуститъ,—пригрозитъ,
Велитъ сосѣдямъ присмотрить...
При тебѣ гулять не стану,
А уйдешь, такъ не уймешь!...

7. Ималкомъ.

Эта игра заключается въ томъ, что одному изъ участвующихъ въ игрѣ завязываютъ глаза, а затѣмъ приводятъ его къ печному столбу и, ударяя въ спину, спрашиваютъ:

— Гдѣ стоишь?

Ималко, т. е. тотъ человѣкъ, что съ завязанными глазами, долженъ отвѣчать: «У столба».

— Чево пьешь? спрашиваютъ игроки.

— Квасъ да ягоды! отвѣчаетъ Ималко.

— Ну, такъ ищи насъ два годы! крикнутъ игроки и разбѣгаются въ разныя стороны. Ималко обязанъ кого-либо схватить, поймать (потому и называется «ималко»), а пока этого не сдѣлаетъ, — всѣ дуютъ его по спинѣ кулаками, сами же ловко отвертываясь прячутся. Кто же попадетъ въ руки ималку, тотъ самъ становится имъ, и ему также завязываютъ платкомъ глаза, а прежняго освобождаютъ.

Что же касается того, кому впервые быть «ималкомъ», то дѣлается это такъ: одинъ изъ пожелавшихъ участвовать въ игрѣ запачкаетъ у себя палецъ печной сажей и, зажавши кулаки на-крѣпко, подходитъ къ другимъ съ предложеніемъ разжать одинъ изъ пальцевъ его рукъ. Кто изъ игроковъ разожметъ запачканный палецъ, тотъ и будетъ Ималко. Если же случится, что всѣ разжали по «бѣлому» пальцу, то ималкомъ становится самъ, предлагавшій.

Само-собою, разумѣется, зажимается столько пальцевъ, сколько человѣкъ участвуетъ въ игрѣ, и само запачканіе дѣлается секретно отъ прочихъ игроковъ.

Играютъ въ эту игру большею частью въ святки и днемъ, а не вечеромъ, преимущественно дѣти отъ 10 до 15 лѣтъ.

8. Лодыжки.

Въ заключеніе зимнихъ игръ приведемъ здѣсь еще одну, весьма старинную и едвали не въ одномъ Кадниковскомъ уѣздѣ сохранившуюся до сихъ поръ, это—игра въ лодыжки, т. е. въ косточки изъ овечьихъ ногъ. Игра весьма оригинальна, и мы поговоримъ о ней подробнѣе.

Играютъ въ нее большею частью въ Великій постъ (хотя играютъ и въ межговѣнье), когда поцѣлуйныя игры считаются непристойными. Играющіе сначала устанавливаютъ очередь, кому играть первому, кому второму и т. д., что достигается тѣмъ, что каждый игрокъ раскидываетъ по столу свой пай лодыжекъ и считаетъ: сколько штукъ изъ нихъ легло «быкомъ» и сколько «телицей»? (телкой), и по количеству быковъ и телицъ устанавливается очередь игры. Съ наибольшимъ числомъ быковъ начинаетъ играть первый, при этомъ дѣлается переводъ такой: двѣ телицы считаются за одного быка; прочія фигуры въ счетъ не принимаются.

Теперь необходимо сказать о фигурахъ косточекъ: которая косточка ляжетъ на столъ плашмя и ямкой по срединѣ ея къ верху, та называется «ямка», лежащая же—ямкой къ низу, а горбомъ къ верху—наз. «горбокъ», косточка, вставшая на столъ ребромъ и верхъ имѣетъ ровный, называется «быкъ», но также вставшая да имѣетъ на верху углубленіе, наз. «телица» или телка.

Установивши очередь, кому и послѣ кого играть, начинаютъ игру: игрокъ беретъ всѣ паи лодыжекъ въ руки и раскидываетъ по столу, а затѣмъ одну изъ лодыжекъ щелкнетъ пальцемъ, приноравливаясь такъ, чтобы та лодыжка отлетѣла и попала въ другую, таковую же и однородную лодыжку, т. е. если щелкнуть въ ямку или въ горбокъ, то требуется, чтобъ эта ямка или горбокъ и попала тоже въ ямку или горбокъ, но и кромѣ того при непремѣнномъ условіи не задѣть третьей. Удачно попавшій—что называется «убилъ»—беретъ со стола убитую лодыжку и продолжаетъ игру далѣе до тѣхъ поръ, пока не сдѣлаетъ промаха или не задѣнетъ въ прочихъ. Въ послѣднемъ, томъ и другомъ, случаѣ игрокъ лишается права продолжать игру и передаетъ остальныя, несыгранныя лодыжки своему партнеру, тому, конечно, кому принадлежитъ очередь игры, такъ какъ играютъ всего нѣсколько человѣкъ—5 и 6. Получившій лодыжки, раскидываетъ ихъ опять снова по столу и тоже «бьетъ» до тѣхъ поръ, пока не сдѣлаетъ ошибки, лишающей его игры этой. Когда не всѣ лодыжки съиграны въ первую очередь, тогда начинаютъ «бить» снова, но самая очередь игры не измѣняется при этомъ; когда же всѣ уже съиграны, то у кого окажется ихъ болѣе того «убито», чѣмъ бы ему слѣдовало на свой пай, тотъ, значитъ, выигралъ, а у кого менѣе—проигралъ. Напр., играютъ А. и Б., лодыжекъ на кону у нихъ 40 штукъ, слѣдовательно, чтобы съиграть «ни въ чью», составить розыгрышъ, требуется, чтобы А. убилъ 20 шт. и Б. таковое-же количество, а когда окажется, что А. съигралъ 30 шт., но В. только 10, то послѣдній, значитъ, проигралъ первому 10 шт. и въ силу игры долженъ ихъ «выкупить» у А., который и отдаетъ ему, но за плату—за каждую лодыжку дѣлаетъ проигравшему щелчокъ по лбу пальцемъ правой руки. Въ этомъ и заключается

весь интересъ игры. Расплатившись за проигрышъ своимъ лбомъ, опять начинаютъ вновь играть.

По окончаніи игры лодыжки возвращаются тому, у кого были взяты, и игроки, разукрасивши свои лбы шишками и синяками, уходятъ во-свояси, «вдоволь» нахохотавшись. Ссоры при этой игрѣ между участниками не замѣчается. Замѣчательно еще то, что этою игрою занимаются здѣсь не только парни, но также старики, женщины и дѣти, хотя въ послѣднее время замѣтно она стала выходить изъ употребленія.

9. Огарышъ.

Гдѣ нибудь на лужку, дѣвицы и парни становятся въ двѣ ширинги, одинъ противъ другаго и такъ, чтобъ составились пары, лишь одной дѣвицѣ или парню не было бы такой пары и вотъ этотъ-то послѣдній и принимаетъ на себя роль огарыша. Огарышъ становится впереди и между ширингъ, а задняя пара отдѣляется, и требуется ей обогнать впереди стоящаго огарыша и схватиться руками, но огарышъ тоже бѣжитъ и старается быть впереди той пары и ловитъ. Если удастся кому нибудь изъ пары обогнать огарыша и схватиться затѣмъ рукою съ партнеромъ, такъ сказать, то они снова становятся въ ширингу парою, только впереди ширинги, а огарышъ по прежнему ловитъ слѣдующую затѣмъ пару, на-зади отдѣлившуюся. Когда же тому огарышу удастся схватить кого-либо изъ пары прежде, нежели тѣ схватятся руками, тогда онъ самъ становится въ ширингу и составитъ пару именно съ тою или съ тѣмъ, кого схватилъ, а отдѣлившаяся или отдѣлившійся вслѣдствіе этого отъ пары принимаетъ на себя роль огарыша и т. д.

Игра продолжается до тѣхъ поръ, пока не устанутъ бѣгать.

10. Грудки.

Дѣвицы и парни тоже и при этой игрѣ становятся гдѣ нибудь на лужку или улицѣ по-парно (въ грудки), образуя кругъ, затѣмъ одна изъ паръ раздѣляется: одинъ или одна перебѣгаетъ въ какую нибудь «грудку», а другой или другая долженъ ловить, именно заднюю изъ той грудки, гдѣ уже не два человѣка стоятъ, а три. А, какъ грудокъ бываетъ много и перебѣгаютъ изъ одной въ другую очень быстро, да къ тому еще ловящій-ая впередъ не знаетъ, кто и въ какую грудку перескочитъ, то изловить лишняго отъ пары бываетъ трудно.

Изловившій-ая становится самъ въ какую нибудь грудку, а тотъ или та, кого онъ изловилъ, принимаетъ на себя обязанность ловца.

Въ этомъ только и заключается вся игра, а конецъ ея бываетъ тоже тогда, когда всѣ устанутъ или надоѣстъ всѣмъ.

11. Улица.

Каждый лѣтній праздникъ, а въ нѣкоторыхъ деревняхъ [1])—чуть-ли не каждый воскресный день дѣвицы и парни провожаютъ игрою въ улицу. Игра эта состоитъ въ томъ, что всѣ дѣвицы и парни становятся въ рядъ и схватываются руками, образуя непрерывную цѣпь и такимъ «гуськомъ» отправляются по улицамъ деревни съ пѣніемъ въ честь «улицы» пѣсни, а наибойкія—съ припляской. Шествіе бываетъ своеобразное: двое переднихъ въ цѣпи (которыя изъ дѣвицъ побойчѣе и повыше ростомъ) поднимаютъ къ верху свои руки, не размыкая ихъ и останавливаются, въ это время задняя дѣвица въ цѣпи

---

[1]) Напр. въ дер. Хмелевской, Нижеслободской вол.

заходитъ впередъ и проволакиваетъ, такъ сказать, всѣхъ остальныхъ чрезъ такую арку, державшія, конечно, окажутся по-зади всѣхъ. Послѣ этого тѣ, что ушли впередъ, дѣлаютъ тоже самое, т. е. такую же арку и тоже пропускаютъ всѣхъ и т. д. Когда такимъ манеромъ пройдутъ всю деревню, тогда уже и расходятся по домамъ.

При этомъ поютъ слѣдующую пѣсню:

Ужъ ты улица, улица,—2-жды [1])
Широкая наша улица!
Чѣмъ улица изукрашена?(разукрашена)
Изукрашена улица
Все гудкамъ все балалаечками,
Молодцамъ все молодицами,
Да душамъ красными дѣвицами...
Не величка птицька-пташечка
Много знала, много вѣдала,
Чисто поле, поле перепархивала,
Сине море, море перелетывала.
Садилася птицька пташечка
Середи моря, моря на камушкѣ
Середи моря на синенькомъ,
Она слушала, выслушивала
У соловушка звонкой голосокъ,
У красной дѣвушки—пѣсенки;
Хорошо дѣвушка пѣсенки поетъ,
Съ молодцамъ все забавляется...
«Ужъ вы женитесь—спокаетесь,
Съ молодымъ женамъ намаятесь»!..
—Старики жили—не каялись,
Съ молодымъ женамъ не маялись...

12. Шаромъ.

Эта игра была уже описана гг. Рѣпниковымъ и Петровымъ въ 1-мъ вып. «Живой Старины» 1890 г., поэтому мы скажемъ здѣсь о ней лишь нѣсколько словъ и именно по поводу того, въ чемъ состоитъ разница между описанной г. Рѣпн‹к›вымъ и практикуемой здѣсь, въ Троичинѣ и другихъ мѣстахъ Кадниковскаго уѣзда.

Мѣсто и здѣсь для игры выбирается ровное, но ставятъ на землю не жердь, а доску ребромъ, которая и носитъ названіе «шаровки». Отъ этой шаровки въ 2-хъ саженяхъ дѣлается тоже ямка, называемая «солью», куда и кладется шаръ; чрезъ этотъ шаръ кувыркаютъ палки, называемыя «лопта».

Приступаютъ же къ игрѣ такъ: кувыркнувши всѣ участники въ игрѣ свои лопты—у каждаго по одной,—осматриваютъ ихъ и по тому, чья лопта будетъ ближе другихъ лежать отъ соли, того и опредѣляютъ «гонять». Но прежде, чѣмъ приступить къ гоньбѣ, даютъ ему еще возможность отъиграться: если онъ, взявши шаръ изъ соли и не сходя съ мѣста попадаетъ этимъ шаромъ въ чью пожелаетъ лопту съ одного раза, то, значитъ, отъигрался и гонять надо того, въ чью лопту попалъ шаръ; но и послѣднему тоже предоставляется это право, и онъ можетъ отъиграться; такимъ образомъ гоняютъ всегда того, кто первый промахнется .. Кромѣ того о началѣ игры здѣсь есть еще особенность: тотъ, кто при кувырканіи своей лопты нечаянно выбьетъ шаръ изъ соли,—долженъ быть гоняемъ безъ права отъигрыша.—Гоняемый также долженъ попасть, какъ сказано у гг. Рѣпникова и Петрова, въ шаровку, взявши шаръ съ того мѣста, куда его сбили; стоящіе же у шаровки задерживаютъ шаръ лоптами и сбиваютъ его далѣе, къ гоняемому...

Игра эта опасна и, надо сказать, нерѣдко случается, что игроки уходятъ домой съ шишками на лбу или хромые, такъ какъ гоняемый бросаетъ шаръ со всею силою, дабы скорѣе попасть въ шаровку и не успѣли-бъ его задержать, а потому отъ лопты впереди стоящаго у шаровки, шаръ перѣдко отлетаетъ не назадъ, какъ-бы слѣдовало, а вскользь и попадаетъ въ кого-либо, изъ рядомъ стоящихъ.

Занимаются этой игрою большею частью взрослые парни, мальчишки же предпочитаютъ игру «чиромъ», но эта послѣдняя тоже описана гг. Рѣпниковымъ и Петровымъ подъ назв. «чиркомъ» и, какъ никакой разницы между этими играми мы не нашли, то и не будемъ говорить о ней.

---

[1]) Каждый куплетъ повторяется дважды.

13. Городки.

Выбирается мѣсто тоже ровное, и дѣлаются два города, т. е. очерченные на землѣ квадраты въ одну сажень, на разстояніи одинъ отъ другаго въ шагахъ 15—20-ти. На переднюю черту каждаго города накладывается лежмя 10—20 шт. городковъ (деревянныхъ столбиковъ, 4—5 вершковъ длины, 1 вер. толщины), вотъ такъ:

Послѣ этого играющіе раздѣляются на двѣ партіи и каждая изъ нихъ выбираетъ себѣ «матку» (старшаго), остальные игроки наз. «дѣтки». Матки устанавливаютъ очередь, кому начать игру первой, для этого одна изъ нихъ беретъ лопту—палку—и, выбрасывая ее къ верху, говоритъ другой: «тыка или ляпа?», та отвѣчаетъ то или другое (если палка ткнется концомъ въ землю—наз. «тыка», а ляжетъ плашмя—«ляпа»); если угадаетъ, то играетъ первая, не угадаетъ,—то играетъ первою та, что выбрасывала лопту.

Матка бросаетъ лопты свои (на каждаго игрока полагается 2 лопты) первая, а затѣмъ уже ея дѣтки. Требуется всѣ городки, лежащіе въ противномъ городѣ, не только выбить изъ него, но даже за послѣднюю черту города; не вылетѣвшій городокъ изъ-за послѣдней черты хотя бы и находился внѣ города считается не выбитымъ и называется «гостья», которую тоже требуется выбить дальше, за черту. Лопты бросаютъ, стоя у города своего, не подходя къ противному ближе. Побросавъ всѣ свои лопты, отправляются осматривать противный городъ и узнать, какой вредъ они причинили ему. По осмотру, выбитые выбрасываются далѣе, чтобъ не закатились вновь въ городъ; лежащіе—«лежки»—считаются, точно также и гостьи; но та гостья, которая отскочила ближе передней черты противнаго города, снова «перекатывается», и вотъ какимъ образомъ: матка беретъ ее къ себѣ на грудь и, покидая, смотритъ, куда скатится этотъ городокъ, на какое мѣсто упадетъ онъ, потому и будетъ называться: лежкой, гостьей или попомъ. Попомъ называется тотъ городокъ, который послѣ битвы окажется лежащимъ на послѣдней чертѣ или на боковыхъ, но ни въ какомъ случаѣ не на первой—тѣ «лежки»—и такой городокъ, въ отличіе отъ другихъ, ставится на черту вертикально.

Послѣ этого начнетъ выбивать противная сторона ихъ городъ, и вотъ которая партія скорѣе выбьетъ, та и будетъ побѣдительницею, но при этомъ соблюдается слѣдующее: при послѣднемъ, такъ сказать, сраженіи выпущенныя въ побѣжденный городъ орудія (лопты) поступаютъ побѣжденнымъ съ правомъ числомъ этихъ лопть отыграться, выбить городъ побѣдителей и, когда это случится,—игра считается не въ чью, розыгрышъ. Побѣдители—если не послѣдовало розыгрыша—садятся на спины побѣжденныхъ и тѣ обязаны донести ихъ на себѣ до ихъ города и кромѣ того—собрать и поставить снова городки на оба города. Въ этомъ и весь интересъ игры. Послѣ того начинаютъ играть снова, но въ данномъ случаѣ право начать игру первымъ принадлежитъ безъ очереди побѣдителямъ, только ради ровности игры и ради большей справедливости городами мѣняются.

Играютъ въ эту игру не только взрослые парни, но и довольно пожилые крестьяне; конечно, во время праздниковъ, «на веселѣ»...

14. Игры въ яйца.

Въ послѣдній день межговѣнья (въ заговѣнье) предъ Петровымъ постомъ принято здѣсь играть въ яица, которыя обыкновенно къ этому дню раскрашиваются въ красножелтый цвѣтъ. Раскрашиваніе яицъ дѣлается такимъ способомъ: кладутъ въ горшокъ

съ водою потребное количество яицъ и луковыхъ корокъ и кипятятъ нѣсколько времени, послѣ чего яица вынимаются уже окрасившіеся и сварившіеся въ тоже время.

Играютъ въ яица слѣдующими способами: а) катаніемъ по лугу, б) хожденіемъ съ закрытыми глазами, в) отгадываніемъ, г) битьемъ яйца объ яйцо и д) «подъ шапку». Разсмотримъ эти игры по порядку.

а) Катаніе по лугу.

Выбирается гдѣ-нибудь на лугу ровное мѣсто, и двое начинаютъ играть: одинъ кладетъ свое яйцо на землю на условномъ разстояніи отъ своего партнера, и тотъ, не сходя съ мѣста, бросаетъ свое яйцо, приноравливая такъ, чтобы оно катилось и остановилось возлѣ того яйца, и если яйца эти будутъ лежать на такомъ разстояніи одинъ отъ другаго, что катившій можетъ вытянуть своею пядью, т. е. четвертью, то оба яйца поступаютъ въ пользу его; а если они будутъ на болѣе дальнемъ разстояніи, то выигрываетъ въ этомъ случаѣ выставившій яйцо.

б) Хожденіе съ закрытыми глазами.

Кладется также гдѣ-нибудь на лугу однимъ игрокомъ, на извѣстное разстояніе отъ своего партнера (приблизительно около 10 саж.) яйцо, и тотъ, его партнеръ, закрывши глаза свои картузомъ, отправляется наугадъ къ выставленному яйцу и тоже наугадъ останавливается. Если окажется, что онъ подошелъ на такое разстояніе, что не сходя, далѣе, по открытію глазъ, съ мѣста, можетъ взять рукою выставленное яйцо, то значитъ оно его, выигралъ; въ противномъ случаѣ обязанъ отдать свое выставлявшему.

в) «Угадываніе» или отгадываніе.

Двое складываются по яйцу, и одинъ изъ нихъ зажимаетъ эти яйца въ рукахъ и спрашиваетъ другаго, держа руки за спиною: «Въ которой рукѣ твое?» Если тотъ отгадаетъ, то получаетъ оба яйца себѣ, а въ противномъ случаѣ конечно лишается ихъ. Для того же, чтобы отгадать, прибѣгаютъ при этомъ къ слѣдующему способу: игрокъ беретъ небольшую палочку и захватываетъ ее съ одного конца двумя пальцами, напр., сначала правой руки и говоритъ: «въ этой мое», а затѣмъ лѣвой рукой беретъ повыше и тоже говоритъ: «въ этой мое», и вотъ когда уже вся палка измѣрена до верхняго конца и взяться болѣе не за что, то на какую руку въ послѣдній разъ падетъ это магическое «въ этой мое», въ той рукѣ его партнера и должно быть отгадываемое яйцо.

г) Битье яйца объ яйцо.

Эта игра очень простая: бьется яйцо объ яйцо и которое устояло—владѣлецъ того яйца и выигралъ, за что и получаетъ разбитое себѣ въ награду. Но при этой игрѣ бываетъ «плутовство», заключающееся въ томъ, что нѣкоторые игроки заранѣе приготовляютъ для этой цѣли по одному яйцу, неразбивающемуся. Дѣлается это такъ: прокалывается у сыраго яйца шиломъ дирка и выцѣживается оттуда весь бѣлокъ, а взамѣнъ его впускается въ яйцо горячая сѣра до полноты. Такое яйцо очень стойко, трудно разбиваемо; но за такимъ плутовствомъ зорко смотрятъ игроки и въ случаѣ обнаруженія — дѣло доходитъ до драки.

д) Подъ шапку.

Сложатся нѣсколько человѣкъ—обыкновенно 10—15—по одному яйцу и отдаютъ ихъ вмѣстѣ со своими картузами кому-либо изъ посторонныхъ, прося разкласть эти яйца подъ картузы. Тотъ уходитъ отъ игроковъ прочь, раскладываетъ яйца по своему произволу: въ который картузъ положитъ 2—3 шт., а въ иной и 5-ть, остальные же оставляетъ порожними; послѣ того картузы раскладываетъ на землѣ кружкомъ, закрывая яйца.

Каждый игрокъ имѣетъ право открыть одинъ изъ картузовъ и взять тамъ всѣ яйца, сколько окажется положенными или—ничего; но прежде чѣмъ открывать, устанавливаютъ еще очередь кому первому, кому второму и т. д. сдѣлать это. Очередь устанавливается посредствомъ длинной палки, за которую каждый игрокъ захватывается одной рукою, и чья рука окажется послѣднею къ верху, тотъ первымъ и долженъ взять одинъ картузъ, а затѣмъ вторымъ будетъ—вторая рука сверху и т. д. Разобравши картузы и яйца, опять начинаютъ эту игру снова, и нерѣдко находятся такіе, какъ ихъ здѣсь называютъ, «счасливцы», что за одинъ день выигрываютъ такимъ способомъ до 100 шт. яицъ и болѣе. Всѣ выигранныя яйца поѣдаются въ тотъ же день частью самими игроками, частью ихъ семейными, такъ какъ въ постъ ѣсть ихъ не полагается не только взрослымъ, но даже и дѣтямъ, что соблюдается весьма строго здѣсь.

Играютъ въ яйца большею частью взрослые парни и пожилые крестьяне, дѣти же только играютъ ими на лужку, боясь даже и разбить, не только проиграть кому-либо.

Что же касается дѣтскихъ игръ, то ихъ въ Кадниковскомъ уѣздѣ безчисленное множество, въ особенности происходящихъ въ лѣтнее время, но мы приведемъ здѣсь хотя нѣсколько, намъ лично извѣстныхъ, лично испытанныхъ когда-то, въ дѣтствѣ.

Начнемъ, по прежнему, съ игръ зимнихъ, въ которыхъ попадается много и не цензурныхъ словъ (дѣти цензуры не вѣдаютъ), которыя мы здѣсь обозначимъ лишь точками.

Итакъ, начинаемъ: въ числѣ зимнихъ игръ первое мѣсто занимаетъ у дѣтей-дѣвочекъ—

15. Мокруша.

Одна изъ дѣвочекъ въ бесѣдѣ (они, въ подражаніе большимъ, тоже по вечерамъ собираются на свои бесѣды, только прядутъ не ленъ, а какую-нибудь дрянную кудель) встаетъ съ лавки и проситъ у всѣхъ остальныхъ кудели на «мокрушу», и ей подаютъ. Просьбу свою она выражаетъ такъ:

Сава, Сава, Савичу!
Дай кудели на свичу,
  На маракович[1])!
Кто дастъ—
Тому спассъ,
Кто не дастъ—
Тому чиріи въ глазъ!..

Насбиравши такимъ образомъ достаточное количество кудели, дѣвочка беретъ лучину и обматываетъ вокругъ ея эту кудель въ видѣ факела; затѣмъ беретъ съ водою чашку или блюдо и съ этимъ обходитъ всю бесѣду, спрашивая каждаго отдѣльно: «Максимъ по углу лезъ?», ей должны отвѣтить «лезъ», «. . . . . . трясъ?»—«трясъ», отвѣчаютъ; но дѣвочка съ мокрушей не унимается, спрашиваетъ еще: «натряхивалъ?»—«натряхивалъ», должны отвѣтить. Если вопрошаемая-ый отвѣтитъ безъ смѣха и не улыбнется, то дѣвочка съ мокрушей должна идти прочь къ слѣдующимъ, а если захохочетъ или хотя улыбнется, то немедленно получаетъ за это ударъ мокрушей по лицу, которую дѣвочка предварительно еще смочитъ въ водѣ, почему и названо это «мокрушей». Но такъ какъ вопросы ставятся именно съ тою цѣлію, чтобы вызвать смѣхъ у вопрошаемаго, и при томъ вся бесѣда помираетъ со смѣху, то, понятно, ни кого во всей ихъ бесѣдѣ не окажется, чтобъ отвѣтилъ, не разсмѣясь, и мокруша никого не минетъ—всѣ перепачкаются; и самую дѣвочку съ такой мокрушей въ концѣ концовъ перепачкаютъ.

---

[1]) Мараковица—отъ глагола «марать»; вообще пачкать что-либо.

16. Походка.

На такихъ бесѣдахъ поются еще пѣсни-припѣвки, имѣющія тоже своею цѣлію вызвать смѣхъ у присутствующихъ. Напр.

Лéталъ, лéталъ воробей,
Лéталъ, лéталъ молодой
Вкругъ синя-моря (2-жды).
Скажи, скажи, воробей,
Скажи, скажи, молодой,
Какъ и Марья ходитъ?
Ивановна гуляетъ?
Она эдакъ, вотъ эдакъ,
Вотъ еще вотъ эдакъ!

При послѣднихъ словахъ та дѣвица, къ которой относится эта припѣвка, т. е. Марья Ивановна должна встать съ лавки и пройтись по полу, показать свою походку. Когда это сдѣлано,—припѣвку заключаютъ такъ:

Баско [1]) ходитъ выступаетъ } 2-жды.
Баетъ [2])—розсыпаетъ!

Но если Марья Ивановна поупрямится, не пожелаетъ показать свою походку при хохотѣ присутствующихъ, то припѣвку заключаютъ слѣдующей руганью:

Какъ корова нездорова:
По двору ходитъ,
Жидко с . . . тъ,
Телятки негладки
И ножки подъ грядки!
На глазу бѣльмо,
На зубахъ г . . но...
Сорокъ амбаровъ
Сухихъ таракановъ;
Сорокъ кадушекъ
Соленыхъ лягушекъ...

Такъ или иначе покончивши съ Марьей Ивановной, начнутъ пѣть эту же припѣвку къ слѣдующей, а иногда и къ парню, если онъ присутствуетъ на ихъ бесѣдѣ. Заканчиваютъ припѣвку всему міру, говоря такъ:

«Какъ и міръ-отъ ходитъ?
Васьяновичъ гуляетъ»?

Послѣ этого всѣ сойдутъ съ мѣстъ и повернутся, а не рѣдко и спляснутъ, не примннуя заключить:

Баско ходитъ—выступаетъ,
Баетъ—розсыпаетъ!..

17. Припѣвки на «спасибо».

Въ заключеніе зимнихъ пѣсенокъ - игрушекъ у дѣтей приведемъ еще одну, а именно: припѣвку на спасибо. Чтобы заслужить спасибо отъ своихъ товарокъ, дѣвченки-пѣсенницы поютъ слѣдующее:

---

[1]) Баско—красиво.
[2]) Баетъ—говоритъ.

Изъ пути-путейки
Всѣ дѣвочки биленьки,
Всѣ румяненьки,—
Одна Полинарья:
Та неумываха,
Та неутираха...
Съ-зади ходитъ купчикъ
Олексіюшко [1]) голубчикъ.
«Полинарьюшка! умойся,
Голубушка, утрися...
Тибѣ побиляя,—
Мнѣ помиляя...
Сказывай спасибо,
Не то—наплевать?

Если Полинарія скажетъ спасибо, то и ладно, припѣваютъ затѣмъ къ слѣдующей, но если заупрямится или того хуже—скажетъ «наплевать», тогда припѣвка опять кончается руганью:

Вышла на улицу
Въ синемъ дубнякѣ [2]),
Витеръ подулъ—
На ельцу посадилъ,
..... варомъ залепилъ...

18. Слободой.

Весною, лишь только оттаетъ земля, тотчасъ же ребятишки высыпаютъ на «заваликки» и лужка и начинаютъ устраивать разнаго рода игры, изъ которыхъ наиболѣе любимою для нихъ является игра «слободой». Эта игра—игра въ мячь, но почему она носитъ здѣсь названіе «слободы» — рѣшить трудно, быть можетъ потому, что въ нее играютъ всегда на окрайнахъ села или деревни, никогда—въ самомъ селѣ или деревнѣ, а таковыя окрайны зачастую называются по-мѣстному «слободой», какъ, впрочемъ, и въ нѣкоторыхъ уѣздныхъ городахъ...

Игра начинается съ установленія очереди, кого впервые «гонять», для этого берутъ длинную палку и съ одного—нижняго—конца ухватываются за нее каждый-ая одною рукою и когда всю палку смѣряютъ, такъ сказать, рукою до самаго верхняго конца (палка выбирается по возможности длинная), то чья рука окажется третьей сверху, того и гонять, но опять таки прежде, чѣмъ начать гонять, даютъ еще возможность тому или той отъиграться. Если онъ или она, заложивши одною рукою эту палку къ себѣ за спину и подвыбросивъ ее тамъ вверхъ, успѣетъ затѣмъ повернуться и тою же рукою схватить ее налету, то, значитъ, отъигрался-лась и гонять начнутъ того, чья рука была первая съ верхняго конца палки. Послѣ этого гоняемый-ая отходитъ на 2-й буй. Буй—черта или граница, такъ сказать, на землѣ, дальше которой нельзя бѣжать, какъ и ближе,—гонителямъ.

Буевъ бываетъ два: съ одного бьютъ мячикъ — который шьется изъ какой нибудь тряпки,—а на другомъ гоняемый-ая хватаетъ его. Бьютъ мячикъ поочередно: одинъ или одна выкидываетъ мячикъ вверхъ, а другой-ая бьетъ его на лету своей лоптой (палкой); сбившій-ая долженъ сейчасъ же вслѣдъ за мячемъ бѣжать на 2-ой буй и прибѣжать обратно; а въ это время гоняемый-ая хватаетъ мячь и долженъ попасть имъ въ бѣгущаго и, если попадетъ, то гонять будутъ уже того, въ кого попалъ-а, а гоняемый-ая переходитъ на сторону гонителей.

Впрочемъ, допускается нѣкоторое отступленіе отъ правила бѣжать сейчасъ же вслѣдъ за мячемъ на 2-ой буй; это, если сбившій не можетъ успѣть сбѣгать до 2-го буя прежде, чѣмъ гоняемый схватитъ мячь, именно потому, что гоняемый ловко схватилъ его на лету или мячь такъ близко отлетѣлъ, то въ этомъ случаѣ сбившему допускается не бѣгать, а ждать болѣе удобнаго случая, когда кто-либо другой изъ артели собьетъ его далеко, тогда вмѣстѣ съ нимъ бѣжитъ и этотъ. Такихъ мальчишекъ,

[1]) Имя припѣваютъ всегда того, съ кѣмъ припѣваемая наиболѣе близка.
[2]) Сарафанъ—домашняго издѣлія изъ толстаго холста, окрашенный синей краской.

близко сбившихъ въ свою очередь мячикъ, накопляется иногда 3—4 чел., и всѣ они при удобномъ случаѣ бѣжатъ разомъ, что на ихъ языкѣ значитъ: «сбѣгать за чужею кашей».

Играютъ въ эту игру дѣти отъ 8 до 12 л., наименьшія же сидятъ въ это время гдѣ нибудь по близости у амбара, бани и т. п., но обязательно на солнцепекѣ, и поютъ пѣсенку:

Солнышко!
Колоколнышко!
Прикатись ко мнѣ
На проталинку,
На приваленку...
Дѣти-то плачутъ,
Сыро колупаютъ,
Намъ-то не даваютъ,
Собакамъ-то бросаютъ,
Собакамъ то по ложкѣ,
А намъ-то по крошкѣ...

19. N.

Нижеслѣдующая тоже дѣтская игра, не носящая никакого опредѣленнаго названія, поэтому мы и поставили только N. Играютъ въ эту игру дѣти самаго малаго возраста—отъ 7 до 10 л.

Сначала всѣ ребятишки становятся гдѣ нибудь на лужку въ кружокъ, одинъ изъ нихъ входитъ въ кругъ и, ударяя легонько каждаго по груди, припѣваетъ своего рода пѣсенки, и вотъ на кого послѣднее слово пѣсенки падетъ, тотъ и долженъ выйти изъ круга вонъ. Такъ повторяется до тѣхъ поръ, пока всѣ не выйдутъ, останется одинъ, который и обязанъ переловить всѣхъ, но кого онъ поймаетъ, тотъ ему долженъ помогать въ ловлѣ прочихъ. Когда уже всѣ окажутся переловленными, тогда снова становятся въ кружокъ и снова продѣлываютъ тоже самое.

Пѣсенокъ для этой игры много у дѣтей, вотъ нѣкоторыя изъ нихъ:

1.

Перевицики,
Другицики,
На коломѣ,
На ёломѣ.
Піявки,
Русалки,
Одринцы,
Родинцы.
Сбманъ,
Лбманъ,
Подъ-крестъ
Звонъ
Выходи вонъ!

2.

Теря,
Меря,
Шуго,
Луго,
Пято,
Сото,
Иво,
Дубо,
Крестъ,
Маргосъ
Къ намъ
На погостъ!..

3.

Яблочко катился
Во-кругъ огорода,
Кто ево схватитъ—
Тотъ и воевода—
Царскій сынъ!

20. Во-кругахъ.

Сначала дѣти очерчиваютъ на землѣ довольно большой кругъ и затѣмъ избираютъ себѣ по «маткѣ». Матки бросаютъ жребій, кому играть первой, для этого берутъ щепку, и на одну сторону которой плюнутъ, а другую оставляютъ сухою; затѣмъ одна матка эту щепку выбрасываетъ вверхъ и спрашиваетъ другую: «суха-ли моря»? Если та, другая отгадаетъ сказавши, напр., «моря» и щепка упадетъ на землю мокрой стороной вверхъ, то значитъ ей и играть первою и пользоваться тѣми преимуществами въ игрѣ, какія связаны съ этимъ, а не отгадаетъ, то само-собою право это принадлежитъ уже другой, выкинувшей щепку.

Игра эта состоитъ въ томъ, что одна сторона выбиваетъ мячемъ другую и такъ: въ кого попадетъ мячъ, тотъ лишается права уже играть далѣе, выходитъ вонъ. Преимущество первой—отгадавшей напр.,—половины состоитъ въ томъ, что они могутъ подходить съ мячемъ къ самому кругу, будучи свободными, бросить въ кого-либо изъ круговыхъ — проигравшихъ — мячикъ и убѣжать возможно дальше, безъ ограниченія разстоянія, тогда какъ круговые не имѣютъ права выйти за черту круга.

Выбившая половина считается побѣдителями, но никакими преимуществами не пользуется при послѣдующей игрѣ.

21. Фуринъ.

Играющіе избираютъ фурина, которымъ бываетъ какой нибудь условный предметъ: бочка, кадушка, чурбанъ и т. п., послѣ того какимъ нибудь способомъ изъ вышеписанныхъ устанавливаютъ очередь, кому спрятываться и кому искать. Доставшимся спрятываться—разбѣгаются въ разныя стороны и прячутся, а другая сторона ищетъ ихъ и кого найдутъ, то крикнутъ «фуринъ!» и затѣмъ быстро бѣгутъ къ условному фурину, гдѣ, прибѣжавъ, плюнутъ въ него, крикнувъ опять: «фуринъ, фу!» это значитъ, что тотъ, кого увидѣли, считается найденнымъ и долженъ быть исключенъ изъ игры. Но если нашедшій-ая не успѣетъ добѣжать до фурина и сказать, плюнувши, эти магическія слова «фуринъ, фу», а спрятавшійся догонитъ ея или его, то нашедшій-ая обязанъ-а съ того мѣста, гдѣ его догнали донести спрятывавшагося на своихъ плечахъ до условнаго фурина. Въ этомъ и интересъ игры. Доѣхавъ на плечахъ искавшаго до фурина, спрятывавшійся опять снова убѣгаетъ, чтобъ вновь спрятаться, такъ какъ онъ въ данномъ случаѣ не считается найденнымъ.

Игра продолжается до тѣхъ поръ, пока всѣ не будутъ найдены и офурены.

22. Ухоронкомъ.

При этой игрѣ тоже спрятываются какъ и гдѣ попало, но только ищетъ ихъ одинъ, кому досталось по жребію. Нашедшій-ая обязанъ «очурать» кого найдетъ, а для этого долженъ прибѣжать къ условному мѣсту и, колонувши палкой, сказать: «Степка, чуръ!» Послѣ того Степка исключается изъ игры. Палка, которой колотятъ о что-либо, не уносится съ условнаго мѣста, а потому если искатель прозѣваетъ и тотъ-же Степка прибѣжитъ ранѣе его и колонетъ палкой, то ищущій подставляетъ свою спину, по которой Степка и колотитъ его, приговаривая: «кыкъ, кыкъ, старый еретикъ!» и затѣмъ бросаетъ палку какъ можно далѣе, дабы, пока тотъ ищетъ ее, успѣть ему спрятаться снова. Когда всѣ найдены—начинаютъ игру снова.

23. Ярки.

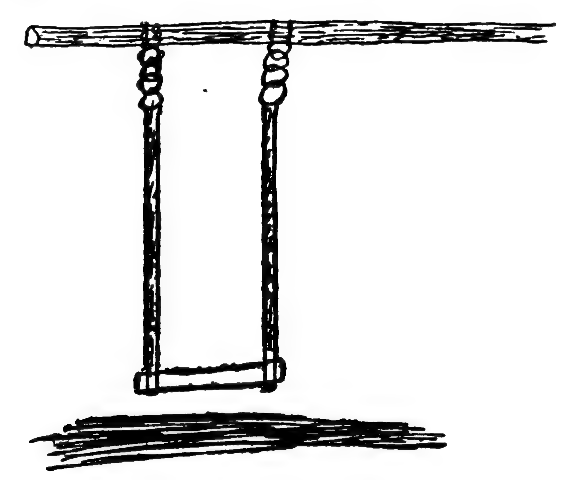
Дѣлается на землѣ столько ямокъ—ярокъ—сколько дѣтей участвуетъ въ игрѣ, затѣмъ одинъ изъ игроковъ катитъ по яркамъ мячикъ, и вотъ въ чьей яркѣ остановится мячикъ, на томъ и считается ярка, и всѣ быстро разбѣгаются; но этотъ съ того мѣста долженъ мячемъ попасть въ кого-либо другаго и, когда попадетъ, то ярка со счету скидывается; тотъ, въ кого попали мячемъ, въ свою очередь тоже становится на свою ярку и тоже попадаетъ въ кого-либо, кто ближе подвернется; если не попалъ, то за нимъ считается двѣ ярки, а если попалъ, то за третьимъ лицомъ уже считаются три ярки и т. д. Когда же за кѣмъ-нибудь накопится столько ярокъ, сколько ихъ вырыто на землѣ, тогда игра кончается «наяриваніемъ» проигравшаго. Проигравшій садится на свою ярку, и каждый игрокъ подходитъ къ нему и мячикомъ колотитъ въ спину, приговаривая: «ярка, не ярка, крестъ, не крестъ, чтобъ чертъ не унесъ!»

Играютъ дѣти еще въ «овечки» и «волки», но такъ какъ эти игры, по на-

шей справкѣ оказались описанными другими изслѣдователями народной жизни, то мы и не будемъ приводить ихъ здѣсь, но этимъ мы не закончимъ нашу статью, а скажемъ еще нѣсколько словъ объ игрѣ на качулѣ (качель), что имѣетъ мѣсто на пасхальной недѣлѣ, каковою игрой и закончимъ нашу статейку.

24. Качуля.

Еще за нѣсколько дней до наступленія св. Пасхи дѣти неотступно начинаютъ приставать къ своимъ «батькамъ» съ такою просьбою: «батюшко, сходи въ лѣсъ, сдѣлай качулю!», и отцы семейства волей-неволей, чтобы отвязаться отъ назойливости дѣтей, отправляются въ лѣсъ и вырубаютъ тамъ двѣ березовыя жерди (длиною $1^1/_2$ саж., толщиною въ $1—1^1/_2$ вершка), нѣсколько березовыхъ или черемховыхъ вицъ, приходятъ домой и устраиваютъ качулю. Устройство качули (качель) не сложное: жерди очищаются отъ коры и сучьевъ, дабы ребятишки не оцарапали своихъ рукъ; на комляхъ жердей прикрѣпляютъ доску, разставляя жерди на такомъ разстояніи, чтобы ребенку можно было сидѣть и держаться за жерди, приблизительно на 1 арш., а доска бываетъ шириною съ $^1/_4$ арш. Скрѣпивши эти жерди въ комляхъ доскою подъ сидѣнье, «батько» имѣетъ вицы и дѣлаетъ изъ нихъ кольца, связывая ихъ одно съ другимъ въ видѣ цѣпи, когда кольца или эти, такъ сказать, цѣпи (ихъ двѣ бываетъ) готовы, то привязываетъ ихъ однимъ концомъ къ жерди, а другимъ къ какому нибудь брусу или бревну на «повитѣ» (на сараѣ), и—качуля готова! Вотъ такъ:

При наступленіи дней св. Пасхи ребятишки цѣлыми артелями начинаютъ качаться то у одного, то у другаго на качулѣ. Относительно того, кому качаться изъ артели, соблюдается слѣдующее: первая очередь принадлежитъ хозяину качули, а затѣмъ уже кто схватитъ «ожомулю» пукъ связанной соломы или сѣна, вотъ такой: Ожомуля бросается въ ноги качающемуся, и тотъ ее пинаетъ и, конечно, старается пнуть туда, гдѣ менѣе стоитъ ребятишекъ, дабы тѣ не схватили и тѣмъ не лишили его права качаться; однако, рано-ли поздно ошибется, и ожомуля попадетъ кому-либо въ руки (требуется непремѣнно схватить на лету), и тогда качающійся уступаетъ свое мѣсто «ловкачу», которому тоже бросаютъ ожомулю и т. д.

А. Шустиковъ.

ОТДѢЛЪ III.

Критика и Библіографія.

А. Шахматовъ. Изслѣдованія въ области русской фонетики. Варшава, 1893. Оттискъ изъ «Русскаго Филологич. Вѣстника».

Сочиненіе Шахматова должно быть признано безспорно очень цѣннымъ вкладомъ въ русскую лингвистическую литературу. Оно было такъ высоко оцѣнено историко-филологическимъ факультетомъ московскаго университета, представителями котораго въ данномъ случаѣ были между прочими такіе компетентные лингвисты, какъ Ф. Ѳ. Фортунатовъ и Ѳ. Е. Коршъ, что рѣшено было ходатайствовать о присужденіи автору, минуя степень магистра, прямо степени доктора. Хотя А. А. Шахматову не больше 30 лѣтъ, но онъ давно уже успѣлъ пріобрѣсти себѣ очень почетное мѣсто въ ряду изслѣдователей русскаго, а частію и другихъ словянскихъ нарѣчій. Еще будучи въ старшихъ классахъ гимназіи, онъ самостоятельно, какъ настоящій ученый, изучалъ памятники древне-русскаго и старо-словянскаго яз., хранящіеся въ богатыхъ московскихъ библіотекахъ. Плодомъ этихъ изученій явились его поправки къ изданіямъ древне-русскихъ текстовъ въ V и VI тт. «Archiv für slavische Philologie» и между прочимъ къ фотолитографическому изданію Святославова Сборника 1073 г., приготовленному Обществомъ Любителей Древней письменности, а затѣмъ статья «Beiträge zur russischen Grammatik» въ VII томѣ того же издаваемаго проф. И. В. Ягичемъ «Archiv'а», вызванная сочиненіемъ А. И. Соболевскаго «Изслѣдованія въ области русской грамматики»; въ этой статьѣ много дѣльныхъ замѣчаній также по характеристикѣ и классификаціи древне-русскихъ рукописей. Занятія надъ рукописями А. А. Шахматову удалось пополнить наблюденіемъ живыхъ говоровъ, благодаря полученной имъ командировкѣ въ Олонецкую губ.; здѣсь особенное вниманіе обратилъ онъ на произношеніе рефлексовъ стараго *ѣ*. Еще студентомъ онъ написалъ весьма солидное изслѣдованіе о языкѣ новгородскихъ грамотъ XIII—XIV в., изданное подъ ред. проф. и академика Ягича 2-мъ отдѣленіемъ Академіи Наукъ въ 1886 г.; въ приложеніи къ изслѣдованію изданы вторично послѣ извѣстнаго Румянцевскаго изданія древнѣйшія новгородскія грамоты по оригиналамъ, хранящимся въ московскомъ архивѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, весьма точно, съ соблюденіемъ всѣхъ особенностей письма и съ подробнымъ описаніемъ тѣхъ палеографическихъ особенностей, которыя не могли быть переданы въ текстѣ. Изслѣдованіе о языкѣ грамотъ настолько важно въ научномъ отношеніи, что одно уже могло бы составить трудъ, вполнѣ достойный магистерской степени; скромность автора, однако, не допустила его представить это сочиненіе въ качествѣ магистерской диссертаціи. Послѣ изданія этого сочиненія Шахматова заинтересовалъ вопросъ объ отношеніи русскаго ударенія къ сербскохорватскимъ и о характерѣ общесловянскихъ удареній. Читая рукописи, онъ особенно сталъ интересоваться тѣми изъ нихъ, которыя снабжены знаками удареній. Но главнымъ основаніемъ его большой статьи «Къ исторіи сербско-хорватскихъ удареній», напеча-

танной въ 1888 г. въ Рус. Ф. Вѣстн., были особенности того сербскаго говора (Посавскаго), который описанъ въ «Grammatik der illyrischen Sprache» 1850 г. Берлича и замѣчателенъ именно тѣмъ, что занимаетъ среднее по ударенiямъ мѣсто между чисто чакавскими и штокавскими. Сравнивая дiалектическiя отступленiя малорусскихъ и великорусскихъ говоровъ, отражавшiяся и въ старыхъ текстахъ XVI и XVII стол. и въ текстахъ мѣстной художественной литературы XIX столѣтiя (напр. въ малороссiйскихъ повѣстяхъ Г. Ѳ. Квитки, изданныхъ подъ редакц. проф. А. А. Потебни съ соблюденiемъ знаковъ ударенiй), съ разновидностями ударенiй сербскихъ, Ш. выводилъ отсюда слѣдствiе, что разновидности, извѣстныя отступленiя отъ ударенiй, обозначенныхъ Вукомъ, въ сербскихъ говорахъ находятъ себѣ соотвѣтствiя въ русскихъ дiалектическихъ ударенiяхъ и могутъ такимъ образомъ восходить къ эпохѣ общесловянской, что подтверждается и фактами, извѣстными изъ области другихъ словянскихъ нарѣчiй (болгарскаго и словѣнскаго), сохранившихъ разномѣстность ударенiй. Вообще эта статья представляетъ много весьма глубокихъ и дѣльныхъ соображенiй не только о сербскихъ, но и общесловянскихъ ударенiяхъ и количествѣ. Эти изслѣдованiя сербскихъ ударенiй были продолжены (по другимъ источникамъ) въ Р. Ф. В. 1890 г. Интересъ къ акцентологiи побудилъ Ш—а обратиться къ сочиненiямъ Юрiя Крижанича, какъ извѣстно, снабженнымъ знаками ударенiй, но, къ сожалѣнiю, еще не вполнѣ изданнымъ. Со свойственной ему энергiей онъ начинаетъ хлопотать въ Московскомъ Обществѣ Исторiи и Древностей, членомъ котораго онъ былъ избранъ въ 1889 г., объ изданiи сочиненiй Крижанича. Хлопоты его увѣнчались успѣхомъ; нѣсколько молодыхъ московскихъ филологовъ взялись работать надъ приготовленiемъ къ печати сочиненiй Крижанича; но дѣло затянулось вслѣдствiе того, что одинъ изъ сотрудниковъ, талантливый молодой ученый (см. его статьи въ X, XI и XII томахъ «Archiv für slavische Philologie» по словянскому консонантизму, русскому синтаксису и друг., а также статью о палеографическихъ особенностяхъ погибшей рукописи «Слова о полку Игоревѣ», изданную Московскимъ Археологическимъ Обществомъ вмѣстѣ со статьей П. К. Симони) И. И. Козловскiй скоро послѣ того (осенью 1889 г.) скончался, а изъ остальныхъ многiе (въ томъ числѣ и самъ Шахматовъ) должны были оставить Москву; первый выпускъ, однако, вышелъ подъ редакцiей В. Н. Щепкина и г. Колосова [1]). За этотъ-же перiодъ времени вмѣстѣ съ Щепкинымъ Шахматовъ перевелъ грамматику старословянскаго яз. Лескина, присоединивъ собственныя замѣчанiя о фонетическихъ особенностяхъ и формахъ склоненiя въ языкѣ Остромирова Евангелiя. Сдавъ въ 1889 г. экзаменъ на степень магистра русской словесности и прочитавъ затѣмъ въ осеннiй семестръ 1890 г. въ качествѣ приватъ-доцента весьма интересный въ научномъ отношенiи курсъ исторической грамматики русскаго яз., который былъ литографированъ, но, къ сожалѣнiю, составляетъ библiографическую рѣдкость, Ш. по неизвѣстнымъ для меня причинамъ оставилъ университетъ и уѣхалъ въ Саратовскую губ., гдѣ взялъ предложенное ему мѣсто земскаго начальника. Не смотря на массу дѣла, отвлекающаго отъ спокойныхъ научныхъ занятiй, Ш. и при этихъ обстоятельствахъ не оставилъ науки и даже воспользовался своимъ положенiемъ, поставившимъ его въ непосредственное общенiе съ народомъ, для внимательнаго наблюденiя мѣстныхъ говоровъ Саратовскаго уѣзда. И вотъ черезъ три года на страницахъ Русскаго Филолог. Вѣстника появляется обширный трудъ, краткимъ изложенiемъ содержанiя и разборомъ котораго мы и хотимъ заняться. Конечно, обстоятельства, при какихъ автору приходилось работать надъ этимъ сочиненiемъ, не были особенно благопрiятны; нельзя было удѣлять слишкомъ много времени отдѣлкѣ сочиненiя съ внѣшней стороны, что̀ и сказалось на изложенiи; самъ авторъ сознается въ этомъ, но, конечно, не на это должна обратить вниманiе научная критика.

---

[1]) Въ настоящее время (въ 1895 г.) Шахматовъ печатаетъ въ Рус. Фил. В. свои изслѣдованiя объ ударенiи Ю. Крижанича.

О сочиненія Шахматова было двѣ рецензіи. Одна напечатана въ апрѣльской книжкѣ Ж. М. Н. Пр. 1894 г. и принадлежитъ проф. Соболевскому, другая въ XVI т. «Archiv für slavische Philologie» написана проф. И. В. Ягичемъ. Соглашаясь съ главнымъ упрекомъ обоихъ рецензентовъ автору въ догматичности изложенія, въ остальномъ я нахожу, кромѣ нѣкоторыхъ вѣрныхъ замѣчаній относительно частностей, рецензію проф. Соболевскаго не вполнѣ безпристрастной съ замѣчаніями же моего глубокоуважаемаго учителя И. В. Ягича, относящимися собственно только къ первымъ главамъ сочиненія, я могу согласиться лишь отчасти.

Приступая къ изложенію самаго сочиненія, я хотѣлъ бы обратить вниманіе на ту школу, которую прошелъ авторъ въ университетѣ, и которая отражается и въ прежнихъ его сочиненіяхъ и въ особенности въ послѣднемъ. Лингвистическое направленіе, сообщающее оригинальный характеръ трудамъ Ш—а, принадлежитъ проф. Ф. Ѳ. Фортунатову, который по своей глубокой учености, тонкому проникновенію въ фонетическія особенности разныхъ индо-европейскихъ, преимущественно же словяно-литовскихъ языковъ, а главное точному, строго научному методу изслѣдованія, безспорно занимаетъ первое мѣсто между русскими лингвистами *). Я не буду останавливаться на его печатныхъ трудахъ, которые я перечислилъ въ своей статьѣ въ «Запискахъ» Харьковскаго Университета (вып. IV 1894 г.); они могутъ дать лишь приблизительное понятіе о глубинѣ его познаній. Здѣсь не мѣсто также вдаваться въ изложеніе его многочисленныхъ оригинальныхъ и талантливыхъ гипотезъ, касающихся различныхъ частныхъ вопросовъ фонетики индо-европейскихъ языковъ. Я укажу только на общее свойство метода, которое проявляется во всѣхъ объясненіяхъ проф. Фортунатова и состоитъ въ томъ, чтобы для всѣхъ явленій новыхъ нарѣчій по возможности подыскивать причины въ фонетическихъ варіянтахъ уже праязыка, который, мы должны это помнить, самъ уже дробился на говоры, а не составлялъ идеальнаго единства, возможнаго лишь въ говорѣ одного человѣка; къ этому необходимо присоединить подробное изслѣдованіе всѣхъ условій возникновенія и дѣйствія каждаго фонетическаго закона.

Прошу извиненія у глубокоуважаемаго Ф. Ѳ. Фортунатова, если я неточно или, можетъ быть, даже невѣрно формулировалъ характеръ его лингвистическаго направленія; но я старался его опредѣлить въ немногихъ словахъ, на сколько это мнѣ по силамъ.

Сочиненіе Шахматова трактуетъ о звукахъ *е* и *о* въ русскомъ языкѣ (понимая «русскій языкъ» въ отвлеченномъ смыслѣ) и распадается на 23 главы. Такъ какъ съ первоначальными звуками *е* и *о* въ исторіи языка совпало много другихъ, а съ другой стороны съ измѣненіями ихъ стоятъ въ тѣсной связи измѣненія нѣкоторыхъ другихъ гласныхъ, то здѣсь читатель найдетъ отвѣты почти на всѣ важные вопросы русскаго вокализма [1]).

Первыя четыре главы авторъ называетъ вводной частью, но я назвалъ бы такъ собственно первыхъ двѣ, такъ какъ въ нихъ дѣло идетъ о первоначальныхъ звукахъ *е* и *о* въ общесловянскомъ и общерусскомъ яз., далѣе же говорится или о звукахъ этихъ въ заимствованныхъ словахъ или о тѣхъ звукахъ, которые совпадали съ *о* и *е* въ исторіи русскаго яз., иногда въ отдѣльныхъ лишь говорахъ. Здѣсь особенно сильно сказывается вліяніе школы проф. Фортунатова, причемъ авторъ въ предисловіи извиняется, что, высказывая положенія проф. Фортунатова, онъ не всегда ссылается на него. Но я бы даже и не поставилъ этого автору въ упрекъ, такъ какъ онъ настолько сильно проникся направленіемъ своего учителя, вполнѣ усвоивъ и переработавъ внутри себя самостоятельно его взгляды, что они стали и его собственными; съ другой стороны, многія самостоятельныя воззрѣнія ав-

*) См. ниже стр. 116.

[1]) Я долженъ замѣтить, что мое изложеніе здѣсь мало отличается отъ изложенія въ IV вып. 1894 г. «Записокъ Харьк. Унив.»; кое-какія прибавленія я сдѣлалъ лишь въ концѣ этой статьи.

тора обязаны именно тѣмъ задаткамъ, которые получены имъ отъ учителя. Можно только пожалѣть, что, высказывая здѣсь именно рядъ положеній, новыхъ и оригинальныхъ для всякаго, кто не знакомъ съ лекціями проф. Фортунатова, авторъ не хотѣлъ или не имѣлъ возможности, можетъ быть, вслѣдствіе спѣшности работы привести для нихъ какія-либо доказательства. Это и дало право проф. Соболевскому назвать эти положенія аксіомами, а проф. Ягичу сказать, что авторъ преподноситъ свои положенія догматически, и что доказательство ихъ лежитъ скрытымъ подъ замкомъ Фортунатовскихъ лекцій. Но, признавая этотъ недостатокъ, я никакъ не могу согласиться съ И. В. Ягичемъ въ томъ, чтобы самое стремленіе, общею нитью проходящее черезъ все сочиненіе, возводить діалектическія явленія новыхъ словянскихъ говоровъ къ праязычнымъ зачаткамъ было ошибочно. Стремленіе это можно подмѣтить во всемъ послѣ-Шлейхеровскомъ направленіи языкознанія, напр. у І. Шмидта и другихъ новыхъ западныхъ лингвистовъ, а у насъ у покойнаго А. А. Потебни [1]) и у Ф. Ѳ. Фортунатова; оно находится въ тѣсной связи съ теоріей постепеннаго развитія. Если считать построенія гг. Фортунатова и Шахматова произвольными, то не придется ли видѣть произволъ и въ построеніи *a*,*ᵉ* *a*ᵒ и *a* въ индоевропейскомъ праязыкѣ? Между тѣмъ этотъ гипотетическій произволъ, несомнѣнно, лучше произвола реальнаго, т. е. возведенія напр. разнообразія европейскаго вокализма къ одному древне-индійскому или иранскому *a*, какъ у Шлейхера, Курціуса и друг., или наоборотъ возведенія одного иранскаго *a* къ тремъ уже готовымъ европейскимъ звукамъ. Въ школѣ Фортунатова я замѣчаю лишь болѣе послѣдовательное проведеніе этого стремленія, вслѣдствіе чего оно кажется иногда слишкомъ смѣлымъ; но съ другой стороны именно вслѣдствіе этой послѣдовательности это стремленіе становится строго научнымъ принципомъ. Справедливо замѣчаніе проф. Ягича, что въ историческомъ развитіи говоровъ могутъ являться новыя причины звуковыхъ измѣненій, но мнѣ кажется, что новыя причины имѣютъ значеніе лишь направленія въ ту или другую сторону данныхъ уже въ праязыкѣ зачатковъ: онѣ могутъ содѣйствовать или ихъ полному исчезновенію или дальнѣйшему развитію. Съ другой стороны, предполагая уже въ праязыкѣ слабые оттѣнки позднѣйшихъ нарѣчій, мы можемъ допустить, что зачатки фонетическихъ измѣненій нѣкоторыхъ позднѣйшихъ нарѣчій были лишь въ нѣкоторыхъ говорахъ праязыка. Такъ напр. о предполагаемомъ Шахматовымъ общеслов. *ö* изъ *e* послѣ *ж*, *ч*, *ш*. *j*, *щ*, *ц*, *ѕ*, особаго [2]) рода *с* мы можемъ допустить или, что оно было уже во всѣхъ говорахъ общесловянскаго яз., но въ такой слабой степени, что въ нѣкоторыхъ изъ нихъ, а именно тѣхъ, которые легли въ основаніе позднѣйшихъ группъ чешской и южнословянскихъ, исчезло совсѣмъ, сблизившись въ произношеніи съ *e* послѣ другихъ согласныхъ, или что оно возникло, какъ слабая варіяція *e* лишь въ нѣкоторыхъ говорахъ общесловянскаго яз., а именно тѣхъ, которые легли въ основаніе позднѣйшихъ группъ русской, польской и лужицкой. То-же самое я скажу и о распространеніи этого измѣненія *e* на тѣ случаи, гдѣ передъ *e* были согласные полумягкіе, перешедшіе въ сѣверныхъ группахъ словянскихъ говоровъ въ мягкіе: *ö*, откуда потомъ *o*, послѣ всѣхъ согласныхъ передъ слѣдующимъ твердымъ слогомъ могло быть извѣстно и не во всѣхъ говорахъ общерусскаго яз., а лишь въ тѣхъ, которые легли въ основаніе группы восточно-русской. Повидимому, однако, авторъ понимаетъ дѣло въ первомъ смыслѣ, т. е. предполагая полное единство въ этомъ отношеніи какъ праязыка словянскаго, такъ и праязыка русскаго. Въ этомъ мы можемъ съ нимъ расходиться, но его построенія праязычныхъ измѣненій я всетаки считаю однимъ изъ главныхъ методологическихъ достоинствъ его книги. Другое методологическое достоинство ея я замѣчаю въ стре-

[1]) У него это стремленіе замѣтно въ изслѣдованіяхъ синтактическихъ, у другихъ преимущественно въ фонетикѣ, но принципъ одинъ: постепенное преобразованіе звуковъ и формъ.

[2]) Подъ особаго рода *с* разумѣется *с*, возникшее на словянской почвѣ изъ общесловянскаго *х*, напр. въ словѣ в ь с ь, вьсего и т. д. (сравните древне-русскія формы вхе Новгор. лѣт. и вхоу Вкладн. 1192 г.).

мленіи объяснять по возможности всѣ явленія языка звуковыми законами и не прибѣгать безъ крайней необходимости къ объясненію помощію дѣйствія грамматической аналогіи; это не значитъ допускать исключенія въ дѣйствіи звуковыхъ законовъ, какъ это замѣчается у лингвистовъ предшественниковъ Лескина, а значитъ только, что не всѣ законы намъ извѣстны, и дѣйствіе одного нерѣдко скрещивается съ дѣйствіемъ другого. Какъ средство объясненія, авторъ употребляетъ также взаимодѣйствіе между собою различныхъ говоровъ и справедливо признаетъ существованіе говоровъ смѣшанныхъ (стр. 166, 228).

Унаслѣдовавъ изъ общеслованской старины звукъ *ӧ* послѣ шипящихъ, *ц*, *ѕ*, особаго *с* и *j* и измѣнивъ его еще въ общерусскую эпоху въ *о*, откуда и въ великорусскомъ и малорусскомъ *чо*, *жо*, *шо*, *jo*, русская группа далѣе въ отношеніи звуковъ *е* и *і* распадается на двѣ главныя: югозападную, потерявшую старое свойство первоначальныхъ *е* и *і* смягчать предшествующіе имъ согласные звуки, вслѣдствіе котораго они еще въ общесловянскую эпоху были полумягкими, а въ общерусскую становились (по крайней мѣрѣ діалектически) еще болѣе мягкими, и измѣнившую старые звуки *е* и *і* небные въ гортанно-небные *э* и *и*, причемъ въ послѣднемъ звукѣ слилось въ большинствѣ говоровъ и старое *ы*, и восточную, сохранившую старое свойство *е* и *і* и можетъ быть развившую его еще далѣе, такъ такъ весьма вѣроятно, что небность *е* и *і* въ общерусскую эпоху была слабѣе, чѣмъ въ нарѣчіяхъ восточнорусскихъ; зачатки малорусской твердости должны были быть еще въ діалектахъ общерусскаго языка [1]). Когда вмѣсто старыхъ *е*,*ӧ* и *і* въ югозападныхъ говорахъ явились звуки *э* и *и*, согласные звуки, имъ предшествовавшіе, потеряли свою мягкость. Что мы имѣемъ здѣсь дѣло съ измѣненіемъ характера гласныхъ, а не простой потерей мягкости предшествующихъ согласныхъ, доказывается тѣми случаями, когда *е* или *і* подвергались сокращеніямъ и оставляли свой слѣдъ въ мягкости согласныхъ (въ оконч. неопредѣл. наклон. и 2 л. множ. ч. повелит. наклон.) [2]), также такими, какъ tʹma (т’ма) при тэмный, т. е. когда старое ь исчезало, оставляя слѣдъ въ мягкости предшествующихъ согласныхъ, въ однѣхъ формахъ и переходило въ *е*, откуда *э*, въ другихъ формахъ, наконецъ тѣми, когда вмѣсто *э* изъ *е* черезъ посредство ӧ являлось *о* подъ вліяніемъ формъ съ мягкой согласной послѣ выпаденія стараго ь являлось о (lʹon при lʹna вмѣсто лэн) [3]). Мнѣ кажется только, что измѣненіе *е* и *і* въ гортанноне6ные звуки само по себѣ еще не могло-бы повлечь за собой потерю мягкости предшествовавшихъ согласныхъ, такъ какъ вѣдь въ великорусскихъ говорахъ въ неударяемыхъ слогахъ явились же также гортаннонебные звуки (см. у Шахматова стр. 196), которые Ш. вслѣдъ за Сиверсомъ (Grundzüge der Phonetik, стр. 95) обозначаетъ буквами *а*, *о*, *е* съ точкою надъ ними, а между тѣмъ передъ такимъ гортаннонебнымъ *е* согласные продолжали оставаться мягкими. Разница должна была быть или въ качествѣ самого гортаннонебнаго гласнаго въ великорусскомъ и малорусскомъ или въ степени мягкости предшествующихъ согласныхъ, и послѣднее мнѣ кажется особенно вѣроятнымъ: несомнѣнно, въ періодъ выдѣленія изъ общерусскаго яз. малорусской группы говоровъ согласные еще не достигли той крайней степени мягкости, которая имъ стала свойственна въ позднѣйшихъ великорусскихъ говорахъ; а что гортаннонебные звуки могутъ содѣйствовать утратѣ слабой степени мягкости, это доказываютъ факты нѣкоторыхъ болгарскихъ говоровъ, въ которыхъ при измѣненіи неударяемыхъ *е* и *і* въ глухіе, вѣроятно, гортаннонебные звуки (на письмѣ обознач. черезъ *ъ* или ж) предшествующіе имъ согласные теряютъ мягкость: дъсна́ вм. десна́, състра́ вм. сестра́, зжмя̀ (зъмя̀) вм. земя̀ (не слѣдуетъ смѣшивать зжмя̀ вмѣсто змия̀,

[1]) Сравн. замѣчаніе Потебни, что невѣроятно, «чтобы когда либо *е* въ украинскомъ произносилось слишкомъ мягко» («Два изслѣдованія», 120). Не имѣя подъ рукой указаннаго сочиненія А. А. Потебни, привожу эти слова изъ книги Колосова («Обзор. звук. и форм. особен. нар. русск. яз.», стр. 67).

[2]) Это указано еще Потебнею («Два изслѣдованія», 120).

[3]) См. стр. 102—103, 105—106.

что также встрѣчается), го́дэн вм. го́дин(ъ) и т. п (см. Словарь болгар. яз. А. Л. Дювернуа, Сборн. болгар. пѣсенъ Дозона, Обзоръ звуковыхъ и формальныхъ особенностей болгар. яз. П. А. Лаврова, стр. 48—49, Ant. Kalina, Studyja nad historyją języka bułgarskiego, §§ 16 и 26), хотя не во всѣхъ говорахъ (въ Коночіи, по свидѣтельству Калины, остается мягкость); это отвердѣніе согласныхъ подтверждаетъ и проф. М. С. Дриновъ.

Другихъ характерныхъ явленій, положившихъ грань между двумя группами русскихъ говоровъ, Ш. касается въ главѣ 4-й. Здѣсь авторъ указываетъ на измѣненіе слоговыхъ *ъ*, *ь*, й «иррацiональнаго» (терминъ проф. Фортунатова, означающій звуки неполнаго образованія), явившаюся изъ *ь* послѣ смягченныхъ согласныхъ еще въ общеславянскую эпоху, въ нарѣчіяхъ русскаго яз. Здѣсь справедливо указывается на то, что неслоговые *ъ* и *ь* исчезали не сразу во всякомъ положеніи, а кое-гдѣ сохранялись еще по причинамъ частію фонетическимъ, частію нефонетическимъ въ XIII—XIV столѣтіяхъ; такіе случаи особенно при плавныхъ. Именно тутъ проявляется разница между юго-западными и восточными нарѣчіями: въ великорусскомъ изъ древнерусскаго кръви получалось потомъ кровй. въ малорусскомъ и частію бѣлорусскомъ крывй и т. п. Но, желая быть вѣрнымъ системѣ распредѣленія русскихъ говоровъ по группамъ, авторъ, мнѣ кажется, прибѣгаетъ къ натяжкѣ: относя бѣлорусское нарѣчіе къ восточно-русской группѣ, онъ предполагаетъ для бѣлорус. кры—иное объясненіе, чѣмъ для малорусскаго (стр. 44), а именно, что общерусск. кръвй съ неслогов. *ъ* измѣнялось или въ крви или въ крывй съ *ы* ирраціональн. слоговымъ (по моему—съ слоговымъ *ъ*) [1]), откуда въ малорусскомъ крывй (у Квитки), въ восточно-русск. кровй съ о склоннымъ къ u, что давало затѣмъ въ бѣлорусск. крывй, а въ великорусскомъ кровй, кравй, такъ что одно и тоже *ы* въ бѣлорусскомъ и малорусскомъ получилось, по его мнѣнію, разными путями; замѣчу, впрочемъ, что, конечно, невозможнаго тутъ ничего нѣтъ (сравните напр. дебрск. македонск. рока съ хорутанско-словѣнск. гока; то и другое изъ общеслов. ржка, но, вѣроятно, разными путями). Разница русскихъ нарѣчій сказалась и въ измѣненіи слоговыхъ ирраціональныхъ *у*(ы) и *i*: въ восточно-русскихъ нарѣчіяхъ они измѣнились въ звуки о склон. къ u (не смягчившее предшествующаго согласнаго) и *е* склон. къ *i* (стр. 38), а далѣе въ бѣлорусскомъ отсюда изъ перваго звука *э* въ ударяемыхъ слогахъ и *ы* въ неударяемыхъ, изъ второго—*i*, въ великорусскомъ въ нѣкоторыхъ говорахъ тоже *э* (удар.), *ы* (неудар.) и *i*, но б. ч. *о* (удар.), *ы* (неудар.), *е* (удар.), *i* (неудар): бѣлор. маладэ́й при добры, великорус. великолуцк. талстэ́й при милый и т п. (стр. 39—41); дѣйствительно бѣлорусскіе говоры пережили здѣсь явленія, кажется, общія съ говорами великорусскими, какъ на это указываетъ часть великорусскихъ говоровъ, въ противоположность малорусскимъ, гдѣ *ы* или *и* среднее какъ изъ первонач. иррац. *ы*, такъ и изъ *i*; но сомнительно, чтобы о склонное къ u изъ иррац. слоговаго *ы* явилось еще въ общерусскую эпоху (стр. 45), т. е. что и малорус. *ы* явилось не прямо изъ *ы*, а черезъ посредство этого о склон. къ u. Съ бѣлорусскимъ и частію великорусскимъ э́й въ имен. пад. един. ч. муж. р. не слѣдуетъ смѣшивать діалектическаго бѣлорусскаго и великорусскаго (во многихъ приволжскихъ и присурскихъ говорахъ) э́и (э́я) въ именит. множ. ч. прилагательныхъ, причемъ звукъ *э* проводится (если на немъ удареніе) въ этихъ говорахъ по формамъ всѣхъ падежей множ. ч., но не слышится именно въ именит. един. ч.; я считаю также совершенно невѣрнымъ мнѣніе, будьто эти говоры носятъ какой-то бѣлорусскій оттѣнокъ (сравн. мои статьи въ X т. «Archiv für slavische Philologie», стр. 349—351, и XI т. стр. 320, а также во 2 кн. «Живой Старины» 1894 г.). Въ главѣ 4-ой Шахматовъ указываетъ также на появленіе ирраціональн. слогового *ы* на концѣ словъ вмѣсто неслоговаго *ъ* тамъ, гдѣ было стремленіе удержать звукъ по

---

[1]) Впрочемъ, употребляя выраженіе: «ирраціональное слоговое *ы*», Шахматовъ желаетъ м. б. болѣе точно опредѣлить характеръ звука, такъ какъ подъ *ъ* могутъ разумѣться звуки вообще ирраціональные, глухіе безъ ближайшаго опредѣленія, какіе именно.

причинамъ нефонетическимъ: добры вмѣсто добр при формѣ жен. р. добра, т. е. въ ф. муж. р удерживалось два слога, потому что столько-же было въ формѣ жен. р.; далѣе такая форма, какъ добры (какъ сказуемое) ассимилировалась въ нарѣчіяхъ съ мѣстони. формой добрый (первоначально только какъ опредѣленіе) и исчезала. Но въ сѣверновеликорусск. являлось тутъ иногда *о*, а діалектически *е* (изъ ъ, которое изъ иррац. *ы*); такимъ образомъ, въ памятникахъ сѣверныхъ находимъ: плуго Двин. грам. XVI в., Смоленьско, Волхово (Новгор. лѣт.) и т. п. при вѣдале Варламе (вклад. 1192 г.) и мног. другихъ примѣрахъ *е* въ окончан. словъ муж. р., извѣстныхъ всѣмъ изслѣдователямъ исторіи русскаго яз.; любопытно, что это *е*, смягчающее предыдущ. согласн., сохранилось въ говорахъ и теперь: въ великолуцкомъ уѣздѣ въ формѣ имен. един. ч. муж. р. прилагательныхъ, употребленныхъ въ смыслѣ сказуемаго, слышно въ неудар. слогѣ *и* (изъ *е* склон. къ *і*): лёнъ волокнисти, собой чисти (стр 49).

Третьимъ важнымъ явленіемъ, характеризующимъ раздѣленіе русскихъ говоровъ на двѣ группы, была судьба долгихъ гласныхъ *е*ⁱ, *ö* и *о* въ нарѣчіяхъ общерусскаго яз. Еще въ 1-ой гл. (стр. 4) авторъ указалъ на появленіе долгихъ гласныхъ *е*, *о*, *ö* еще въ общесловянскую эпоху въ положеніи передъ согласн. [1]) съ неслоговымъ *ъ* и *ь*. Въ главѣ 8-ой (стр. 94 — 96) онъ указываетъ на различную судьбу ихъ въ русскихъ нарѣчіяхъ: въ однихъ они сократились, и изъ возъ, мöдъ съ *о* и ö долгимъ и *ъ* неслогов. здѣсь получились воз(ъ), мöд(ъ) (восточнорусская группа); въ другихъ они сохранялись долгими и распались затѣмъ на дифтонгическія сочетанія *іе*ⁱ, *üö* и *уо* (западнорусская группа). Но часть восточнорусскихъ нарѣчій, повидимому, продолжала и послѣ отдѣленія югозападной группы сохранять долготу въ указанномъ положеніи, замѣнивъ её дифтонгами, какъ на это указываютъ бѣлорусскіе говоры Могилевской и Минской губ., гдѣ встрѣчается двуор, вуол, піечи т. п. (стр. 95 — 96); Довнаръ-Запольскій («Жив. Стар».1893, вып. 1) приводитъ даже вуовк, буорздый, гдѣ дифтонгъ изъ *о*, замѣнившаго *ъ*, изъ говора Минскаго уѣзда, а также коунь, гдѣ дифтонгъ оу. На возраженіе проф. Соболевскаго (Ж. М. Н. Пр. 1894, апрѣль, стр. 429), что «ц. славянскіе стихи и нотныя книги не даютъ намъ ни малѣйшаго права говорить о неслоговомъ произношеніи *ъ* въ богъ и т. п.», я думаю отвѣтить такимъ образомъ, что, такъ какъ *ъ* въ такомъ положеніи не исчезало вполнѣ въ обыденной и прозаической рѣчи, а лишь становилось неслоговымъ подобно французскому «*е* muet», то естественно, что въ стихахъ, а иногда и въ прозѣ подъ вліяніемъ двусложности формъ другихъ падежей (какъ въ прилагательныхъ ф. имен. ед. муж. р. подпала вліянію формы имен. ед. жен. р.) *ъ* неслог. могъ получать слоговой характеръ, причемъ предшествующій слогъ, вѣроятно, сокращалъ свои долгіе или полудолгіе [2]) звуки *е* и *о*, перенося часть длительности на слѣдующій слогъ (сравн. франц. lune въ стихахъ); кромѣ того, необходимо предположить, что степень долготы этихъ среднихъ *е* и *о* въ общесловянскую эпоху была не та, что въ эпоху общерусскую, а въ эпоху общемалорусскую опять иная; также возможно опять то предположеніе, которое я принимаю и относительно другихъ фонетическихъ явленій, что уже въ общесловянскомъ, а затѣмъ и общерусскомъ различные говоры были въ этомъ отношеніи неодинаковы.

Глава 10-я посвящена авторомъ этимъ дифтонгическимъ сочетаніямъ въ западнорусскихъ нарѣчіяхъ. Здѣсь я несогласенъ съ авторомъ въ томъ, чтобы дифтонги сѣверно-малорусскихъ говоровъ были неархаичны (стр. 120). Конечно, мы не имѣемъ права видѣть въ нихъ прямые прототипы украинскаго *і*, ибо и они должны были имѣть свою исторію, но нѣтъ основанія считать ихъ заимствованіями изъ сосѣднихъ

---

[1]) Такъ я замѣняю употребленное авторомъ, вѣроятно, по недосмотру выраженіе: «передъ слогомъ съ неслоговымъ ъ и ь»; такъ какъ слогъ могъ сохраниться лишь до тѣхъ поръ, пока ъ и ь были еще слоговыми.

[2]) Впрочемъ формы сербск. род. п. множ. ч. говорятъ противъ необходимости подобнаго сокращенія (см. напр. Гавић, Studije o hrvat. akcentu, стр. 4, 12 и др.).

говоровъ бѣлорусскихъ только потому, что въ сѣверно-малорусскихъ говорахъ и въ другихъ явленіяхъ замѣчается совпаденіе съ бѣлорусскими говорами. Несомнѣнно только, что сѣверно-малорусскіе, какъ и южно-бѣлорусскіе говоры принадлежатъ къ разряду говоровъ смѣшанныхъ въ болѣе тѣсномъ смыслѣ (въ широкомъ смыслѣ слова несмѣшанныхъ говоровъ не бываетъ), но мнѣ кажется, нельзя рѣшить, которой изъ легшихъ въ ихъ основаніе особи принадлежатъ сохранившіеся въ нихъ дифтонги. И такъ я остаюсь при мнѣніи А. А. Потебни, которому, правда, еще не были извѣстны бѣлорусскіе дифтонги, открытые лишь въ самое послѣднее время Довнаръ-Запольскимъ. Но вполнѣ соглашаюсь съ авторомъ въ томъ, что дифтонгическія сочетанія должны были существовать въ древнѣйшую эпоху въ бѣлорусскихъ и южновеликорусскихъ говорахъ, и мнѣ кажется вѣроятнымъ, что именно новый законъ объ удареніи, ослабившій неударяемые слоги, повліялъ на исчезновеніе этихъ дифтонговъ въ большинствѣ великорусскихъ и бѣлорусскихъ говоровъ, такъ что, чередуясь съ краткими монофтонгами [1]) въ неударяемыхъ слогахъ, дифтонги ударяемыхъ слоговъ (изъ старыхъ долгихъ) подъ вліяніемъ чередованія неударяемыхъ монофтонговъ съ ударяемыми въ старыхъ краткихъ слогахъ замѣнились также монофтонгами, въ большинствѣ говоровъ тѣми-же, что являлись подъ удареніемъ въ старыхъ краткихъ по положенію слогахъ.

Авторъ подробно останавливается на исторіи звука *ѣ*, причемъ обращаетъ вниманіе и на правописаніе памятниковъ и на явленія живыхъ говоровъ. Въ памятникахъ онъ различаетъ передачу церковно-словянскаго *ѣ* отъ передачи *ѣ* русскаго. Передачу *ѣ* через *е* въ текстахъ церковнаго характера онъ объясняетъ разностью произношенія *ѣ* ц. словянскаго и *ѣ* русскаго. Эту мысль онъ высказалъ еще въ «Изслѣдованіи о языкѣ новгородскихъ грамотъ», но тамъ онъ иначе опредѣлилъ характеръ звука *ѣ* въ старословянскомъ яз., чѣмъ здѣсь. А именно, въ «Изслѣд. о яз. новгор. грам.» (стр. 212) онъ говоритъ: «можно думать, что *ѣ* было въ нѣкоторыхъ старослав. говорахъ открытымъ, опредѣляя его за Фортунатовымъ... какъ звуковое сочетаніе изъ *і+е* открытое». Въ разбираемомъ-же сочиненіи (стр. 134) говорится: «Если предположить, что звукъ, соотвѣтствовавшій русскому звуку *ѣ*, звучалъ въ старослав. нарѣчіи, легшемъ въ основаніе нашего церковнаго языка, не какъ *іе*, а какъ монофтонгъ, а такое предположеніе, думаю, не можетъ встрѣтить затрудненій ни въ старославянскихъ памятникахъ, ни въ дальнѣйшей судьбѣ старослав. нарѣчій, то придемъ къ заключенію, что церковное *ѣ* въ русскомъ правописаніи не могло передаваться дифтонгомъ *іе*, а должно было передаваться монофтонгомъ изъ ряда звуковъ *е*... Очевидно, русское *е*[і] всего ближе передавало старослав. звукъ... *ѣ* церковныхъ книгъ... читалось какъ *е*[і] »... Такимъ образомъ, признавая раньше *ѣ* церковное дифтонгическимъ сочетаніемъ открытымъ во второй части, Ш. здѣсь признаетъ его звукомъ монофтонгическимъ и закрытымъ (склоннымъ къ *і*) (ср. также гл. 3, стр. 25), причемъ указаніе на *е* склон. къ *і* Ш. видитъ не въ рѣдкой замѣнѣ *е* изъ церковн. *ѣ* черезъ *и* въ памятникахъ (Сборн. 1073 г., Мин. 1095 г.), а также въ томъ, что памятники, употребляющіе *ѣ* вм. *е* въ положеніи передъ небными звуками, употребляютъ *ѣ* и вмѣсто церковнаго *ѣ* (стр. 26), между тѣмъ какъ въ памятникахъ, не смѣшивающихъ *е* и *ѣ* въ русскихъ словахъ, церковныя слова пишутся черезъ *е* вм. *ѣ*; къ числу такихъ книжныхъ формъ, не провѣрявшихся въ народномъ языкѣ, не находившихъ въ немъ себѣ соотвѣтствія, относится напр. предлогъ прѣ=рус. пере—, а также вообще неполногласныя формы съ *рѣ* вмѣсто рус. ере, которыя и писались б. ч. черезъ *е* (пре—,древо и т. п.). Такое-же произношеніе *е*[і] Ш. предполагаетъ и для всякаго вообще церковнаго *е* въ русскомъ яз. Хотя нельзя не согласиться съ убѣдительностью доводовъ въ пользу того, что русскіе писцы читали ц. словянское *ѣ* какъ закрытое *е*, склонное къ *і*, тѣмъ не менѣе и словянскіе памятники древнѣйшіе нерусскаго письма и особенно глаголическіе, мнѣ кажется, никакъ не говорятъ въ пользу такого произношенія *ѣ* въ старословянскихъ го-

[1]) Вмѣсто старыхъ долгихъ неударяемыхъ.

ворахъ; напротивъ, одинаковость знака для *ѣ* и *ja* (я) въ глаголическомъ письмѣ говоритъ въ пользу произношенія *ѣ* какъ звука открытаго и, если это былъ дифтонгъ, склоннаго къ *a* во второй своей части; вслѣдствіе этого я считаю болѣе вѣроятнымъ предположеніе о произношеніи *ѣ* въ старословянскомъ, высказанное авторомъ въ прежнемъ своемъ сочиненіи. Что-же касается русскаго *ѣ*, то, между тѣмъ какъ въ «Изслѣдован. о языкѣ новгор. грам.» стр. 212—213 авторъ предположилъ въ немъ дифтонгическое сочетаніе *ie* съ *e* закрытымъ, здѣсь онъ говоритъ, что это *ie* еще въ общерусскую эпоху подобно всякому *e* становилось во второй своей части закрытымъ передъ слѣдующими мягкими звуками, а передъ твердыми и въ конечномъ открытомъ слогѣ было открытымъ. Въ югозападной группѣ говоровъ въ этихъ дифтонгахъ, какъ и въ новыхъ дифтонгахъ изъ долгаго *e*, получила большею частью преобладаніе первая часть (*i*), откуда украинское и галицкое *i*. Относительно произношенія *ѣ* въ восточно-русскихъ нарѣчіяхъ Ш. на основаніи изслѣдованія правописанія памятниковъ и произношенія живыхъ говоровъ приходитъ къ слѣдующимъ выводамъ (гл. 12, стр. 163, гл. 14, стр. 195): слѣдуетъ различать три группы говоровъ, при чемъ во всѣхъ трехъ дифтонги перешли въ монофтонги; въ группѣ А дифтонги ie^a и ie^i измѣнились въ ударяемыхъ и непосредственно предшествующихъ ударенію слогахъ въ e^i и *ä* закрытое, въ прочихъ въ *e* гортаннонебное закрытое; въ гр. В они измѣнились подъ удареніемъ въ e^a и e^i, въ слогѣ предшествующ. ударенію въ *ä* закрыт., въ прочихъ въ *e* гортаннонебн. закрытое; въ гр. С. подъ удареніемъ и непосредств. передъ удар.—въ e^a и e^i и въ *ä* откр. и *ä* закр., въ прочихъ неударяемыхъ слогахъ первое въ *ä* (откуда *a* или *я*) или *e* гортаннонебное, второе въ *e* гортаннонебное [1]). Подъ А разумѣются говоры сѣверновеликорусскіе, въ которыхъ закрытое *e* и до сихъ поръ мѣстами слышится вмѣсто стараго *ѣ* даже передъ слѣдующ. твердымъ слогомъ, чередуясь иногда, особенно передъ мягкимъ слогомъ, со звукомъ *i*, который Ш. объясняетъ изъ *ie* черезъ посредство i^e; такое *и* вмѣсто *ѣ* встрѣчается въ памятникахъ съ XIV вѣка и особенно часто въ XV и XVI в. (Шахм. стр. 168—169); а то *и* вм. *ѣ*, которое находимъ въ памятникахъ XI—XII в., по мнѣнію Шахматова, представляетъ церковное произношеніе *ѣ* какъ закрыт. *e* склон. къ *i* (стр. 137). Группы В и С заключаютъ въ себѣ говоры южновеликорусскіе и бѣлорусскіе.

Въ слѣдующихъ главахъ, начиная съ 13-ой, дѣло идетъ о различныхъ измѣненіяхъ, которымъ подверглись гласные *e*, *o*, *a* въ восточнорусскихъ нарѣчіяхъ, благодаря появленію новаго закона объ удареніи словъ. Сначала Ш. даетъ опредѣленія тѣхъ гласныхъ ряда *o*, *e*, какіе были, по его мнѣнію, въ общерусскомъ яз. Онъ думаетъ именно, что общерусскіе звуки *o*, *e*, *ö* были открытыми и склонными къ *a*. Только *e* передъ мягкимъ звукомъ было закрытымъ *ä*. Предположеніе о склонности къ *a* звука *o* онъ старается подтвердить какъ передачей греческихъ словъ, въ которыхъ α передавалась черезъ ο, а ο черезъ α (грам*о*та, тим*а*ѳей; крыл*а*съ=греч. κλῆρος), такъ и появленіемъ *a* вмѣсто *o* передъ слогомъ съ слѣдующ. ударяем. *a* въ малорусскихъ словахъ: б*а*гатъ, г*а*раздъ, г*а*рячій, гдѣ *o* неударяемое склонное къ *a* замѣнилось подъ вліяніемъ яснаго *a* слѣдующаго слога черезъ *a*. Переходя къ вопросу объ удареніи въ общерусскомъ языкѣ, Ш. предполагаетъ, что оно было, вѣроятно, музыкально-экспираторнымъ [2]), т. е. распредѣлялось равномѣрно между всѣми частями слова, достигая въ одномъ изъ слоговъ наибольшаго напряженія. Этотъ характеръ ударенія измѣнился въ восточнорусскихъ нарѣчіяхъ такимъ образомъ, что удареніе приняло исключительно экспира-

---

[1]) Надо замѣтить, что звуки e^i и e^a являлись, по предположенію автора, лишь подъ удареніемъ, въ неударяемыхъ-же слогахъ *ä* закрытое и *ä* открытое (т. е. звуки съ менѣе опредѣленнымъ характеромъ *e*), которыя въ общерус. яз. предполагаются и для ударяем. слоговъ.

[2]) Сравните его соображенія объ удареніяхъ общесловянскихъ и общесербскихъ въ статьѣ «Къ исторіи сербско-хорватскихъ удареній», стр. 40—62.

торный характеръ: вся сила его стала падать на одинъ слогъ, что сопровождалось ослабленіемъ слоговъ неударяемыхъ. Вліяніе новаго ударенія сказалось на измѣненіи какъ ударяемыхъ, такъ и неударяемыхъ гласныхъ. Подъ удареніемъ они получили бо́льшую окраску лежащаго въ основаніи ихъ звука: ӓ (такъ авторъ обозначаетъ общерусскій звукъ *е*) открытое измѣнилось въ *е* открытое e^{a}, e^{a}) и совпало такимъ образомъ со звукомъ e^{a}, являвшимся подъ удареніемъ въ говорахъ В и С изъ дифтонгич. сочетанія ie^{a}, ӓ закрытое въ *е* закрытое и совпало съ e^{i} изъ ie^{i} въ тѣхъ-же говорахъ, а въ говорахъ А изъ ie^{a}, o^{a} и ŏ склоп. къ *а* перешли въ *о* открытое, не склонное къ *а*. Такимъ образомъ явились напр. восточнорус. спитé вмѣсто спитӓ, родит. ед. менé вмѣсто менӓ (изъ послѣдняго при энклитич. употребленіи получалось меня, которое затѣмъ въ нѣкоторыхъ говорахъ вытѣснило менé и стало употребляться и съ удареніемъ на *я*), вин. ед. ч. вóду, вéсну съ открытымъ яснымъ *о* вмѣсто болѣе древнихъ во(а)ду, вŏсну съ *о* и *ŏ* склонными къ *а* и т. п. Здѣсь-же авторъ приводитъ древнѣйшіе примѣры измѣненія въ *о* открыт. звука ŏ склон. къ *а*, который обыкновенно означался на письмѣ черезъ *е* (слѣдоват. не отличался отъ *ӓ*); они восходятъ къ XIII в. (болѣе ранніе примѣры XI в. Ш. считаетъ описками). Въ слѣдующей (14-ой) гл. говорится объ измѣненіи неудар. гласныхъ въ восточнорусскихъ нарѣчіяхъ. Слогъ, непосредственно предшествующій ударяемому, по мнѣнію автора, сохранилъ тотъ самый экспираторный вѣсъ, съ которымъ былъ полученъ въ общерусскомъ языкѣ, такъ что гласные звуки здѣсь остались безъ измѣненія: здѣсь сохранились ӓ закрытое, ӓ открытое (изъ *ѣ*) *о* склонное къ *а*: länív, näsí, päsók, v$o_a$dá и т. п. [1]). Въ прочихъ неударяемыхъ слогахъ изъ *а*, o^{a}, *ӓ* развились звуки гортаннонебные (Ш. вслѣдъ за Сиверсомъ означаетъ ихъ черезъ *а*, *о*, *е* съ точкою надъ ними), болѣе гласныхъ другого мѣста образованія способные къ ослабленію (редукціи). Здѣсь мнѣ кажется ошибочнымъ подведеніе всѣхъ прочихъ неударяемыхъ слоговъ подъ одно, между тѣмъ какъ въ слогѣ закрытомъ послѣ ударенія степень ослабленія гласнаго, несомнѣнно, больше, чѣмъ въ слогѣ открытомъ; кромѣ того, несомнѣнно, должны оказывать вліяніе сопровождающіе гласный согласные: при плавныхъ и, кажется, особенно *л* ослабленіе гласныхъ должно быть значительнѣе, чѣмъ при другихъ согласныхъ. Вслѣдствіе этого я думаю, что неудобно совершенно одинаково обозначать черезъ *а* и *о* съ точкою надъ ними такіе различные звуки, какъ конечное *о* въ словѣ сáло и *о* слога ко въ словѣ óколо, первое *о* въ словѣ головà, второе *о* въ словахъ гóлову и гóрод(ъ), какъ конечное *а* въ словѣ сѝла, *а* второго слога въ словѣ плáкали, *а* начальнаго слога въ словѣ ст*а*рикỳ. Хотя въ говорахъ должны быть различія, а съ другой стороны качество и степень слабости неударяемыхъ гласныхъ зависятъ отъ качества сосѣднихъ согласныхъ, всетаки несомненно, что только закрытый слогъ послѣ ударяемаго по степени слабости можетъ равняться слогу третьему передъ удареніемъ (считая первымъ слогъ ударяемый), слогъ-же послѣ ударенія открытый (конечный) сильнѣе [2]). Поэтому, обозначая черезъ *а*, *о* съ точкою надъ ними конечные гласные словъ сѝлȧ, сȧлȯ, óкълȯ, я вслѣдъ за Богородицкимъ предложилъ-бы употреблять *ъ* для *а* и *о* въ другихъ неударяемыхъ и не предшествующихъ непосредственно ударенію слогахъ: гълова́, плàкъли, стърикỳ, гóрълд (или гóрът); въ случаѣ діалектическаго ослабленія гласнаго (напр. при *л*.) до нуля можно писать только букву сопровождающаго его согласнаго съ точкою или буквой *ъ* подъ или надъ ней. О явленіяхъ дальнѣйшаго ослабленія и совпаденія между собою звуковъ ȧ и ȯ у Шахматова дальше въ главѣ 22-ой [3]).

---

[1]) Разумѣется, *l*, *n* и *p* небные, но я боюсь затруднить типографію постановкой еще знака *i*, какъ знака небности, надъ ними.

[2]) Богородицкій: «Гласные безъ ударенія въ общерусскомъ языкѣ», Казань, 1884, главы III, IV и V. Разумѣется, въ плавной рѣчи, когда конецъ одного слова непосредственно примыкаетъ къ началу другого, открытый слогъ можетъ стать закрытымъ.

[3]) См. стр. 268, 279, 290—291 (о полномъ сокращеніи и исчезновеніи гласныхъ *ȧ* и *ȯ*).

Главы 15-я, 16-я, 17-я, 18-я и 19-я заняты вопросомъ о вліяніи небныхъ согласныхъ на гласные *а—о* въ восточнорусскихъ нарѣчіяхъ. Сначала разсматриваются тѣ наиболѣе распространенныя явленія, когда послѣ всякихъ согласныхъ мягкихъ (т. е. какъ тѣхъ, которые ведутъ свое начало отъ старыхъ мягкихъ, такъ и тѣхъ, которые въ общерусскую эпоху начали образовываться, а въ восточнорусскую окончательно образовались изъ общесловянскихъ полумягкихъ) въ неударяемыхъ слогахъ гласные *а* и *о* подверглись измѣненію въ томъ смыслѣ, что они получили небную окраску, такъ что вмѣсто *а* и *о* является въ нихъ *е* закрытое (собств. *ӓ*, такъ какъ *е* являлось лишь подъ удареніемъ). Эти говоры названы Шахматовымъ говорами β для отличія отъ говоровъ α, которые такого измѣненія не знали. Такимъ образомъ вмѣсто общевосточнорусскаго vⁱ o ᵃ sná въ говорахъ α является в ё с н á или в я с н á (т. е. съ *о* или *а* послѣ мягкаго *в*), въ говорахъ-же β—ве ⁱ сна́ (точнѣе v ⁱ ӓ ⁱ snà), откуда въ нѣкоторыхъ говорахъ съ измѣненіемъ ӓ склоннаго къ *і* въ *і*— в и с н а́. Такому-же измѣненію подверглись и старое *а* послѣ мягкихъ согласныхъ, если послѣдніе не успѣли отвердѣть до начала дѣйствія указаннаго закона: ч*е*сы́ (*ч* и теперь еще во многихъ говорахъ, особенно сѣверныхъ и московскихъ, мягко) и даже ж*е*ры́, ц*е*ря̀ (*ж* и *ц* отвердѣли позднѣе дѣйствія указаннаго закона), а также звукъ *ӓ* открытый, происшедшій изъ *je* ᵃ (ѣ): л*е*са́ — лиса́. Существуютъ говоры, гдѣ и ударяемое *а* послѣ мягкихъ согласныхъ измѣнилось черезъ посредство *ӓ* въ *е*: кн*е*зь, з*е*ть и т. п. Дѣленіе α и β не совпадаетъ съ дѣленіемъ А и В. Говоры α и β одинаково могутъ встрѣчаться и въ сѣверномъ, и въ южновеликорусскомъ нарѣчіи. Самымъ типичнымъ говоромъ β авторъ считаетъ московскій; кромѣ него, вполнѣ послѣдовательнаго говора β не встрѣчается въ южновеликорусскомъ и бѣлорусскомъ. Авторъ приводитъ примѣры изъ памятниковъ, которые восходятъ къ XIII в. (Синод. сп. I Новгор. л.), причемъ это закрытое *ӓ* обозначалось черезъ *ѣ* (*всѣго*, *вѣдоша* и т. п.) (стр. 201). Указанное явленіе замѣчается и въ неударяемыхъ слогахъ, гдѣ напр. вмѣсто *ӧ* изъ ӧ является *ė* закрытое, и встрѣчается также уже въ Синод. спискѣ 1-й Новгор. лѣт.: гор*ѣ*, вс*ѣ* вмѣсто вс*е* въ энклитическомъ употребленіи и т. п. (стр. 223). Затѣмъ (въ главахъ 17-ой и 18-ой) дѣло идетъ о діалектическомъ измѣненіи звуковъ *а—е—о* подъ вліяніемъ смягченныхъ согласныхъ въ древне-псковскомъ говорѣ, который извѣстенъ, благодаря проф. Соболевскому, собравшему матеріалъ для характеристики его изъ рукописей въ своихъ «Очеркахъ изъ исторіи русскаго яз.», а также и о другихъ сходныхъ болѣе рѣдкихъ діалектическихъ явленіяхъ; въ 19-ой о сѣвернорусскомъ діалектическомъ измѣненіи ударяемаго и неударяемаго *е* закрытаго въ *і*; особенно замѣчательно измѣненіе именно ударяемаго *е*, какъ напр. петрозавод. дв*и*рь, п*и*чка (стр. 246), в Милници Ипат. лѣт. 561 (стр. 243), такъ какъ таковое измѣненіе неудар. *е* извѣстно и въ южновеликорусскомъ (въ говорахъ β).

Въ послѣднихъ трехъ главахъ говорится о появленіи *а*кающихъ и *о*кающихъ говоровъ въ восточнорусскомъ нарѣчіи и объ измѣненіи въ нихъ звуковъ *а*—*е* — *о*. Я не буду подробно излагать всего богатаго содержанія этихъ главъ, а укажу только на главнѣйшее. Важно то, что, что кромѣ *о*кающихъ говоровъ, авторъ различаетъ еще говоры *нео*кающіе, т. е. не измѣнившіе [1]) въ слогѣ передъ удареніемъ древнее и общевосточнорусское *о* склонное къ *а* въ *о*. Такимъ образомъ, вопреки обычному мнѣнію, что говоры *о*кающіе отличаются лишь консервативностью, такъ какъ сохранили будьто-бы общерусское *о* въ слогѣ передъ удареніемъ, Ш. и въ нихъ видитъ отступленіе отъ старины. Самыми консервативными, слѣдовательно, являются говоры неокающіе, т. е. говоры, по выраженію нѣкоторыхъ изслѣдователей, съ умѣреннымъ *о*каньемъ; таковы говоры сѣверо-западной части Олонецкой губ. (стр. 263 и

---

[1]) Разумѣется, мы не имѣемъ права утверждать, что измѣненія звука въ этихъ говорахъ вовсе не произошло, но во всякомъ случаѣ разница этого звука въ нихъ отъ древневосточнорусскаго ничтожна и неуловима сравнительно съ измѣненіемъ, которому подвергся этотъ восточнорусскій звукъ въ говорахъ окающихъ и акающихъ.

295—296). Въ главѣ 21-ой указывается время появленія *а*канья, примѣры котораго восходятъ по памятникамъ къ XIV в. (стр. 260—262). Изъ западнорусскихъ рукописей примѣры лишь съ XV в. (Полоцкій договоръ съ Ригою 1478 г.). Что и сѣвернорусское *о* въ слогѣ передъ удареніемъ было нѣкогда склоннымъ къ *а*, авторъ видитъ изъ того, что и въ *о*кающихъ говорахъ встрѣчаются формы пло́тишь, посо́дитъ (Рыбин. у.), вполнѣ понятныя въ *а*кающихъ; а кромѣ того надо замѣтить, что рядомъ съ измѣненіемъ *о* склон. къ *а* въ *о* встрѣчается въ слогѣ передъ удареніемъ переходъ въ *о* звука *а* (зоборъ и т. п.) (стр. 263). Въ главѣ 22-ой дѣло идетъ о разнообразныхъ измѣненіяхъ гласныхъ *а—е—о* въ говорахъ *а*кающихъ, причемъ, какъ на общее начало, указывается на стремленіе замѣнять въ неударяем. слогахъ различные оттѣнки звука однимъ (отсюда въ однихъ говорахъ сѣна́ и пѣна́ съ гортаннонебнымъ *а*, въ другихъ, какъ московскомъ, сѣно́ и пѣно́ съ такимъ-же *о*), въ гл. 23-ей объ измѣненіи ихъ въ сѣверныхъ говорахъ (о появленіи въ послѣднихъ звука *у* изъ *о* склон. къ *у* въ ударяемыхъ и неударяемыхъ слогахъ и другихъ явленіяхъ); въ нѣкоторыхъ *нео*кающихъ говорахъ указывается замѣчательное появленіе ударяемаго *а* вмѣсто неударяемаго *о* вслѣдствіе переноса ударенія (н а́ ц ё в а т ь) (стр. 316).

Этимъ я заканчиваю свои замѣтки с богатомъ содержаніемъ вмѣстѣ съ красотой и оригинальностью объясненій трудѣ Шахматова. Какъ на пробѣлы, я бы могъ указать на то, что ничего не сказано о характерѣ *о*канья малорусскаго и объ его отношеніи къ *о*канью великорусскому, а также, что съ явленіями великорусскихъ говоровъ β не сопоставлены такія явленія малорусскихъ говоровъ, какъ упомянутыя на стр. 106—107: *чо́вын*, *прывылы*, *срыбро́*, *ныбо́же*, а въ галицк. даже *сі́ло* вмѣсто *сэло́* [1]). Для послѣднихъ фонетическихъ измѣненій нелишне было-бы указать и на болгарскіе говоры, гдѣ также обычно измѣненіе безударнаго *е* въ *и*, какъ и *о* безударнаго въ *у*; мнѣ кажется, причина всѣхъ этихъ явленій—экспираторный характеръ ударенія въ говорахъ великорусскихъ, малорусскихъ и болгарскихъ; отсюда и понятно, почему въ малорусскихъ говорахъ, отличающихся не вполнѣ экспираторнымъ характеромъ ударенія, а сохранившихъ, какъ кажется, нѣкоторую долю общерусской и общесловянской музыкальности, сближающей ихъ съ сербскими, указанное явленіе менѣе распространенно, чѣмъ въ великорусскихъ. Если принять объясненіе Шахматова, что въ явленіяхъ великорусскихъ говоровъ β дѣйствовало вліяніе согласнаго на слѣдующій гласный, какъ и въ подобныхъ-же явленіяхъ говоровъ *α* въ слогѣ третьемъ передъ удареніемъ (п*и*рярубъ, т*и*жало́ и т. п.[2]), стр. 277), то не слѣдуетъ ли принять того-же и для нѣкоторыхъ малорусскихъ говоровъ и въ такомъ случаѣ отнести начало указанныхъ явленій въ очень древнюю эпоху, т. е. до измѣненія небныхъ *е* и *і* въ гортаннонебные звуки? Мнѣ представляется, однако, сомнительнымъ, чтобы здѣсь звукъ *і*—ы развивался, благодаря настоящей или бывшей небности согласнаго; мнѣ кажется гораздо вѣроятнѣе, что краткое *і*, какъ ирраціональный звукъ, прежде всего развивалось изъ *е* вслѣдствіе его экспираторной слабости безъ всякаго участія небности [3]) (а потому и могло быть то небнымъ *і*, то гортаннонебнымъ *ы*) подобно тому, какъ *у* изъ неудар. *о* въ сѣверновеликорусскихъ и болгарскихъ говорахъ. Но пока еще воздержусь отъ произнесенія болѣе

---

[1]) Шахматовъ объясняетъ эти явленія, какъ остатокъ чередованія старыхъ *е і*, измѣнившагося въ звукъ близкій къ *ы*, и *ŏ*, замѣнившагося звукомъ *э*, затѣмъ смѣшавшихся между собою; въ такихъ случаяхъ, какъ *мыні* (дат. ед. ч.) вм. *мэні*, и теперь старая причина появленія *ы* осталась въ силѣ.

[2]) Замѣчу, что въ такомъ положеніи является скорѣе (по крайней мѣрѣ мнѣ приходилось слышать) глухой звукъ ъ, который есть крайняя степень ослабленія *е* въ слогѣ до ударенія; не путемъ ли протяженія этого ъ объясняется лучше всего то *и*, которое дѣйствительно слышится въ такомъ положеніи въ иныхъ говорахъ? Срв. Богородиц., «Гласные безъ ударенія»...

[3]) Небность обусловливала лишь измѣненіе *а* въ *е*, такъ какъ послѣ *ненебныхъ* экспираторно-слабое *а* измѣнялось въ ирраціональные звуки гортанные, губные и гортаннонебные, но не небные, являвшіеся лишь послѣ небныхъ согласныхъ.

рѣшительнаго приговора, такъ какъ обо всѣхъ этихъ явленіяхъ необходимо еще очень много подумать. Скажу только здѣсь кстати, что сочиненіе Шахматова, кромѣ своего громаднаго научнаго значенія въ смыслѣ освѣщенія многихъ темныхъ вопросовъ русской фонетики, является чрезвычайно важнымъ и потому, что наводитъ на новыя мысли, на новые вопросы, которые могутъ быть рѣшены и иначе, чѣмъ представляется автору, возбудившему ихъ въ головѣ читателя.

Прибавлю еще, что нѣкоторые изъ приводимыхъ авторомъ примѣровъ допускаютъ иное объясненіе. Сѣв.-великор. *жа*лать, др.-рус. *жа*лати я не считаю заимствовавшими свое «*ä*, откуда *а*», изъ слова *жäлѣти*, гдѣ ä и затѣмъ *а* будьто бы фонетически изъ *е*[i] въ же[i]лѣти (стр. 63) по предполагаемому Шахматовымъ закону измѣненія *е*[i] послѣ мягкихъ зв. передъ слогами съ *ѣ*, *и*, *ь* въ *ä* (какъ въ *жалѣзо*). Слово *жалѣть* «lugere» я отдѣляю отъ ц.-словянскаго желѣти θέλειν (ἐπιθυμεῖν) и произвожу непосредственно отъ существительнаго жаль, въ которомъ *а* изъ *ѣ* послѣ шипящаго, и которое лишь по корню родственно съ желѣти; форма же *жа*лати, какъ учащательный видъ, также показываетъ *жа* вм. жѣ и относится къ желѣти такъ, какъ напр. при*лѣга*ти къ при*лежа*ти; правда, у Миклошича въ Lex. palaeoslov. мы не находимъ для формы жалати цитатъ изъ древнихъ памятниковъ, а лишь изъ словаря Памвы Берынды, но существованіе примѣровъ этой формы уже въ русскихъ памятникахъ XIV в. [1]) (Шахм. 63) достаточно говоритъ въ пользу ея древности, и вообще я считаю толкованіе ея, какъ формы учащательнаго вида, гораздо болѣе вѣроятнымъ и скорѣе склоненъ считать встрѣчающуюся нерѣдко въ старословянскихъ памятникахъ форму *же*лати возникшей подъ вліяніемъ *жел*ѣти параллельно къ существовавшимъ варіянтамъ п*итѣ*ти—п*ит*ати, п*овѣдѣти*—п*овѣда*ти и т. п. безъ измѣненія коренного гласнаго. Что касается русскихъ формъ— малорусск. *же*латы (если оно не заимствованно изъ литературнаго языка), великор. *же*лать (москов.), *жо*ланный (вят.) (Ш. стр. 60—61), то онѣ основаны или на варіянтахъ съ краткимъ кореннымъ гласнымъ, какъ и во многихъ другихъ случаяхъ, или на формахъ говоровъ β, при чемъ для вятской формы *жо*—, кажется, возможно лишь первое, если не видѣть здѣсь измѣненія этимологическаго *а* въ *о*, наблюдаемаго въ нѣкоторыхъ *о*кающихъ говорахъ.

Относительно формъ клим*я*нтъ, п*я*нтикостья, сент*я*мбрь [2]) и т. п. я согласенъ съ проф. Соболевскимъ [3]), что *я* въ нихъ не принадлежитъ русскому языку и объясняется замѣной *ен* черезъ ѧ, при чемъ послѣ ѧ писался еще и носовой согласный (*н*, *м*); примѣровъ не мало въ старослов. памятникахъ (Соболевскій приводитъ изъ Супрасльск. рукописи).

Ссылку на древнерусское *мне* (род. ед.) уже въ Сборникѣ 1073 г. (Ш. стр., 216) я считаю рискованной въ виду того, что, встрѣчаясь уже въ южнословянскихъ памятникахъ (нерѣдко въ Синайской псалтыри), эта форма могла быть занесена въ русскій списокъ изъ болгарскаго оригинала.

Что касается замѣчанія, что «легоньке, тольке въ сп. Домостроя XVI в. изд. Забѣлина слѣдуетъ читать легонькё, толькё, причемъ *кё* вм. *ко* ......явленіе, характеризующее многіе сѣверно и южновеликор. говоры» (стр. 193), то въ виду приведенныхъ недавно А. В. Ветуховымъ изъ говоровъ Старобѣльскаго уѣзда Харьков-

---

[1]) Одинъ изъ нихъ найденъ въ Паисіевскомъ Сборникѣ XIV в. (см. «Поученія Серапіона Владимірскаго», издан. Е. В. Пѣтухова, стр. 14), не представляющемъ вообще фонетическаго измѣненія *е* въ *а* послѣ смягчен. согласныхъ; второй приводится Соболевскимъ изъ Типограф. псалтыри XIV в., имѣющей много примѣровъ «псковскаго» измѣненія *е* послѣ смягч. согласн. въ *а* (но б. ч. въ суффиксахъ или конечныхъ слогахъ). Востоковъ въ «Словарѣ ц. слав. языка» приводитъ ф. жалати изъ Пандект. Антіоха серб. сп. XV в. и Григор. Двоеся. болгар. XVI в.

[2]) Шахматовъ, стр. 24.

[3]) Ж. М. Н. Пр. 1894, апрѣль, 421—422.

ской губ. [1]) южновеликорус. ко́льке, то́льке, малорус. ті*ке*, сті*ке*, скі*ке* его слѣдуетъ признать слишкомъ рѣшительнымъ. Въ виду этихъ же формъ можно сомнѣваться въ томъ, чтобы всякое т о л ь к и было вмѣсто древняго т о л ь к ы, т о л и к ы, а не возникло въ иныхъ говорахъ изъ толь*ке*, которое въ другихъ давало толь*кё* (сѣверн., *о*кающее) или толь*кя* (южное, *а*кающее) (срв. у Шахм. стр. 274—275); это подтверждается и приведенными Шахматовымъ формами мѣстнаго пад., гдѣ въ однихъ говорахъ *е* изъ *ѣ* измѣнилось въ *і*, въ другихъ является *я* изъ конечнаго открытаго *ѣ*: гдѣ является *і* въ мѣстн. пад., а также въ формахъ сравнит. степ. (у дом*и* гомел., дом*и* рязан., бо*льши* гомельск., тульск.), тамъ толь*ки* (трок., гомел.); гдѣ дом*я*, тамъ толь*кя* (курск., щигров., кадомск., тамбов.) (стр. 267, 274).

Въ заключеніе я хочу сказать нѣсколько словъ по поводу интересныхъ выводовъ, касающихся исторіи и распредѣленія русскихъ говоровъ,—выводовъ, сдѣланныхъ авторомъ какъ въ разсмотрѣнномъ сочиненіи, такъ и въ статьѣ, написанной, кажется, вскорѣ послѣ защиты авторомъ диссертаціи и напечатанной въ № 3 «Рус. Филол. Вѣстн.» 1894 г. стр. 1—12 подъ заглавіемъ «Къ вопросу объ образованіи русскихъ нарѣчій». Благодаря любезности автора, приславшаго мнѣ отдѣльный оттискъ этой статьи еще гораздо ранѣе полученія нашей библіотекой указаннаго № «Р. Ф. В.», я могъ познакомиться съ нею еще въ іюлѣ. Въ статьѣ этой авторъ измѣнилъ свое мнѣніе объ образованіи и взаимномъ отношеніи русскихъ нарѣчій. Это касается именно отношенія бѣлорусской группы къ южновеликорусской. Въ диссертаціи онъ вслѣдъ за А. А. Потебнею разсматриваетъ бѣлорусскую группу говоровъ не только, какъ часть восточнорусской, но ставитъ ее въ ближайшее родство именно съ группой южновеликорусской въ противоположность сѣверновеликорусской. Только историческія обстоятельства, сопровождавшія усиленіе Москвы и собраніе вокругъ нея всѣхъ южно- и сѣверно-великорусскихъ племенъ [2]), а съ другой стороны собраніе бѣлорусскихъ племенъ [2]) въ союзѣ литовско-русскомъ, разорвали старую связь южновеликорусской группы съ бѣлорусской и сблизили ее съ сѣвернорусской; это собраніе вокругъ Москвы тѣхъ восточнорусскихъ племенъ [2]), которыя не вошли въ группу литовскорусскую, и было началомъ образованія собственно великорусскаго нарѣчія, двѣ главныя части котораго раньше были между собою дальше, чѣмъ одна изъ нихъ (южная) къ бѣлорусскому. Такимъ образомъ, XIV-ый в. авторъ считаетъ началомъ великорусской и бѣлорусской обособленной жизни (стр. 253—254).

Иначе смотритъ на это авторъ въ статьѣ «Къ вопросу объ образ. рус. нар.». Здѣсь онъ уже въ древнѣйшую эпоху жизни русскаго языка дѣлитъ его не на двѣ, а на три главныя части, признавая, кромѣ юго-западной (галицко-волынской) и восточной, еще группу сѣверо-западную (около Полоцка). Кромѣ того, и восточная группа издревле дѣлилась на двѣ части: сѣверо-восточную (говоры новгородскіе и другіе) и юго-восточную (къ послѣдней относился и говоръ древне-кіевскій). Къ явленіямъ, послужившимъ гранью между восточными говорами и западными, авторъ относитъ измѣненіе *ый* и *ій* въ *ой* и *ей* въ группѣ восточной. Когда послѣ татарскаго нашествія и разоренія Кіева, главная масса юговосточныхъ племенъ, ища безопасности, устремилась на сѣверъ, часть ихъ примкнула къ сильному сѣверо-восточному княжеству, часть къ сѣверо-западному, а затѣмъ литовско-русскому союзу, часть осталась независимой въ Рязанскомъ княжествѣ. Эти обстоятельства имѣли важное значеніе. Благодаря присоединенію къ сѣверо-восточному княжеству части юго-восточныхъ племенъ, центръ этого княжества былъ перенесенъ немного на югозападъ, а именно изъ Владиміра въ Москву, вокругъ которой современемъ собрались всѣ восточнорусскія племена. Говоры этихъ юговосточныхъ племенъ,

---

[1]) «Говоры слободъ Бахмутовки и Новой Айдари Старобѣльскаго уѣзда Харьк. губ.» (оттискъ изъ «Р. Ф. В.» 1893 г.), стр. 2, 4, 8, 10; «Говоръ слободы Алексѣевки Старобѣльск. у. Харьк. губ.» («Р. Ф. В.» 1894 г., 306, 307, 308 стр.

[2]) Во избѣжаніе недоразумѣній нелишне замѣтить, что слово «племя» употреблено авторомъ не въ смыслѣ антропологическомъ, а въ смыслѣ этнографическо-лингвистическомъ, т. е. небольшой группы лицъ, говорящихъ близкими говорами.

присоединившихся къ сѣверному княжеству, подверглись влiянiю сѣверному: вмѣсто *h* они стали произносить *g* (*г*), вм. мягкаго *ть* въ 3 л. настоящ. врем. глаголовъ *т* твердое: вмѣсто *сѐлó*, откуда въ другихъ юговосточныхъ говорахъ *сялó*, и *святóй* въ говорахъ московскомъ вмѣстѣ съ сѣверными явились формы се [i] лó, све [i] тóй. Съ другой стороны западная часть юговосточныхъ племенъ [1]), соединившаяся съ сѣверо-западными, повлiяла на языкъ племенъ сѣверо-западныхъ и передала ему нѣкоторыя черты своего говора (аканье, измѣненiе неударяемыхъ гласныхъ въ гортаннонебные и т. п.), и результатомъ этого влiянiя болѣе сильныхъ будьто-бы въ культурномъ отношенiи племенъ юго-восточныхъ, которымъ, по мнѣнiю автора, принадлежала главная роль въ литовско-русскомъ княжествѣ, было образованiе бѣлорусскаго нарѣчiя въ XIII—XV в. Это мнѣнiе авторъ старается подтвердить тѣмъ, что сходство южновеликорусскихъ говоровъ съ бѣлорусскими касается какъ разъ именно области позднѣйшихъ фонетическихъ явленiй, исконныя же черты той и другой группы различны (бѣлорус. *ый* и великорус. *ой*). Не берусь рѣшать, насколько дѣйствительно основательно предполагать одну общую нѣкогда группу бѣлорусско-южновеликорусскую въ противоположность сѣвернорусской; скажу только, что всякая группировка говоровъ страдаетъ натяжкой, такъ какъ принимаетъ за основанiе нѣсколько произвольно взятыхъ признаковъ, а между тѣмъ нѣтъ, кажется, говора, который бы не могъ быть по однимъ признакамъ причисленъ къ одной группѣ, а по другимъ къ другой; мы видимъ непрерывный рядъ говоровъ, постепенно переходящихъ одинъ въ другой: лишь тамъ, гдѣ были позднѣйшiя переселенiя, иногда замѣчается рѣзкая разница между двумя сосѣдними говорами, какъ это наприм. наблюдается въ Харьковской и южныхъ частяхъ Курской и Воронежской губ., гдѣ сталкиваются представители малорусскихъ и южновеликорусскихъ говоровъ: тѣ и другiе, проживъ совершенно обособленно цѣлый рядъ вѣковъ, встрѣтились впервые, можетъ быть, лишь въ концѣ XVII-го вѣка или даже позднѣе; конечно, два или полтора вѣка, прожитыхъ ими вмѣстѣ, не остались безъ влiянiя, и вотъ, какъ слѣдствiе взаимодѣйствiя такихъ нѣкогда сильно разнившихся между собою говоровъ, является рядъ говоровъ смѣшанныхъ — явленiе обычное въ области всѣхъ словянскихъ (и разумѣется, и другихъ) языковъ: вспомнимъ говоры кайкавскiе, сѣверно-чакавскiе, сѣверно-македонскiе, западно-болгарскiе, восточнословацкiе и друг. Но мнѣ представляется сомнительнымъ, чтобы *а*канье было заимствовано въ бѣлорусскомъ изъ южно-великорусскаго; правда, *а*канье проявляется раньше въ памятникахъ восточныхъ (XIV в.), чѣмъ въ западнорусскихъ (второй половины XV в.), но изъ этого еще нельзя, мнѣ кажется, выводить слѣдствiе о заимствованiи такой важной звуковой черты, органически связанной со всѣмъ строемъ бѣлорусской рѣчи; я скорѣе склоненъ предположить, что предки нынѣшнихъ бѣлорусскихъ говоровъ нѣкогда принадлежали къ различнымъ вѣтвямъ, и что такiе-же смѣшанные говоры, какiе появляются почти на нашихъ глазахъ въ Харьковской, Курской, Воронежской, а также и во многихъ другихъ губернiяхъ, гдѣ были переселенцы изъ разныхъ мѣстностей (напр. въ Тамбовской, Пензенской, южной части Нижегородской губ.), необходимо предположить и въ древнѣйшую эпоху жизни русскаго языка; при этомъ я замѣчу, что слово «смѣшанный» я употребляю не въ широкомъ смыслѣ, въ какомъ всякiй говоръ есть смѣшанный, такъ какъ одинъ человѣкъ, обращаясь къ другому, уже оказываетъ влiянiе на его говоръ, а въ болѣе узкомъ, какъ результатъ скрещиванiя говоровъ, уже раньше обособившихся одинъ отъ другого. сравн. прекрасныя замѣчанiя о переходныхъ говорахъ Ягича въ XIII т. «Archiv f. f. sl. Phil.», стр. 396, и Облака ibid XVI, 447).

Что касается говоровъ малорусскихъ, то въ обоихъ сочиненiяхъ авторъ относитъ ихъ предковъ далеко на западъ въ область галицко-волынскую, слѣдуя въ этомъ вопросѣ за проф. Соболевскимъ, предшественникомъ котораго былъ еще историкъ М. П. Погодинъ, развивавшiй свою теорiю о великорусскомъ элементѣ въ древнемъ Кiевѣ и о позднѣйшемъ

---

[1]) Населявшая нынѣшнiя губернiи Черниговскую, часть Курской, Орловскую, Калужскую и часть Тульской.

переселеніи малорусовъ съ запада послѣ татарскаго разоренія въ извѣстномъ спорѣ съ Максимовичемъ. Разница между старымъ мнѣніемъ Погодина и затѣмъ П. А. Лавровскаго въ его статьѣ о малорусскомъ нарѣчіи въ Ж. М. Н. Пр. 1859 г. съ одной стороны и новымъ А. И. Соболевскаго и А. А. Шахматова съ другой заключается въ томъ, что первые отодвигали предковъ малорусовъ въ Карпаты, вторые-же присоединили къ Карпатамъ и Галиціи Волынь. По мнѣнію Шахматова, нынѣшнее украинское нарѣчіе восходитъ именно къ древнему волынскому, нынѣшнее галицкое къ древнему галицкому нарѣчію, причемъ особую группу представляютъ говоры сѣверно-малорусскіе, принадлежащіе областямъ, не входившимъ въ первоначальное галицко-волынское княжество и сосѣдившимъ съ мѣстностями, входившими въ сѣверо-западный союзъ (Р. Ф. В. 1894, № 3, стр. 11—12). Кромѣ того, мнѣніе Соболевскаго и Шахматова основывается на болѣе подробномъ и внимательномъ изученіи бо́льшаго числа памятниковъ, чѣмъ это было у Лавровскаго. Къ сожалѣнію, однако, оно основано главнымъ образомъ на отрицательныхъ данныхъ памятниковъ кіевскихъ, т. е. на основаніи отсутствія чертъ, характерныхъ для малорусскаго нарѣчія, уже въ обиліи являющихся въ «галицко-волынскихъ» памятникахъ XII-го вѣка. Шахматовъ, повидимому, считаетъ мнѣніе Соболевскаго вполнѣ доказаннымъ, такъ какъ высказываетъ его, не приводя съ своей стороны никакихъ новыхъ соображеній, и, къ сожалѣнію, совершенно не обращаетъ вниманія на тѣ возраженія, которыя сдѣланы И. В. Ягичемъ въ его «Четырехъ критико-палеографич. статьяхъ» (Спб. 1884), стр. 98—102 (стат. 3-я), и «Критическихъ замѣткахъ по исторіи русскаго яз.» (Спб. 1889), стр. 11—17, гдѣ между прочимъ на основаніи данныхъ такихъ памятниковъ, какъ Изборникъ Святослава 1073 г., Сборникъ Успенскаго Собора, сборникъ Вяземскаго (житіе св. Савы) и нѣкоторыхъ другихъ, которые не могутъ быть помѣщены въ группу «галицко-волынскую», а тѣмъ болѣе далеки отъ типа новгородскаго, предполагается «типъ кіевскій», отражавшій «южнорусскій восточный говоръ, соприкасавшійся кое въ чемъ уже съ центральнымъ великорусскимъ, къ которому здѣсь находился естественный переходъ» (стр. 13); только для того времени, я думаю, вмѣсто выраженія «великорусскій» лучше употребить «восточнорусскій».

Борисъ Ляпуновъ.

Харьковъ, 1 ноября 1894 г.

*) Прибавлю: пользуется почетнымъ признаніемъ и у лингвистовъ европейскихъ, хотя имъ извѣстна лишь весьма малая часть его положеній и изслѣдованій, такъ какъ большая ихъ часть заключается въ неизданныхъ еще курсахъ, извѣстныхъ лишь черезъ его слушателей и отчасти изъ замѣчательныхъ трудовъ его даровитыхъ учениковъ—проф. Ульянова, ак. Шахматова... См. Bechtel, Fritz Die Hauptprobleme d. indogerm. Lautlehre seit Schleicher. Göllingen. 1892. Sp. 6, 225 ff., 382 ff.
Ред

G. Krek. Zur geschichte russischer hochzeitsbräuche. Graz. 1893 (Sonderabdruck aus Analecta Graeciensia. Festschrift zum 42 philologentage in Wien, 1893).

Передъ нами небольшая, но затрогивающая цѣлый рядъ интересныхъ вопросовъ брошюра извѣстнаго слависта. Крекъ обратилъ вниманіе на значительное количество свадебныхъ обрядовъ, сохранившихся отъ древнихъ временъ вообще у Славянъ и въ особенности у Русскихъ. Онъ останавливается на извѣстномъ мѣстѣ Несторовой лѣтописи, гдѣ лѣтописецъ дѣлаетъ нѣсколько замѣчаній о нравахъ русскихъ славянскихъ племенъ и между прочимъ о заключеніи ими браковъ. Обратившись для сопоставленій

къ хроникѣ Козьмы Пражскаго и къ сочиненіямъ византійскихъ писателей, Крекъ рассматриваетъ и объясняетъ разные способы заключенія браковъ, у отдѣльныхъ племенъ древней Руси. Въ обычаѣ Древлянъ («и брака у нихъ не бываше, но умыкиваху у воды дѣвица») онъ видитъ умыканье, воспоминанье о которомъ сохраняется въ русскихъ словахъ: умычка, убѣгъ, уводъ, увозъ, въ сербскомъ отмица. Особо Крекъ выдѣляетъ обычай Радимичей, Вятичей и Сѣверянъ («браци не бываху въ нихъ, но игрища межю села, схожахуся на игрища, на плясанье и на вся бѣсовьская игрища, и ту умыкаху жены собѣ, с нею-же кто съвѣщашеся»), у которыхъ не было, собственно говоря, насильственнаго увода невѣсты. Обычай-же похищать невѣсту съ ея согласія можетъ указывать, по мнѣнію Крека, на существованіе купли невѣсты: похищеніе съ согласія похищаемой дѣлалось для того, чтобы избѣжать платы за невѣсту. Въ объясненіи обычая Полянъ («не хожаше зять по невѣсту, но привожаху вечеръ, а заутре приношаху по ней что вдадуче») Крекъ расходится съ существующимъ взглядомъ историковъ, что въ словахъ «приношаху по ней что» надо видѣть вѣно, выплачиваемое женихомъ за невѣсту. Крекъ думаетъ, что лѣтописецъ, если-бы имѣлъ въ виду этотъ выкупъ, употребилъ-бы знакомое ему и встрѣчающееся у него слово «вѣно». Здѣсь-же вышеуказанными словами обозначается приданое за невѣстой. То обстоятельство, что лѣтописецъ, говоря о брачныхъ обычаяхъ Полянъ, не употребилъ слово «вѣно» позволяетъ заключать, что у нихъ браки заключались не куплею, а договоромъ [1]).

Далѣе Крекъ, разсматривая мнѣніе Фика, Бругмана и Пруспка о происхожденіи словъ: «вѣно» и «невѣста», указываетъ, что грамматически невозможно слово невѣста производить отъ глагола вести, такъ что слово невѣста, восходя къ nevovēdta, значило-бы «вновь приведенная въ домъ» («die neu heimgefü hrte», «die neu vermählte»). Самъ Крекъ присоединяется къ мнѣнію Миклошича, что слово невѣста происходитъ отъ глагола вѣдѣти и значитъ «неизвѣстная» («die unbekannte»). Но тутъ-же Крекъ оговаривается, что по существу дѣла больше подходитъ другое значеніе этого слова. Слово невѣста—общеславянское, и изъ его значенія Крекъ заключаетъ, что Славяне еще въ эпоху ихъ общеславянской жизни перестали уже заключать браки путемъ похищенія.

На послѣднихъ страницахъ своей брошюры Крекъ касается одного вопроса, до сихъ поръ обходимаго, именно вопроса о выборѣ невѣстъ (Brautwahl) и даже, собственно говоря, одного вида этого выбора.Уставъ Клеммъ въ своей Allgemeine Culturgeschichte der Menschheit говоритъ со словъ Блазіуса [2]) слѣдующее: Въ Россіи, именно на сѣверѣ, есть обычай, что ежегодно въ извѣстное время молодые мужчины и дѣвушки, желающіе вступить въ бракъ, собираются въ опредѣленное мѣсто на своего рода смотрины. И такъ, каждый годъ толпа дѣвушекъ, желающихъ выйти замужъ, на лодкахъ, челнокахъ и паромахъ собираются съ Юга и Сухоны въ Устюгъ. Онѣ имѣютъ при себѣ свое приданое и вмѣстѣ съ нимъ располагаются рядами на площади. Тутъ-же находятся мужчины, ищущіе невѣстъ, и выбираютъ изъ неизвѣстныхъ имъ дѣвушекъ будущую сожительницу, смотря по ея наружности и ея имуществу.

Нѣчто подобное сообщаетъ объ угорскихъ малоруссахъ Božena Němcová [3]). Она говоритъ о базарѣ дѣвушекъ, на который въ прошломъ столѣтіи сходились невѣсты. Такъ дважды въ годъ желающіе вступить въ бракъ мужчины, дѣвушки и

---

[1]) Соловьевъ. Исторія Россіи. Изданіе товарищества «Общественная Польза». Книга I, стр. 65.—*Прим. Ред.* Такое объясненіе почти за полъ вѣка было уже представлено В. Шульгинымъ въ его замѣчательномъ трудѣ «О состояніи женщинъ въ Россіи до П. В. Истор. изслѣд. В. Ш. Вып. I. Кіевъ. 1850. Стр. 17—18.

[2]). Брауншвейгскій профессоръ Блазіусъ въ 1840 и 1841 гг. совершилъ путешествіе по Россіи. Описаніе своего путешествія («Reise d. d. europäische Russland») издалъ онъ въ 1844 г., въ двухъ томахъ.

[3]) Časopis českého musea XXXIII, 101, v Praze 1859.

вдовы собирались со своими родственниками въ Красный Бродъ, вблизи Базиліанскаго монастыря. Иногда мужчина зналъ впередъ, кого онъ выберетъ, также какъ и дѣвушка иногда знала, кто за нее посватается; но были многіе, которые видѣлись здѣсь впервые. Обыкновенно мужчина подходилъ къ понравившейся ему дѣвушкѣ, протягивая ей руку. Если она ударяла его по рукѣ, онъ вступалъ съ ея родственниками въ переговоры, послѣ чего тотчасъ - же слѣдовало вѣнчаніе въ монастырской церкви. Иногда дѣло доходило до ссоръ, если мужчина не нравился дѣвушкѣ, а ея родственники были на ея сторонѣ. Если-же посватавшійся былъ богатъ, то обыкновенно родственники дѣвушки принуждали ее насильно выйти замужъ. Бывало и такъ, что молодые люди желали вступить въ бракъ, но этому противились родственники, и иногда дѣло кончалось увозомъ невѣсты.

Далѣе Крекъ приводитъ два мѣста изъ сочиненій Геродота и Помпонія Мелы, показывающихъ, что подобный выборъ невѣстъ существовалъ у Вавилонянъ, Италійскихъ Венетовъ и Ѳракійцевъ.

Этотъ выборъ невѣсты изъ ряда дѣвушекъ Крекъ сближаетъ съ подобнымъ-же обычаемъ выбирать супругу великому князю, появившемся при Московскомъ дворѣ съ начала XVI в., именно съ 1505 года, когда Василій III выбралъ изъ 1500 боярскихъ дочерей себѣ въ супруги Соломонію Сабурову. Герберштейнъ, у котораго мы находимъ указаніе на это событіе, введеніе подобнаго обычая приписываетъ близкому къ великому князю боярину Георгію Трахоніоту, родомъ Греку, который надѣялся, что такимъ образомъ его дочь сдѣлается московской великой княгиней. Но Крекъ ищетъ болѣе глубокаго основанія для такого обычая. Пока Русь была раздѣлена на удѣльныя княжества, выборъ великокняжеской невѣсты не представлялся затруднительнымъ. Но въ XVI в. удѣловъ уже не было, равно какъ не существовали единовѣрныя съ Россіею царства византійское, сербское и болгарское. О перемѣнѣ вѣры какой-либо иностранной принцессой не могло быть и рѣчи, настолько въ это время обострились несогласія между восточной и западной церквами. Кромѣ того надѣялись охранить себя отъ иноземнаго вліянія, а также избѣжать придворныхъ интригъ, если государь будетъ выбирать себѣ супругу изъ дѣвушекъ своей страны. Но эта послѣдняя надежда не сбылась, и родственники избранной дѣвушки захватывали въ свои руки вліяніе и нерѣдко интриговали.

Н. Тупиковъ.

ОТДѢЛЪ IV.

Вопросы и отвѣты.

---

1. Откуда происходитъ лит. слово **дайна** (daina). Желательно получить свѣдѣнія:

   a) О живомъ употребленіи этого слова въ лит. и латышск. языкахъ.

   b) Объясненіе кельто-ирск. соотв. daena и румынскаго doina и т. д.

   c) Сравнительное описаніе другихъ терминовъ пѣнія нар. пѣсенъ у Литовцевъ gёsme, лат. dziesma, Довконт. ałda arba auda, ałdowobi, audawobi и т. п.

2. Сравнительное изученіе латышскаго и литовскаго ударенія и установленіе научной, не сбивчивой терминологіи въ обозначеніи количественнаго ударенія («geschliffen» у Куршата не тождественно съ латышскимъ протянутымъ «gedehnten Ton»; равно какъ и употребляемый терминъ «gestossen»)? Срв. стр. 550 статьи Лескина «Untersuchungen über die Anartität u. Betonung in den slav. Sprachen. Leipzig. 1893.
3. Въ какихъ говорахъ Жмуди и вост. Литвы встрѣчаются данныя, относительно мѣста ударенія и произношенія на конечныхъ гласныхъ, которые представлялибы переходную ступень между лит. и латыш. произношеніями этимологически тождественныхъ словъ?
4. Географическая номенклатура общая Литовцамъ и Латышамъ, въ особенности относительно словъ—гола, гала; кайма—кёмас; сола—сала и др.
5. Какіе есть остатки древняго носоваго произношенія гласныхъ въ Жмудскихъ говорахъ (срв. этюдъ Казим. Яуниса о Росс. говорѣ и данными, извлеченными изъ литов. старопечатныхъ книгъ, въ особенности изъ соч. И. Даукши 16 вѣка).
6. Какія данныя языка и лат.-лит. фольклора существуютъ для разъясненія географіи и исторіи распространенія культурныхъ растеній (хмѣля etc.) и животныхъ?
7. Какая связь между названіями василька и vugin gele (Kornblume) съ культурою ржи и т. д.?
8. Въ какихъ пѣсняхъ, сказаніяхъ и легендахъ замѣтно христіанское наслоеніе (собирать свѣдѣнія о шпильманахъ, культѣ Маріи, разныхъ святыхъ, духовныхъ стихахъ, Ивановыхъ братьяхъ «Johannisbrüder)?
9. Что этимологически обозначаетъ Voketys, латышск. Waccets и отъ какою герм. племени заимствовано названіе для Нѣмцевъ вообще?
10. Что означаетъ «tymo, dymo balnelis» литов. нар. пѣсенъ въ связи съ жмудскимъ tymas, tymai или ср. нѣм. timit, dimit двухнитяная шолковая матерія?

11. **Какія данныя лингвистическія и фольклористическія существуютъ въ латыш., литов. и финскомъ относительно древняго обычая жертвоприношенія въ нар. обычаяхъ, заклинаніяхъ и т. под. (Срв. латыш. zeeds=жертва и цвѣтокъ)?**
12. **Какія русскія и славянскія слова заимствованы изъ литовскаго или латышскаго?** (Срв. стр. 121, 111 у Dr-a Joos J. Mikkola «Berührungen zwischen den Westfinnischen und Slavischen Sprachen. Helsingfors 1894». Mémoires de la Soc. Finno-Ougrienne VIII).
13. **Какія басни Крылова переведены на литовскій и латышскій языки? (представить литературно-библіографическій обзоръ).**

Ф. Вольтеръ.

ОТДѢЛЪ V.

Смѣсь.

Легенда о предсказаніи преподобнаго Геннадія.

Извѣстно, что населеніе, какъ самаго города Любима (Ярослав. губ.), такъ и его уѣзда, промышляетъ средства къ существованію не дома, а на отхожихъ промыслахъ. Крестьяне Любимскаго уѣзда почти, за самымъ малымъ исключеніемъ, не занимаются земледѣліемъ, а если оно и ведется, то весьма не въ значительныхъ размѣрахъ и при томъ не самими владѣльцами земли, а наемными рабочими, преимущественно крестьянами Архангельской губ., которые и обрабатываютъ поле вмѣстѣ съ женщинами, женами и дочерьми владѣльцевъ земли. Мужчины-же—хозяева домовъ и подростки всѣ уходятъ на заработки преимущественно въ Петербургъ и Москву, гдѣ промышляютъ трактирнымъ дѣломъ. Главная причина такого сильнаго развитія отхожихъ промысловъ въ Любимскомъ уѣздѣ—«малоземелица» и дурное качество земли. Но не такъ объясняетъ причину отхожихъ промысловъ народъ. Народъ смотритъ на любимцевъ, какъ на людей прежде всего «корыстныхъ» и разсказываетъ, по поводу этого интересное преданіе: Преподобный Геннадій, возвращаясь откуда-то въ свою обитель [1]), подошелъ къ берегу рѣки Обнборы и просилъ перевозчиковъ переправить его на другую сторону рѣки. Перевозчики потребовали съ преподобнаго Геннадія впередъ деньги за перевозъ, а такъ-какъ денегъ у Преподобнаго не оказалось, то перевозчики отказались переправить его, и преподобному вмѣсто денегъ пришлось отдать свои рукавички. Переѣхавъ на другую сторону, преподобный вознегодовалъ на Любимцевъ за корысть и осудилъ ихъ: «Мыкаться вамъ по бѣлу свѣту, какъ евреямъ и быть несытымъ-неголоднымъ». Пророчество это, говоритъ народъ, до сихъ поръ тяготѣетъ надъ Любимцами:—«мыкаются они по бѣлу свѣту», и добавляетъ разсказъ о пророчествѣ еще другимъ насмѣшливымъ разсказомъ: Идетъ Любимецъ по Питеру въ шляпѣ «бариномъ», а подъ мышкой несетъ пѣтуха. На встрѣчу ему попадается знакомый и спрашиваетъ Любимца, куда онъ идетъ?—Въ трактиръ чайку попить.—А пѣтухъ зачѣмъ? За чаекъ-съ заплатить.

Н. А. Тихоміровъ.

---

[1]) Монастырь Преподобнаго Геннадія существуетъ и нынѣ.

Особая форма нищенства.

Намъ пришлось наблюдать въ Вельскомъ уѣздѣ Вологодской губерніи, очень интересный фактъ въ жизни крестьянъ Архангельской губерніи — это собираніе милостыни на свадьбу.

Нищенствомъ на свадьбу занимаются крестьяне Шенкурскаго уѣзда, Архангельской губерніи, преимущественно двухъ волостей этого уѣзда—Сулонской и Усподинской. Надо замѣтить, что, какъ намъ передавали крестьяне Вельцы, экономическое благосостояніе крестьянъ этихъ двухъ обширныхъ волостей, сравнительно, очень удовлетворительное. «А такъ ужъ по обычаю сбираютъ»—поясняли Вельцы.

Преимущественно во время Филипповскаго и Великаго постовъ, крестьяне упомянутыхъ волостей, цѣлыми партіями на лошадяхъ являются въ Вельскій уѣздъ и разсѣеваются въ разныхъ направленіяхъ по селамъ и деревнямъ этого уѣзда и, переѣзжая изъ одной деревни въ другую, собираютъ милостыню. «Сѣнца на прокормленіе лошадки, а намъ хлѣбца» — выкрикиваютъ сборщики подъ окнами домовъ. Партіи нищенствующихъ крестьянъ, обыкновенно, состоятъ изъ отцовъ и дочерей — невѣстъ или сыновей—жениховъ. Несмотря на то, что вельскіе крестьяне вообще нескупы на подаяніе, архангельцы, при выпрашиваніи милостыни, пускаются и на хитрости; они съ большимъ успѣхомъ эксплуатируютъ слабость вельцевъ къ сказкамъ. Какъ только архангелецъ останавливается въ деревнѣ на ночлегъ, сей-часъ-же начинаетъ разсказывать хозяевамъ дома «заманчивыя сказки», вѣсть объ этомъ быстро разносится слушателями и особенно слушательницами. Сказки слушаются съ захватывающимъ интересомъ, и разскащику щедро сыплятся даянія и «сѣнцомъ и хлѣбцемъ». Собранный хлѣбъ тутъ-же на мѣстахъ собиранія сушится въ сухари, а затѣмъ, какъ хлѣбъ, такъ и сѣно продаются, а вырученныя деньги, достигающія иногда солидной цифры, спеціально предназначаются на приданое дочери, или на расходы при женитьбѣ сына. Такимъ образомъ архангелецъ, справляя свадьбу дочери или сына, сохраняетъ свой хлѣбъ и не производитъ затратъ на свадьбу изъ своихъ средствъ.

Н. А. Тихоміровъ.

Письмо П. В. Шейна къ Редактору Ж. Ст.

Только на дняхъ мнѣ удалось прочесть во II выпускѣ «Живой Старины» за истекшій годъ любопытнѣйшее сообщеніе г. Н. Чехова о найденномъ имъ полномъ спискѣ рукописи сборника пѣсенъ Кирши Данилова, считавшемся доселѣ безслѣдно утеряннымъ для науки. Это извѣстіе безъ сомнѣнія обрадуетъ всѣхъ любителей и изслѣдователей нашей народной словесности; меня же оно болѣе всего заинтересовало тѣмъ, что въ отысканной рукописи находятся цѣликомъ и тѣ 9 стихотвореній, которыя во 2-мъ изданіи (1818 г.) названнаго знаменитаго сборника ученый его редакторъ К. Калайдовичъ, счелъ нужнымъ исключить огуломъ, какъ неприличныя, позволивъ себѣ только привести въ выноскѣ по одному лишь стиху изъ каждаго изъ нихъ. Въ числѣ этихъ-то забракованныхъ стихотвореній одно начинается стихомъ: «Изъ монастыря Боголюбова старецъ Игримище» (стр. XXIX) есть, по всей вѣроятности не что иное, какъ близкій варіантъ сатирической пѣсни, копію съ которой я въ 1860 году получилъ въ подарокъ отъ незабвеннаго для русской литературы А. Н. Аѳанасьева. По моей программѣ, пѣсня эта должна была занять подобающее ей мѣсто въ отдѣлѣ пѣсенъ чернеческихъ моего обширнаго великорусскаго сборника, осужденнаго по милости обстоятельствъ, далеко не отъ меня зависящихъ, на

безплодное для науки пребываніе подъ спудомъ въ моемъ архивѣ Богъ вѣсть до какой поры. Но въ виду возможности скораго появленія въ печати новаго, болѣе полнаго и точнаго изданія сборника Кирши, куда на этотъ разъ войдетъ вѣроятно и означенная выше черноческая пѣсня, я считаю своимъ долгомъ, въ интересахъ науки, безотлагательно представить на Вашъ просвѣщенный судъ любопытный Аѳанасьевскій варіантъ (а можетъ и оригиналъ?) названной пѣсни, съ тѣмъ, что если найдете его заслуживающимъ вниманія читателей Вашего уважаемаго журнала, то соблаговолите напечатать въ одной изъ ближайшихъ его книжекъ.—Вотъ этотъ варіантъ:

Изъ монастыря Боголюбова
Шли старцы станицами,
Станицами, вереницами.
Напередъ идетъ Демидъ чернецъ,
Демидъ чернецъ, сынъ Захарьевичъ.
Онъ на гору идетъ—спотыкается,
А подъ гору колесомъ катится.
Онъ подходитъ ко двору, ко боярскому,
Онъ проситъ милостыню.
Увидала княжна-боярыня
Изъ высокова изъ терема,—
Высылала она милыстыню
Съ душой красной дѣвицей.
Демидъ-чернецъ беретъ не милостыню,
А беретъ онъ красную дѣвицу,
Онъ сажаетъ ее въ сумочку,
Онъ кладетъ ее за корточки,
Онъ несетъ ее въ свой монастырь.
Повстрѣчалися Демиду чернецу
Ребята Десятильниковы:
«Что, Демидъ, въ твоей сумочкѣ?»
Демидъ чернецъ сказываетъ:
«У меня капустка бѣленькая,
«Да свеколка красненькая,
«Да рѣдечка горьконькая!»
Они ему не повѣрили:
Побѣжали во кузницу,
Разжигали шилья вострыя,
Стали въ сумочку тыкать,
А въ сумочкѣ стало пикать,—
Изъ бѣлой капустки
Разсолъ потекъ.

Изъ рукописн. сборника XVIII вѣка. Сообщ. А. Н. Аѳанасьевымъ.

Едвали можно предполагать, чтобы въ Киршевскомъ варіантѣ («написанномъ въ насмѣшливомъ тонѣ») о старцѣ Игримищѣ того же Боголюбовскаго монастыря заключалась болѣе сильная насмѣшка надъ цѣломудріемъ чернецовъ, чѣмъ въ добродушномъ, безобидномъ, только что приведенномъ, нашемъ спискѣ, и для насъ остается совершенной загадкой: что могло побудить Калайдовича выбросить и эту піесу изъ своего изданія «Древнихъ россійскихъ стихотвореній»? Что не цензура была тому причиной,—это, кажется, достаточно ясно изъ того, что она въ этомъ же очищенномъ изданіи, въ піесѣ подъ № LIV (стр. 987) пропустила вотъ какіе стихи:

Было беззаконство великое:
Старицы по кельямъ—родильницы,
Черницы по дорогамъ—разбойницы и т. д.

Затѣмъ знаемъ, что года за три до появленія въ свѣтъ этого изданія (т. е. въ 1815 г.) въ сборникѣ Прача тою же цензурой пропущены такія пѣсни о чернецахъ и черницахъ, какъ напр.:

Во городѣ было во Казани
Молодой чернецъ постригся
и: За святыми воротами черничка гуляла и т. д.

Отсюда ясно, что «стихотвореніе» о старцѣ Игримищѣ выпущено Калайдовичемъ подъ давленіемъ другой авторитетной силы, вслѣдствіе соображеній, совершенно чуждыхъ интересамъ науки.

П. Шейнъ.

С.-Петербургъ, 25 янв. 1895 г.

Кривулэ у Латышей.

Сдѣланный мнѣ проф. Мѣржинскимъ запросъ, относительно существованія или несуществованія Кривулэ у Латышей, понудилъ меня навести объ этомъ справки, которыми вполнѣ удостовѣряется существованіе Кривулэ у Латышей въ былое, могу даже сказать въ весьма недавнее время.

Вотъ что пишетъ по этому поводу Анлизе Лапскалнъ, уроженка Нурмуйжской волости, Тальсенскаго уѣзда, Курляндской губерніи, въ письмѣ отъ 9-го февраля 1894 г.: «Я еще помню, что лѣтъ 40 тому назадъ, была такая палка (nùja, spiekis); ее всѣ знали въ волости; одинъ владѣлецъ усадьбы (saimenieks) посылалъ ее другому; къ кому эту палку приносили, тотъ долженъ былъ въ слѣдующее воскресенье послать одного человѣка на мызу; ему тамъ давали ту или другую работу».

Послѣ этого, мнѣ кажется, существованіе Кривулэ у Латышей не подлежитъ никакому сомнѣнію, хотя названіе это уже нигдѣ болѣе не извѣстно, а помнятъ такую палку только подъ общими названіями «nùja» или «spiekis». Но это ничуть не измѣняетъ характера и значенія этой «nùja», которая вполнѣ соотвѣтствуетъ Литовской «lazda», употребляемой до сего времени въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Литвы.

Относительно этимологіи «Лазды» позволяю себѣ, въ опроверженіе разныхъ невозможныхъ толкованій, замѣтить, что это слово по моему происходитъ просто отъ латышско-литовскаго слова «lazda»—орѣшникъ.

Сохранилась-ли еще гдѣ нибудь упомянутая «nùja», въ наши дни, мнѣ пока неизвѣстно. Насколько я знаю, то для извѣщенія членовъ волости теперь содержатъ такъ называемаго «казака» (kǎzāks), исправляющаго одновременно должность почтальона.

Прежде, когда волостнымъ судомъ кому нибудь бывали присуждаемы розги, то исполнителемъ правосудія опять являлся «казакъ».

Вознаграждался онъ, по сообщенію Анлизе Лапскалнъ, такъ: мыза давала ему квартиру волость—жалованье; а тотъ, кого онъ поролъ (kas pèrienu dabuja), долженъ былъ отблагодарить его за трудъ нѣсколькими копѣйками.

Г. Виссендорфъ

Протоколъ I-го засѣданія Латышско-Литовской комиссіи (25 ноября 1894 года).

Въ пятницу, 25 ноября 1894 года, состоялось первое въ этомъ году собраніе Литовско-Латышской комиссіи, подъ предсѣдательствомъ проф. В. И. Ламанскаго и въ присутствіи членовъ ея: А. И. Соболевскаго, Ѳ. М. Истомина, Г. Г. Гинкена, С. І. Балтрамайтиса, кн. П. А. Путятина, Э. А. Вольтера, А. Л. Погодина и гостей.

На этомъ собраніи проф. А. И. Соболевскій сдѣлалъ сообщеніе о прусскихъ поселеніяхъ въ Россіи и въ предѣлахъ бывшаго Царства Польскаго. Переселенія Пруссовъ, вызванныя покореніемъ ихъ земли Тевтонскимъ орденомъ, происходили въ XIII вѣкѣ и были, повидимому, многочисленны. О нихъ упоминаетъ лѣтопись (Ипатьевс. списокъ) подъ 1276 г. На территоріи бывшаго Польскаго королевства 22 поселенія носятъ названіе Прусы; поселенія съ тѣмъ же названіемъ имѣются и въ губерніяхъ Великорусскихъ (Москов. губ.—1, Орлов.—1, въ Петерб. губ. послѣднее звучитъ Пруси съ древнимъ окончаніемъ). Затѣмъ есть поселенія Прусь въ Галиціи и Пруска (весь) въ Грод-

ненской губ. Переселившіеся знатные прусскіе роды вступили на службу русскихъ князей (см. лѣтопись по Ипатскому списку, стр. 584) и сдѣлались родоначальниками боярскихъ родовъ: старорусскія генеалогіи этихъ послѣднихъ говорятъ объ ихъ происхожденіи «отъ Прусъ».

По поводу доклада проф. А. И. Соболевскаго, чл.-сотр. А. I. Лященко высказалъ предположеніе, что генеалогія «отъ Прусъ» могла вызываться не дѣйствительнымъ происхожденіемъ, но просто господствовавшей модой; А. И. Соболевскій призналъ это предположеніе маловѣроятнымъ.

Послѣ вышеупомянутаго доклада Г. Г. Гинкенъ сообщилъ о рукописномъ сборникѣ Бурбы, принадлежащемъ Географическому обществу. Докладчикъ остановился, главнымъ образомъ, на лингвистической сторонѣ записей и указалъ, что эта запись иногда не лишена противорѣчій. Сборникъ, въ виду интереса, представляемаго тщательной записью мелодій пѣсенъ, рѣшено напечатать въ органѣ этнографическаго отдѣленія, журналѣ «Живая Старина».

Э. А. Вольтеръ выразилъ желаніе, сочувственно принятое всѣми членами комиссіи, чтобы комиссія участвовала своими трудами въ предстоящемъ Археологическомъ съѣздѣ 1896 года.

Въ заключеніе, А. И. Соболевскій обратился къ членамъ комиссіи съ вопросомъ— нельзя-ли какъ-нибудь изъ мѣстныхъ именъ объяснить лѣтописныя географическія названія Сѣтьгола и Лотыгола. Этотъ вопросъ остался открытымъ. Затѣмъ г. Вольтеръ сообщилъ, что, на основаніи найденной имъ замѣтки Довконта, не можетъ быть сомнѣній въ томъ, что пѣсню о Бирутѣ написалъ не Пошка, а Валюнасъ (ср. Vargas. 1894. № 8, стр. 124). Въ заключеніе имъ же и кн. Путятинымъ были сдѣланы сообщенія о нѣсколькихъ новыхъ книгахъ.

Протоколъ 2-го засѣданія Литовско-Латышской комиссіи (12 декабря 1894 года).

Комиссія, подъ предсѣдательствомъ проф. В. И. Ламанскаго и въ присутствіи членовъ ея: г.г. Истомина, Вольтера, Гинкена, Пельца, Балтрамайтиса, Махвичъ-Мацкевича, Шмидта, Бражджониса, Повилькиса, Машулайтиса и Погодина, собравшись 12 декабря 1894 года, занималась слѣдующими предметами:

1) П. П. Шмидтъ сообщилъ о сочиненіяхъ «отца латышской письменности», Георгія Манцелія. Очертивши его жизнь, референтъ перешелъ къ подробному перечисленію орѳографическихъ правилъ и важныхъ для исторіи латышскаго языка особенностей стиля Манцелія: онъ указалъ на окончаніе *i* въ Dat. Sing. женскихъ основъ на-*a*, на сохраненіе окончанія *i* въ формамъ какъ zivis, avis и т. д., на окончаніе *o* въ Gen. Pl. и ms въ Dat. Plur., на приставку *p* для обозначенія пространства; въ формахъ спряженія Манцелій представляетъ также не мало интереснаго: такъ, онъ сохранилъ еще для нѣкоторыхъ глаголовъ (напр. atbilda, gluna, dzēda, skane и др.), окончаніе 3 л. ед. числа настоящаго времени и имѣетъ для 2 л. множ. числа настоящаго и будущаго временъ окончанія: aita, ēta, āt, и т. д. Далѣе Манцелій употребляетъ уже вымершую теперь форму герундивнаго причастія на tius, tina и полныя окончанія причастій на ams, ama. Отмѣтивши еще нѣсколько особенностей языка Манцелія (въ предлогахъ, вопросительной частицѣ—gi и g и т. п.), референтъ привелъ цѣлый рядъ словъ, почему-либо обращающихъ на себя особое вниманіе въ сочиненіяхъ Манцелія.

2) Г. Балтрамайтисъ сдѣлалъ сообщеніе о выходившихъ въ 1894 году литовскихъ періодическихъ изданіяхъ: въ настоящее время ихъ издается 20 названій, частью въ Пруссіи, частью въ Америкѣ. Какъ образчикъ этнографическихъ статей въ литовскихъ органахъ, референтъ прочелъ корреспонденцію г. Жалтиса о Литовцахъ Лидскаго уѣзда Виленской губерніи.

3) Э. А. Вольтеръ сообщилъ о десятилѣтнемъ юбилеѣ литовской газеты Varpas и перечислилъ главныя статьи этого органа за истекшее десятилѣтіе. Далѣе онъ прочелъ списокъ главныхъ литовскихъ книгъ, вышедшихъ въ 1893 году, и предложилъ послать отъ имени комиссіи 13 приложенныхъ къ протоколу вопросовъ на Рижскій X Археологическій съѣздъ.

Комиссія на собранныя между членами деньги (6 р. 55 к.) поручила своему секретарю выписать литовскую газету Varpas на 1895 г. Кромѣ того она поручила ему обратиться къ нѣкоторымъ литовскимъ и латышскимъ дѣятелемъ съ просьбой содѣйствовать своими трудами цѣлямъ комиссіи.

Стран.

Отдѣлъ III.

Критика и библіографія.

Отдѣлъ IV.

Отдѣлъ V.

Смѣсь.

Цѣна 1 р. 50 к.

б. 4